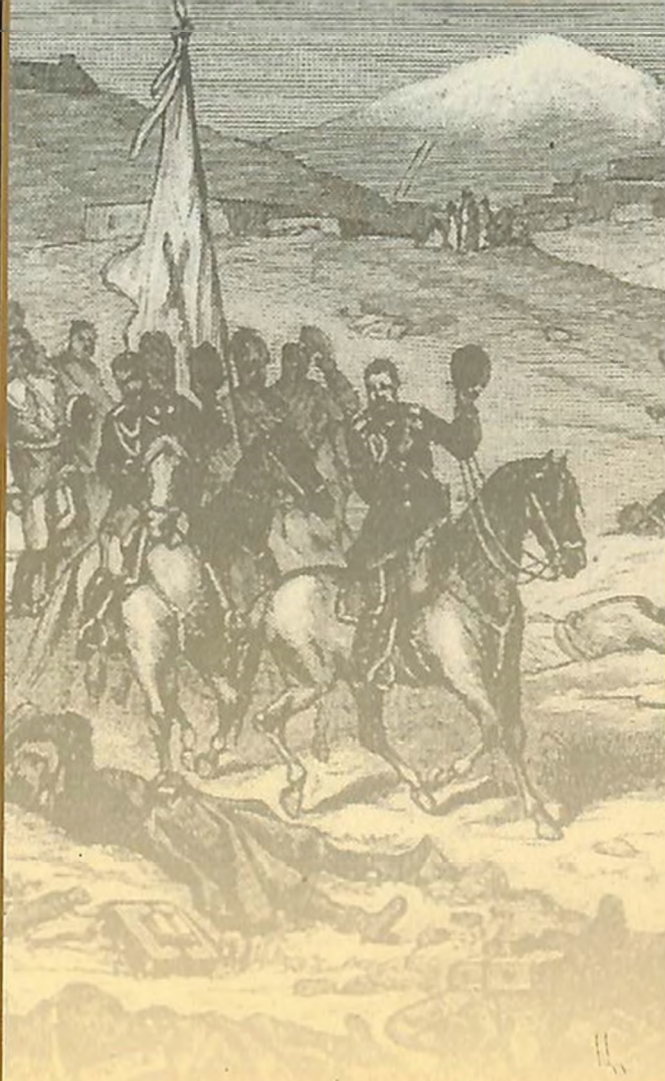

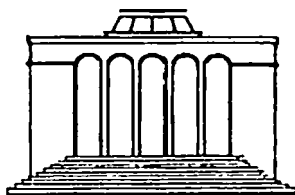
С. М. САЯДОВ

**ГЛИНКА С. Н.
ОТ РУССКОЙ ИСТОРИИ
К ИСТОРИИ
АРМЯНСКОГО НАРОДА**

Глинка С.Н. был награжден орденом Святого Владимира IV степени «За любовь к Отечеству, доказанную сочинениями и деяниями» (19 июля 1812 г.).

**ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ**

ՍԵՐԳԵՅ ՍԱՅԱԴՈՎ

Ս.Ն. ԳԼԻՆԿԱ

**ՌՈՒՍԱՅ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ՝ ՀԱՅ
ԺՈՂՈՎՐԴԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆԸ**

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

СЕРГЕЙ СЯДОВ

ГЛИНКА С.Н.

ОТ РУССКОЙ ИСТОРИИ
К ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО НАРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ГИТУТЮН" НАН РА
ЕРЕВАН 2006

R II
651649

УДК 941 (479.25):947:070
ББК 63.3 (2Ар)+63.3 (2Р)+76.1
Г 542 с

**Печатается по решению Ученого совета Института
истории НАН РА**

Ответственный редактор доктор исторических наук
Н.Б. Саруханян

Рецензенты: кандидаты исторических наук
В. Х. Овакимян, Г. Л. Киракосян

Саядов С.М.

Г 542 с Глинка С.Н. От русской истории к истории армянского народа – Ер.: Изд-во “Гитутюн” НАН РА. 2006. – 240 с.

Биографический очерк посвящён жизни и творчеству С.Н. Глинки. Писатель, публицист, издатель журнала «Русский вестник» – он являлся автором ряда произведений по истории и культуре армянского народа, написанных в тесном сотрудничестве с Лазаревыми - Христофором Екимовичем и Иваном Екимовичем. Часть из опубликованных в книге архивных документов впервые вводится в научный оборот.

Публикация адресована всем, кто интересуется историей русско-армянских отношений.

Г $\frac{0503020913}{703(02)-2006}$ 2006 г. ББК 63.3 (2Ар)+63.3 (2Р)+76.1

ISBN 5 – 8080 – 0641 – 4

© Издательство “Гитутюн” НАН РА, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
С.Н. Глинка и его время: историко-биографическая реконструкция. Постановка проблемы. Цели исследования. Историография вопроса	

Часть I

Этапы жизненного пути

Глава 1. Детство. Корпус. Первая проба пера	32
Обучение и воспитание в кадетском корпусе. Формирование личности, особенности мировоззрения. Интерес к античной, европейской и русской истории. Ранний период творчества. «Драматургический» историзм писателя. Общественные настроения в стране.	
Глава 2. «Русский вестник». Патриотическая деятельность. «Записки о войне 1812 года»	44
Зарождение замысла журнала. Обзор основных направлений журнала. Значение «Русского вестника». Первый ратник Московского ополчения. Официальное признание заслуг С.Н. Глинки. Оценка им событий 1812 года.	
Глава 3. Литературно-издательская деятельность после 1812 года. «Русская история»	62
Писатель-историк. Особенности его исторических сочинений. Отзывы о «Русской истории». Стремление возродить «Русский вестник». Донской пансион – попытка воссоздания Alma mater. «1825 год в моей жизни».	

Глава 4. В Московском цензурном комитете	75
Николаевская цензура. «Одна смертельная нужда заставила меня принять звание цензора». «Система цензорства», изобретённая С.Н. Глинкой. Служебные коллизии. Увольнение. Хлопоты о пенсии. Устройство детей в учебные заведения.	
Глава 5. От русской истории к истории других народов. История Армении	86
Патриотизм. «Истинный национализм». Произведения С.Н. Глинки, посвящённые национально-освободительной борьбе греческого народа. Обращение писателя к истории Армении. Основная тематика этих произведений.	
Глава 6. Работа над историей армянского народа	104
Особенности исторической концепции автора. Сотрудничество с Х.Е. и И.Е. Лазаревыми. Отклики современников на армянскую историю. Вклад С.Н. Глинки в историографию истории Армении.	
Последние годы...	123
Мемуары писателя. Литературно-публицисти- ческие очерки 30-40-х годов. Оценка современни- ками творчества С.Н. Глинки.	

Часть II

Документальные свидетельства

Предисловие к части II.	128
Раздел 1. «Русский вестник», цензорство, переписка, рецензии	131

- № 1. Письма С.Н. Глинки Г.Р. Державину (периода службы Сергея Николаевича в Смоленском ополчении) 131
- № 2. Письма С.Н. Глинки графу А.А. Аракчееву (по поводу обстоятельств издания и подписки на журнал «Русский вестник»). 135
- № 3. Письма С.Н. Глинки историку А.И. Михайловскому-Данилевскому (о материалах для издания «Истории Отечественной войны»). . . 137
- № 4. Письма С.Н. Глинки императрице Елизавете Алексеевне (о признательности издателя за её внимание к журналу «Русский вестник»). 139
- № 5. Из воспоминаний К.А. Полевого о «Русском вестнике» и «Русской истории» С.Н. Глинки . 141
- № 6. Из дела Главного цензурного комитета «Об отобрании у содержателя Московской типографии Семена всех экземпляров изданного стихотворения С.Н. Глинки “Поэма о нынешних происшествиях, или воззвание к нападкам против турок”, и о компенсации издателю убытков в связи с конфискацией издания» 142
- № 7. Письмо Н.М. Карамзина С.Н. Глинке (о ходатайстве историографа перед министром народного просвещения А.С. Шишковым о награждении С.Н. Глинки за его «Русскую историю»). 143
- № 8. Дело по представлению г. Попечителя Московского учебного округа «О вознаграждении цензора Глинки за убытки, причиненные ему жалобой на него проф. Каченовского». 144
- № 9. Из дела «Об увольнении Отдельного цензора при Московском цензурном комитете Сергея Глинки от занимаемой должности». Прощения Глинки о предоставлении ему пенсии. 145

- № 10. Письмо П.А. Вяземского – Е.М. Хитровой
(с просьбой походатайствовать о пенсии
С.Н. Глинке) 152
- № 11. «Записка Сергея Глинки» (послужной список) 155
- № 12. Из переписки С.Н. Глинки с Петербургским
и Московским цензурными комитетами «Об
исходатайствовании дозволения г. отставному
майору Глинке продолжать издание
«Русского вестника». 157
- № 13. П.А. Плетнев о произведениях С.Н. Глинки. . 162
- № 14. Бумаги по передаче дел, производившихся
в упразднённой Особой Канцелярии, бывшей
при Главнначальствующем над Почтовым
департаментом, о постоянных денежных
пособиях, выдаваемых негласным образом . . 164
- № 15. Письмо С.Н. Глинки К.С. Сербиновичу. . . 168
- № 16. В.Г. Белинский о книге «Русское чтение»,
издаваемое Сергеем Глинкою. Отечественные
исторические памятники XVIII и XIX столетий» . 169
- № 17. Из документов Кабинета Е.И.В., МНП, МФ о
переписке С.Н. Глинки с А.Н. Голицыным по
вопросам оказания материальной помощи
семье и устройстве детей С.Н. Глинки в
государственные учебные заведения 171

Раздел 2. С.Н. Глинка и история Армении

- № 18. Записка Х.Е. Лазарева Николаю I 180
- № 19. Письма разных лиц Х.Е. и И.Е. Лазаревым и
ответы на них 184
- № 20. Из переписки Христофора и Ивана Лазаревых
с разными лицами. 185
- № 21. Письмо С.Н. Глинки Х.Е. Лазареву. 188
- № 22. Материалы об издании истории Армянского
народа (рукописные заметки, записки, справки) 189

№ 23. Об истории Армянского народа, сочиненной Сергеем Глинкой	195
№ 24. Дело по представлению Московского цен- зурного комитета о книге «Обозрение Армянской истории»	198
№ 25. Рецензия М.А. Максимовича на кн.: «Две повести в стихах, почерпнутые из древних Арм. Летописей».	202
№ 26. Рецензия на книгу: «Две повести в стихах, почерпнутые из древних Арм. Летописей»	203
№ 27. Рецензия О.И. Сенковского об «Истории армянского народа» С.Н. Глинки	204
№ 28. Касса (кассовая книга) Санкт-Петербургской Главной конторы.	207
№ 29. Счетная (книга) Санкт-Петербургской Главной конторы	208
№ 30. Письма разных лиц Христофору Екимовичу Лазареву	209
№ 31. Дело по представлению Московского цензурного комитета о книге «Собрание актов»	211

Часть III

Приложения

1. Библиография по теме: От русской истории к истории армянского народа (С.Н. Глинка: биографический очерк).	214
2. Генеалогия Глинок (фрагмент)	229
3. Генеалогия Лазаревых (фрагмент)	230
4. Именной указатель	231

В публикации использованы сокращения и условные знаки

“Р.В.” – “Русский вестник”

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГИА – Российский государственный исторический архив

МНП – Министерство народного просвещения

МФ – Министерство финансов

Е.И.В. – Его Императорское Величество

М.Г. – милостивый государь

ЛИВЯ – Лазаревский институт восточных языков

[...] – обозначение пропущенной части текста

(...) – обозначение не поддающихся прочтению частей текста

[] – обозначение восстановленной по смыслу части текста

* – обозначения примечаний оригинала текста

С. – страница текста

ф. – фонд архивного дела

оп. – опись архивного дела

л. – лист архивного дела

об. – оборот листа архивного дела

Предисловие

Потомки не вправе судить и, тем более, забывать минувшее. Летописи, труды авторов прошлого, другие исторические источники ценны уже тем, что сохраняют «дух эпохи». Каждое время по-своему, в соответствии со своими идеалами, «переписывает историю», ищет и находит свои аналогии и параллели,

Задача исторического исследования не в том, чтобы упрекать прежних авторов с «высоты» сегодняшнего дня, а в том, чтобы возобновить преемственность исторической памяти. Это, видимо, и есть «восстановление исторической справедливости», под которой, однако, иногда понимаются попытки «переписать историю».

Рано или поздно необходимо научиться принимать свою историю такой, как она есть. А.С. Пушкин писал П.Я. Чаадаеву: «...ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал»¹.

Прошлое остаётся прошлым, как бы к нему не относиться. Вместе с тем невозможно жить сегодняшним днём, не учитывая уже накопленный исторический опыт. Особенно остро потребность в осмыслении пройденного исторического пути проявляется в настоящее время, в период адаптации общества к новым условиям независимого развития.

Развитие исторической науки определяется не только трудами, которые прошли испытание временем. Различные аспекты знаний о прошлом проявляются в других памятниках общественной мысли, в разнообразных источниках: периодических изданиях, публицистике,

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10-ти тт. Т.10. М., 1981. С. 337.

художественной литературе и т.д. Нередко то, что особенно занимало современников, оказывается непонятным для потомков, ограничивающихся в своих суждениях стандартным набором общепринятых схем. Поэтому для понимания прошлого необходимо стремиться изучать и исследовать по возможности все, в том числе и «рядовые», историографические факты, типичные для исследуемой эпохи: «забытые» книги, идеи, имена.

Одному из несправедливо забытых общественных деятелей начала XIX века – Сергею Глинке – посвящена эта книга.

* * *

Глинка Сергей Николаевич (1776 – 1847) – публицист, поэт, драматург, историк. Со времени обучения в кадетском корпусе и на протяжении всей жизни он всегда был мечтателем, верил в неизбежное торжество добра и справедливости. Его жизнь, творческий путь, многочисленные сочинения, на наш взгляд, было бы неверно рассматривать только с рационалистических позиций сегодняшнего дня: он каждый шаг свой сверял с голосом сердца.

Он не был «кабинетным писателем», как и профессиональным историком, и если бы даже не написал ни строчки, то остался бы в памяти потомков благодаря своей общественной деятельности в эпоху 1812 года, изданию журнала «Русский вестник»¹.

Вместе с тем С.Н. Глинка, по свидетельству известного библиографа XIX века, был одним из «плодовитейших русских писателей своего времени»². Его перу принадлежит более двухсот произведений разных жанров. Как свидетель-

¹ Далее в тексте и ссылках – «Р.в.».

² См.: Геннади Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и учёных, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1715 по 1825 г. Т. I. Берлин. 1876. С. 220.

ствовали современники, он был одним из наиболее читаемых писателей своей эпохи¹.

Первую половину XIX века называют «золотым веком» русской культуры, - временем становления национального сознания, языка, литературы, и С.Н. Глинка был заметным участником этого процесса.

Для С.Н.Глинки, воспитанного на гуманистических идеалах эпохи Просвещения, с юных лет не было ничего более возвышенного, чем любовь к Отечеству, которому он служил своим пером до последних дней жизни. Его бескорыстный, последовательный патриотизм уважали современники: от Пушкина и декабристов до государственных сановников². С.Н. Глинка был известен широкой российской публике со времён 1812 года, когда его вдохновенные патриотические речи звучали на московских площадях и в окрестностях столицы. Он сотрудничал в литературных журналах со многими писателям и поэтами, составившими славу России.

С.Н.Глинка зарабатывал на жизнь собственным пером. Получая часто немалые гонорары, он жил в постоянной нужде. Невзгоды и испытания преодолевал терпеливо и мужественно, был человеком честным, никогда не изменял своим убеждениям.

Современники с симпатией отзывались о нём, отмечая добродушие, отзывчивость, верность высоким идеалам. Н. Полевой писал о Глинке: «Одно было в нем

¹ Так в «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» (в 4-х частях. СПб., 1828) по количеству представленных произведений С.Н. Глинка находится в числе 20-ти самых читаемых писателей.

² «Искренняя деятельность С.Н. Глинки мирила с ним литературных его противников, другого образа мыслей по всем другим предметам, но одного и того же понятия о необходимости воевать пером с посягателями на честь и независимость народа» (Божемянов И.Н. Сергей Николаевич Глинка // Русский вестник. Т. 237. № 3. СПб., 1895. С. 171).

неизменно: благородство, возвышенность души, которая и заставляла его презирать наружность и дорожить только тем, что почитал он истинным и согласным с достоинством человека. Он был христианин в истинном значении слова»¹.

* * *

Историко-биографическое исследование о С.Н. Глинке первоначально не входило в круг наших научных интересов. Оно появилось в ходе работы над основной темой исследования - выяснения обстоятельств издания книг С.Н. Глинки по истории Армении, осуществленного в Москве, в Лазаревском институте восточных языков в 30-е годы XIX века².

История Армении в его произведениях представлена как одна из ярких страниц всемирной истории. Книги С.Н. Глинки активно используются и сегодня всеми, кто занимается изучением истории русско-армянских отношений.

Написаны они ярким, образным языком, с нескрываемой симпатией автора к армянскому народу. Обладают внутренней целостностью и структурой. Опираются на широкий круг источников, содержат многочисленные ссылки на малоизвестных тогда авторов. Произведения эти описывают историю Армении с древнейших времён до современных С.Н.Глинке событий.

Как объяснить генезис столь обширных познаний С.Н.Глинки в истории, географии, мифологии Армении (воп-

¹ Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 252; 249, 254.

² Речь идёт о следующих работах: «Две повести в стихах, почерпнутые из древних армянских летописей» (1831) (далее: «Две повести»), «Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времён Армении» (1831) (далее: «Описание переселения»), «Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи» (1832) (далее: «Обозрение истории»), С.Н. Глинка также был одним из авторов трёхтомного издания «Собрание актов, относящихся к Обозрению Истории Армянского народа» (1833-1838) (далее: «Собрание актов»).

росов, казалось бы, далёких от его литературных интересов), позволивших издать сочинения, вобравшие основные сведения по этой теме, доступные исторической науке первой трети XIX в.? И как соотносить с образом писателя-«монархиста» и «консерватора»; ограниченного в своём творчестве русской национально-патриотической тематикой, появившийся у него устойчивый научный интерес к вопросам арменоведения? Таким нам представляется Глинка в воспоминаниях современников и трудах последующих исследователей его творчества.

Чтобы ответить на эти вопросы и определить то новое, что внёс Сергей Глинка в русскую историографию Армении, мы попытались изучить основные этапы его творчества и жизненного пути, реконструировать его авторскую позицию и мировоззренческие взгляды.

После изучения специальной литературы и архивных материалов удалось получить ответы на некоторые из этих вопросов. Обнаруженные документы свидетельствуют о тесном творческом и деловом сотрудничестве Сергея Глинки с Х.Е. и И.Е. Лазаревыми¹ в процессе работы над историей армянского народа. Архивные документы помогли понять характер и формы их *совместной работы* по сбору, литературной обработке и изданию задуманного Лазаревыми и осуществлённого Сергеем Глинкой комплекса работ по истории армянского народа².

Не менее важно объяснить и то, почему именно Сергей Николаевич Глинка был привлечён Лазаревыми в качестве

¹ Здесь и далее в настоящем издании речь идёт о Христофоре Екимовиче Лазареве и Иване Екимовиче Лазареве (в литературе и документах встречается несколько вариантов написания имени Овагим, Яким. Общеизвестно в исторической литературе - Еким. Т.о. - Христофор Екимович и Иван Екимович). Подробнее см.: «Генеалогия рода Лазаревых» на с. 230.

² Некоторые из этих документов впервые вводятся в научный оборот и публикуются в части II настоящей работы.

автора. С уверенностью можно сказать лишь то, что выбор Лазаревых не мог быть случайным. Деловая обстоятельность Х.Е. и И.Е. Лазаревых, их широкие связи и большие возможности позволяли им быть предельно избирательными в выборе автора, способного реализовать их масштабный издательский проект. Вероятнее всего, они руководствовались такими критериями, как литературный талант, личностные качества и мировоззрение писателя.

Историография жизни и творчества С.Н. Глинки

О Сергее Глинке написано немало. Как уже отмечалось выше, он был известным деятелем своей эпохи. Активно занимаясь драматургией, патриотической и издательской деятельностью, т.е., являясь персоной публичной, он не был обделён вниманием своих современников¹ и последующих исследователей. Мировоззрение, литературные труды С.Н. Глинки в наше время воспринимаются иначе, чем в работах прошлых лет: прежде всего это касается национально-патриотического направления его творчества, консерватизма, верноподданнических чувств (именно в этом его упрекали в русской и советской историографии и литературоведении, сегодня же эти оценки нуждаются в переосмыслении).

В историко-литературных исследованиях 1 половины XIX века имя С.Н. Глинки встречается, прежде всего, в контексте эпохи 1812 года. Так, в юбилейном издании «Отечественная война и русское общество 1812-1912» в главе «Война и русская журналистика» журналу «Русский вестник», издаваемому Глинкой, был посвящён целый раздел

¹ См.: Вяземский П.А. Записки; Полевой К.А. Записки; Греч Н.И. Записки о моей жизни; Вигель Ф.Ф. Записки; Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания; Федоров Б.М. Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки и др.

Автор раздела проф. И.И. Замотин, на основе анализа материалов «Р.в.», его общественно-политического значения, высоко оценивает деятельность С.Н. Глинки того периода¹.

По-иному расставлены акценты в статье Н.М. Дружинина «Освободительная война 1812 года и русское общество»². Сопоставляя тематику публикаций в популярных журналах того времени, он относит «Русский вестник» к изданиям, выражающим взгляды «наиболее консервативного крыла дворянского общества». Одновременно Н.М. Дружинин признаёт и пользу журнала: в разоблачении «стремления наполеоновской Франции к мировому господству»; в борьбе «против дворянской французомании, приводившей к монополии французского языка и литературы; в возрождении из забвения русских обычаев и т.п.»³.

Период работы С.Н. Глинки в Московском цензурном комитете, на основе архивных документов, изучен В.В. Даниловым⁴. Вацуро В.Э. и Гиллельсон М.И. посвятили Глинке раздел в своей монографии «Цензор без страха и упрека»⁵.

В статье С. Мельгунова, опубликованной в Энциклопедическом словаре Русского библиографического института Гранат, общественная и литературная деятельность С.Н. Глинки характеризуется прежде всего как патриотическая⁶.

¹ Замотин И.И. «Русский вестник» Глинки // Отечественная война и русское общество 1812-1912. Т. V. М., 1912. С. 130-138.

² Дружинин Н.М. Освободительная война 1812 г. и русское общество // Вопросы истории. 1963. № 11. С. 34-46.

³ См.: Там же.

⁴ Данилов В.В. С.Т. Аксаков, С.Н. Глинка, В.В. Измайлов в Московском цензурном комитете // Известия Отделения русского языка и словесности АН. Т. I. Кн. 2. 1928. С. 507-524.

⁵ Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М.: Книга, 1986. С. 151-158.

⁶ Мельгунов С. Глинка С.Н. // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 11 стереотип. изд. Т. 15. М. С. 143-145.

Однако безапелляционный, назидательный тон автора понуждает нас усомниться как в его беспристрастности, так и в объективности представленного материала¹.

Более систематизированной и последовательной, на наш взгляд, является статья М. Мазаева в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, где С.Н. Глинка представлен читателям как деятель эпохи 1812 года². В статье можно найти основные сведения о жизни писателя, многие его произведения. Однако и этому исследователю не удалось избежать оценочных, категоричных замечаний, касающихся художественного уровня некоторых произведений С.Н.Глинки.

Классовый подход, господствующий в советской историографии, не предусматривал дифференциации в оценке значения работ и сочинений авторов «дореволюционного периода». Авторы, придерживающихся монархических взглядов и защищающих самодержавие, причисляли к «официальноправительственному» лагерю, а их литературная и патриотическая деятельность рассматривалась как антинародная и реакционная.

Так, в книге «Русская периодическая печать»³ журнал «Русский вестник» характеризуется как орган «официально-патриотического» направления, заполненный «нравоучительными повестями Глинки», рассказами о «наследственном мужестве русских» и т.п. Вскользь говоря о популярности журнала накануне и в период Отечественной войны 1812 года, авторы приходят к выводу, с которым трудно согласиться. По их мнению, «патриотизм С.Н. Глинки носил весьма реакционный характер, и, поэтому его журнал не

¹ Там же.

² Мазаев М. Глинка С.Н. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. VIII (16). СПб., 1893. С. 852-853.

³ См.: Русская периодическая печать (1702-1894). М., 1959.

вызывал сочувствия в прогрессивных кругах русского общества.¹

Одни исследователи, как мы видим, указывают на «реакционно-монархические взгляды» С.Н. Глинки, другие, как, например, В.В. Познанский, помимо этого стремятся найти у С.Н. Глинки «оппозиционные настроения», которые, как считает автор, в большей степени проявлялись в частных высказываниях С.Н. Глинки¹.

Ещё более прямолинейно эти схемы анализа применены в работе «Очерки по истории русской журналистики и критики»: «Журнал С.Н. Глинки «Р.в.» в соответствии со своей реакционной позицией *старался использовать патриотический подъём народа во время войны для восхваления самодержавия и крепостничества*»². Такой подход к оценке творчества писателя вряд ли способствует, на наш взгляд, объективному выяснению места автора и его произведений в истории российской публицистики.

В современной российской историографии появились новые подходы к оценке значения творчества и патриотической деятельности С.Н. Глинки. В частности, в работе Т.А. Володиной «Русская история» С.Н. Глинки анализируется в сопоставлении с историческими произведениями Н.М. Карамзина. При всём различии сочинений двух авторов, пишет исследователь, у них немало общего: «...и если Карамзин делал шаг навстречу массовому историческому сознанию, представляя в своём лице науку, то Глинка был частицей самой «публики», пытавшейся ухватить и приспособить для своих целей приобретения этой науки

¹ Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. М., 1975. С. 47-49.

² Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. С. 174 (подч. нами, – С.С). Предлагаемой читателю работой нам хотелось бы показать ошибочность такого рода утверждений.

[истории]. Издатель «Р.в.» «чутко уловил веление времени, приступив к созданию исторического мифа, окрашенного в тона романтического национализма»¹.

*Историография армянской тематики в творчестве
С.Н. Глинки*

Попытка реконструкции обстоятельств издания в России в 30-е годы XIX века вышеназванных работ С.Н. Глинки по истории армянского народа предпринимается в настоящей работе впервые. Эта тема специально не исследовалась: встречаются лишь отдельные суждения и замечания по этому поводу, без ответа пока остаются многие вопросы исторического и историографического характера.

Далее предлагается обзор основных исследований, в которых затрагиваются те или иные аспекты арменоведческого творчества С.Н. Глинки.

В обширном списке справочных изданий конца XIX – начала XX века сочинения армянской тематики С.Н. Глинки или вовсе не упоминаются, или же носят неточный и неполный характер. Например, в книге С.А. Венгерова, а также в статье Б.М. Федорова, в списке работ Глинки упоминаются только «Две повести» и «Обозрение истории»². В словаре Г. Геннади говорится об участии С.Н. Глинки в работе над собранием документов по истории Армении³.

¹ Володина Т.А. «Русская история» С.Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX века // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 160 (далее: Володина Т.А.).

² Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. I. СПб., 1900. С. 771; Федоров Б.М. Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки. СПб., 1844. С. 22, 23.

³ См.: Геннади Г. Справочный словарь о русских писателях и учёных. С. 222.

В других справочно-биобиблиографических изданиях, таких, как «Русский биографический словарь», словарь А. Старчевского, энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, не содержится никаких сведений о его работах армянской тематики¹.

Эти сочинения не рассматриваются в материале Л.Н. Киселёвой, не избежавшей оценочного суждения, в частности, по поводу «Обозрения истории» в ряду других, как она пишет, компилятивных исторических сочинений нравоучительного характера, которые Глинка, содержавший многочисленное семейство, «издавал для заработка»².

В книге «Писатели Смоленщины», при характеристике творчества С.Н. Глинки, о его работах по истории Армении ничего не говорится, а в списке основных сочинений писателя упоминаются только «Две повести»³.

Впервые вопрос о необходимости специального исследования интересующего нас аспекта творчества С.Н. Глинки поставила С.Г. Арешян⁴. Анализируя освещение темы «Армения и армяне» в истории русской литературы, она отмечала, что в XIX веке публикации на эту тему заметно расширились в связи с включением Кавказа и Закавказья в

¹ См.: Справочный энциклопедический словарь, издающийся под ред. А. Старчевского. Т. 3. СПб., 1854. С. 427- 428; Мазаев М. Глинка С.Н. С. 852-853; Сивков К.В. Глинка Сергей Николаевич // РБС. М., 1995. С. 290-297.

² См.: Киселёва Л.Н. Глинка С.Н. // Русские писатели, 1800-1917: Биограф. слов. / Гл. ред. П.А. Николаев. М., 1989. С. 577.

³ См.: Глинка Сергей Николаевич // Трофимов И.Т. Писатели Смоленщины. М., 1973.

⁴ Арешян С.Г. Армения в русской литературе // Советская литература и искусство. 1944. № 4-5 (на арм. яз.); Она же. Сергей Глинка и армянская культура // Советская литература и искусство. 1944. № 6-7 (на арм. яз.); Она же. Русские писатели об Армении. Ер., 1946; Она же. Из предыстории арменоведения в России // Известия АН АССР. 1955. № 1; Она же. Армянская печать и царская цензура. Ер., 1957.

сферу интересов России. Среди таких известных имён, как Н.М. Карамзин, А.А. Бестужев-Марлинский, А.С. Грибоедов, А. Араратский, Д. Давыдов, внесших свой вклад в этот процесс, С.Арешян упоминает и Глинку Сергея Николаевича.

В истории русско-армянских литературных отношений 30-х годов XIX века, по мнению С.Г. Арешян, С. Глинка занимает своё достойное место. Она полагает, что Глинка – не просто один из русских авторов в ряду других, писавших об Армении. Его патриотизм «проявлялся и в отношении к народам, проживающим в пределах Российской империи, особенно в отношении армян. До сих пор на эту грань деятельности Глинки не обращали должного внимания, - подчёркивает она, - между тем это особенно интересно, т.к. *Глинка выступил как армянофил в период реакции, после разгрома декабристов*»¹. В годы царствования Николая I он написал работу об Армении, её культуре и историческом прошлом, полагая, что судьба армянского народа тесно связана с судьбой России.

С. Арешян уточняет свою оценку творчества С.Н. Глинки: «Значение исторических и поэтических произведений Глинки, написанных об Армении, интернационализм автора, его любовь к армянскому народу и культуре неразрывно связаны с патриотизмом и передовым мировоззрением»².

В.А. Парсамян в историографическом обзоре «Армения I-й половины XIX в.» отводит произведениям по истории Армении С.Н. Глинки особое место. «В труде Глинки наиболее интересны страницы, посвящённые новой истории Армении..., – пишет он, – Глинка сообщает

¹ Арешян С.Г. Сергей Глинка и армянская культура. С. 74-75 (курсив наш. – С.С.).

² Там же. С. 77.

об армянских колониях, беженцах, армянской торговле, об участии армян в русско-персидских и русско-турецких войнах, о присоединении Армении к России...»¹.

Р. Оганнисян, упоминая «Обозрение истории», объясняет появление книги усилением интереса к Армении в русском обществе после присоединения Восточной Армении к России. «Обозрение истории» рассматривается им как работа, нацеленная, в первую очередь, на ознакомление российского читателя с историей дружественного народа, проживающего на недавно присоединённых к России землях².

В этом же контексте рассматриваются сочинения Глинки и в работе В.С. Еркяна: «Русский историк С. Глинка в 1830-х гг. опубликовал «Обозрение истории армянского народа», труд, посвящённый репатриации армян Ирана, и принял участие в составлении трёхтомного сборника документов, относящихся к истории армянского народа, который содержит многочисленные ценные источники»³.

К.Н. Григорьян связывал предысторию русской школы арменоведения с деятельностью Лазаревского института, именами Якова и Давида Арзановых, а также с работами Сергея Глинки. Книги Глинки рассматриваемой тематики, считает исследователь, «являются первыми историческими работами об Армении, написанными русским исследователем, который, кроме того, принимал деятельное участие в составлении трёхтомного издания «Собрания актов, относящихся к обозрению истории армянского народа» (1833-1838)»⁴.

¹ Парсамян В.А. Историография Армении первой половины XIX в. // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 628.

² См.: Оганнисян Р. Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью. Ер., 1952.

³ Еркян В.С. Армянская культура в 1800-1917 г. Ер., 1985. с. 91.

⁴ Григорьян К.Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X- начало XX в.). Ер., 1974. С. 175 (курсив наш. – С.С.).

Высокую оценку Глинки-историка, в том числе его книг армянской тематики, дала З.О. Гукасян. Она пришла к заключению, что «Обозрение истории» относится к романтическому направлению в литературе и историографии¹.

Поэма С.Н. Глинки – «Две повести» – имеет сугубо историческое значение, полагает Л. Мкртчян, «но они интересны и тем, что их автор был одним из первых русских поэтов, писавших об Армении, её героической истории»². Своими историческими работами С.Н. Глинка пытался восполнить российскому читателю недостаток сведений об Армении. Несмотря на доминирование верноподданнических мотивов, его работы по истории Армении, считает исследователь, «имели, безусловно, положительное значение и написаны они с искренней любовью к армянскому народу. С.Н. Глинка постоянно подчёркивал жизненную необходимость дружбы армянского и русского народов»³.

В.А. Парсамян в своей книге «История армянского народа 1801-1900» высоко отзывается о двухтомном труде «прогрессивного русского деятеля и историка Сергея Глинки «Обозрение истории армянского народа»⁴.

М.А. Мурадян обратил внимание на то, что, повествуя о событиях русско-иранской войны 1826-1828 годов, С.Н. Глинка постоянно подчёркивает большой вклад армянского народа в победу русского оружия и упрочение русско-армянских отношений.

М.А. Мурадян справедливо отмечает, что в дореволюционной русской историографии вопрос о присоединении

¹ Гукасян З.О. Русско-армянские литературные связи дореволюционного периода. Ер., 1961. С. 8-9 (на арм. яз.).

² Мкртчян Л. Армянская поэзия и русские поэты XIX–XX вв. Ер., 1968.

³ Там же. С. 12

⁴ Парсамян В.А. История армянского народа 1801-1900 гг. Книга первая. Ер., 1972. С. 158.

Восточной Армении к России одним из первых осветил С.Н. Глинка. «Надо воздать ему должное. Он не только выявил важность и значение этого исторического акта, он также показал, что присоединение отвечало чаяниям и устремлениям армянского народа. ...Глинка связывал это событие с самой историей армянского народа, считал, что оно имеет большое значение для будущего Армении, для развития её культуры. Труды С.Н. Глинки ценны тем, что они давали русскому обществу чёткое представление о богатой истории армянского народа, о его многовековой культуре»¹.

Исследователь полагает, что «труды Глинки и вообще всей официальной историографии пронизаны духом апологетики монархических порядков в России. Поэтому ряд мнений и оценок автора неприемлем. Однако несомненно то, что в целом они имеют большое значение для изучения истории армянского народа и событий, связанных с присоединением Восточной Армении к России», не утратив своей актуальности и сегодня².

М.Д. Амирханян рассматривает армянскую историю С.Н. Глинки в контексте исследования истории русско-армянских отношений, армянских поселений в России, русской историографии и литературы³.

Сведения об истории Армении в русской исторической литературе глубоко исследованы и систематизированы Р.Г. Хачатряном. Благодаря большому фактическому материалу, накопленному к началу XIX в., полагает автор

¹ Мурадян М.А. Присоединение Восточной Армении к России в оценке дореволюционной русской историографии и общественной мысли // Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение / Сборник статей. Ер., 1978. С. 69

² Там же. С. 70-71.

³ Амирханян М.Д. Русская художественная публицистика об Армении. Ер., 1984.

исследования, в России с начала второй четверти XIX века стало возможным создание специальных работ, целиком посвящённых истории, культуре, языку армянского народа¹.

Р.Г. Хачатрян делает важный вывод, что, во многом благодаря работе С.Н. Глинки «Описание переселения», в русской исторической литературе закрепилось положение об узурпации армянских земель турецкими захватчиками и тезис о русской ориентации армян².

В исследовании Э.А. Акопяна «Арменоведение в России» (Ер., 1988) обобщены некоторые аспекты творчества С.Н. Глинки в связи с тенденциями «развития русской романтической историографии и литературы», представители которой отличались обострённым интересом к «национальным культурам и их историческому прошлому». Романтик и «литературный историограф», имеющий отношение к школе Карамзина, С.Н. Глинка, считает Э.А. Акопян, сыграл «значительную роль в становлении армянской историко-филологической науки в России». Он сочетал рационалистическое отношение к историческому материалу с эмоциональным воспроизведением фактов, опирался в своей работе как на научно доказанные факты из сочинений Хоренаци, Сен-Мартена, Ш. Шаамиряна и др., так и на мифологию армянского народа. Сочинения С.Н. Глинки, считает исследователь, изначально были обращены к широкой читательской аудитории³.

В завершении своего обзора, Э.А. Акопян приходит к выводу: «В период реакции, после разгрома декабристов, когда всячески преследовалось живое слово, прогрессивная

¹ См.: Хачатрян Р.Г. История Армении и русско-армянских отношений русской историографии (XVII– начало XIX вв.): Автореф. дис... докт. ист. наук. Ер., 1982.

² Хачатрян Р.Г. Русская историческая мысль и Армения. С. 335.

³ Акопян Э.А. Арменоведение в России. С. 71-74.

мысль, Глинка выступил певцом национально-освободительных войн армянского народа против иноземных захватчиков, горячим поборником армяно-русской дружбы и искренним поклонником армянской культуры. Его исторические сочинения и поэмы были прежде всего адресованы русскому читателю... выражали настроение и внимание передовой русской общественности к армянскому народу и его древней культуре»¹.

А. Оганесян отмечает важность и перспективность специального изучения сочинений С.Н. Глинки по истории Армении². Он подчёркивает общедоступный (просветительский) характер «Обозрения истории». Повторы, хронологические неточности, встречаемые на страницах «Обозрения истории» он объясняет главным образом характером тех исторических источников, которыми пользовался С.Н. Глинка³.

Рассматривая вопросы присоединения Восточной Армении к России, Глинка, по мнению А. Оганесяна, остаётся поборником имперской политики царизма, - отсюда его особое воодушевление в оценке исторического значения этого события. Вместе с тем Глинка отмечает и большой вклад армянского народа в русско-иранскую войну и с оптимизмом смотрит на будущее Армении, развитие её экономики, культуры.

Своими работами, и прежде всего книгой «Обозрение истории», закладывает А. Оганесян, С.Н. Глинка заложил основу развития русской школы арменоведения⁴.

Обзор сведений о работах С.Н. Глинки армянской тематики, имеющих в исторической литературе, был бы не полным без рассмотрения исследований о просветитель-

¹ Там же. С. 81.

² Оганесян А. Первое исследование истории Армении в России. "Эчмнадзин", 2001, январь (на арм. яз.).

³ См.: там же, с. 81-82.

⁴ См.: там же, с. 90.

ской и издательской деятельности Х.Е. и И.Е. Лазаревых. Эта тема в целом освещена в исторической литературе¹, однако и здесь остаются неисследованными вопросы о роли и участии Лазаревых в подготовке и публикации рассматриваемого нами комплекса трудов по истории Армении.

* * *

Первым результатом нашего исследования работ С.Н. Глинки армянской тематики было переиздание книги «Описание переселения» с приложениями и комментариями². Нам хотелось вернуть эту книгу из забвения и предоставить читателям возможность непосредственно познакомиться с содержанием этого интересного историко-публицистического произведения. Книга «Описание переселения» была первой публикацией в основанной нами серии книг и изданий историографического характера. Серия называется — «История Армении в России» («ИАР»). В этой серии предполагается издавать материалы, отражающие развитие исторических знаний об Армении и армянском народе в России, а также публиковать исследования о деятелях, которые внесли вклад в изучение и популяризацию

¹ См.: Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973; Он же. Над архивом Лазаревых (Очерки). М., 1982; История отечественного востоковедения с сер. XIX века до 1917 года. М., 1997; Дилоян В.А. Из истории общественно-политической деятельности Лазаревых (вторая половина XVIII в.). Ер., 1966 (на арм. яз.) и др.

² См.: Глинка С.Н. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времён Армении. Ростов н/Д, 2003. Электр. версия: <http://www.sayadovsm.aaanet.ru/books/opa/>.

³ В этой серии нами готовятся к публикации следующие издания: «Армения в русской историографии 1-й трети XIX века»; «У истоков арменоведения в России (из архивных фондов Абамяк-Лазаревых)»; «Собрание актов» как историографический памятник».

этого вопроса³. Хронологические рамки изданий – начало и первая половина XIX века – наиболее интересный, на наш взгляд, период в становлении русского арменоведения.

Таким образом, на основании краткого историографического обзора можно установить наличие определённого научного интереса к творчеству С.Н.Глинки, в том числе к его работам армянской тематики. В данном предисловии мы попытались сформулировать некоторые, как нам представляется, значимые вопросы, ответы на которые могли бы улучшить наше знание обстоятельств работы над «историей армянского народа», - книг, увидевших свет более чем 170 лет тому назад. Работы эти и по сей день сохраняют своё значение и являются ценным памятником исторической мысли.

Приведём одно из свидетельств актуальности этих работ. Оно любопытно тем, что принадлежит не только исследователю, но и профессиональному политику – первому послу России в Республике Армения В.П. Ступишину. По его мнению, Глинка помогал русской интеллигенции проникать в историю армянского народа. Высоко оценивая «Обозрение истории», В.П. Ступишин писал, что эта книга стала источником интересных фактов не только для современников писателя: «Нынешним историкам тоже не грех заглядывать в нее. Она очень помогает, когда надо отшелушить мусор выдумок советских историков, переписывавших историю Закавказья по трафарету партийных решений и указаний. Жаль только: нет Глинки для прояснения событий века XX, ибо советская «история Армении» писалась так, что даже карабахская трагедия оказалась в ней либо проигнорированной, либо изложенной в радужных тонах ленинско-сталинской «дружбы народов», которая почему-то оказалась на руку пантюркистам.

Наверное, поэтому нет в ней ни слова и об отуречивании Нахичевана «коммунистами» из социалистического Азербайджана»¹.

Необходимо добавить, что современные азербайджанские историки активно ссылаются на работы С.Н. Глинки, особенно «Описание переселения». Не утруждая себя внимательным чтением книги (опираясь в основном на неверное толкование названия этой работы), они ссылаются на неё как на исторический источник, подтверждающий принадлежность Нагорного Карабаха Азербайджану. Таким образом, и в XXI веке Глинка оказался на переднем крае политической борьбы. Он не мог бы и предположить, что на его работу будут ссылаться в своих псевдонаучных построениях «историки», утверждающие, что он описал «насильственное переселение армян», организованное царским правительством. Единственной целью переселения было, по их словам, – вытеснить «автохтонных магометан» с их исконной земли – Карабаха, Нахичевана и др.².

Для того, чтобы лучше понять творческий путь С.Н. Глинки и место армянской тематики в нём, остановимся, по возможности, подробнее на характеристике различных аспектов и периодов деятельности русского писателя.

¹ См.: Ступишин В.П. Историческое мародерство // Армянский вестник. 1998. № 2. Электр. верс.: <http://armenianhouse.org/stupishin/articles-ru/marauding.html>

² Подробнее см.: Саядов С.М. Работы С.Н. Глинки по истории Армении в азербайджанской историографии (обзор интернет-изданий) // Вестник общественных наук НАН РА. 2006. № 1. Электр. версия: <http://www.sayadovsm.aaanet.ru/books/opa/>.

Часть I

Этапы жизненного пути

Глава первая

Детство. Корпус. Первая проба пера

Сергей Николаевич Глинка родился 5 июля 1775 в с. Сутоки Духовщинского уезда Смоленской губернии в семье обедневших дворян. Отец писателя – Николай Ильич (1744–1796), служил в гвардии и, выйдя в отставку, поселился в деревне, чтобы заниматься хозяйством.

Случайное стечение обстоятельств позволило Сергею Глинке в 1782 году попасть в Сухопутный шляхетский корпус в С.-Петербурге: из глухой провинции – в тогдашний «Высший Свет»¹. С этим привилегированным учебным заведением были связаны имена многих известных людей России.

В корпусе существовали особые условия для всестороннего образования юношества, которые представляли собой пятнадцатилетнюю систему воспитания и обучения, построенную И.И. Бецким, директором корпуса в 1766–1773 годы. Он применил к российской действительности принципы «выведения новой породы людей», взятые у французских просветителей. Его преемник и последователь Ф.Е. Ангальт стремился создать в корпусе подобие нравственной оранжереи. В кадетях, отрезанных на многие годы от реальной действительности, всеми силами развивали чувствительность, романтические устремления, простоду-

¹ В 1781 году Екатерина II во время поездки в Белоруссию, проезжая через деревню Глинок, приняла угощение от родителей Сергея Николаевича. В знак «высочайшего благоволения» императрица записала двоих сыновей в привилегированные учебные заведения России того времени. Этот эпизод описан Глинкой в его «Записках». См.: Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 35 (Далее: Записки).

шие и сентиментальность¹. Привычка жить в искусственно созданных (идеальных) условиях, приводила кадетов по выходе из корпуса к немалым трудностям, о чём упоминал и С.Н. Глинка в мемуарах. О том влиянии, которое оказала на него корпусная система воспитания, Сергей Николаевич позже говорил так: «Я, старинный кадет, мечтатель отжившего XVIII столетия, я едва на западе жизни спохватился пораздумать о действительности жизни: мы жили спустя рукава, не зная, что такое жить»².

Характерной чертой психологии молодого поколения дворян, выбравших военную службу и начинавших свою карьеру на рубеже XVIII – XIX веков, было осмысление себя сквозь призму образов героической античности. Сергей Глинка, сын своей эпохи, также пережил в юношеские годы страстное увлечение античными идеалами. Много позже в своих мемуарах он попытался сблизить культ античности с присущей ему гражданственностью и свободолобием с культом военной славы. «Голос добродетелей древнего Рима, – писал он, – голос Цинциннатов и Катонов³ громко откликался в пылких и юных душах кадетов. ... Древний Рим стал и моим кумиром. Не знал я, под каким живу правлением, но знал, что вольность была душою римлян. ... Исполинский

¹ Глинка часто говорит о Ф.Е. Ангальте с большой теплотой и признательностью: «Моя звезда блеснула и померкла в стенах корпуса. Но две памяти о графе Ангальте живут и теперь в душе моей: сердечная память о любви его к нам и умственная память, укрепленная его руководством и до сих пор ещё помогающая мне в соображении моих мыслей» (Записки. С. 136).

² Записки. С. 53.

³ Цинциннат – римский консул. Он считался образцом верности гражданскому долгу. Катон – римский государственный деятель, известный своей честностью и упорной борьбой за чистоту нравов. В литературе XIX в. эти имена стали нарицательными.

призрак древнего Рима заслонял от нас родную страну – и в России мы как будто видели и знали одну Екатерину»¹.

С.Н. Глинка, как и большинство образованных дворян того времени, конечно, не был свободен и от влияния французской культуры. Чем более образованным был человек того времени, тем больше он проникался чужеземной культурой: «Склонность к галломании в конце XVIII в. отдавала политическим либерализмом. Для стариков екатерининского времени Франция ассоциировалась с едким вольнодумством Вольтера. Для юного же поколения – с революцией, республикой и первым консулом как выразителем республиканских свобод»². С.Н. Глинка писал в своих мемуарах, что за отплытием Наполеона к берегам Египта юные кадеты следили, как за подвигами нового Кесаря; кто «от юности знакомился с героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом»³.

В корпусе Глинка много читал. Его любимыми авторами в то время были Вольтер, Руссо, Дидро. Он глубоко проникся идеями «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. По европейской периодике внимательно следил за событиями Великой французской революции.

Для Глинки, по складу его природы, была свойственна идеализация реальности, вера в добрую основу человеческой природы, связанная, по-видимому, с традициями эпохи Просвещения – стремление изменить мир с помощью разума,

¹ Записки. С. 77, 79-80. Идеализация древней истории в той или иной мере встречается в творчестве большинства писателей того времени. Глинка до конца своих дней не расставался с античной героиней. В полной мере эти свои взгляды Сергей Николаевич реализовал в работах по армянской тематике. Историю армянского народа, наполненную духом борьбы за свободу и независимость, он считал одной из выдающихся страниц в общечеловеческой истории.

² Володина Т.А. С. 149.

³ Записки. С. 230.

слова и нравственности. Все его многочисленные произведения несут на себе этот своеобразный отпечаток личности и мировоззрения автора.

Справедливости ради надо отметить, что в Корпусе кадеты изучали не только иностранных авторов, но и произведения Ломоносова, Державина, Княжнина¹. Они знакомились с рассказами по русской истории, сочинёнными Екатериной II, Леклерком и Левеком².

Страсть к чтению, рано овладевшая Глинкой, временами заставляла его забывать обо всём: он мысленно переносился в действие романов и глубоко переживал судьбы героев: «Скажу по совести, – писал позже автор «Записок», – что из всех моих товарищей один только я был мечтателем.... Увлекаясь порывом воображения, я сочинял стихи...»³. Так рождался сочинитель, писатель, который, впрочем, до конца дней оставался романтиком, мечтателем. Погружаясь в «книжные реальности», он с юности усвоил простую истину: жизнь человеческая должна быть посвящена «для подвигов добра», он повторял Суворова: «Торопись делать добро! Не успеешь вымолвить слова и – где жизнь?».

Многие кадеты уже в корпусе приобретали вкус к занятиям литературой, театром, историей. Таким был и Глинка.

¹ Княжнин Я.Б. (1740-1791), русский драматург, представитель классицизма.

² Леклерк и Левек преподавали французскую словесность в Петербургском кадетском корпусе, занимались исследованием русской истории.

³ Записки. С. 69, 145. «Начитанность С.Н. Глинки была удивительна! Он не только помнил всё, что прочитал; но помнил наизусть целые места из Монтескье, Бекарии, Наказа Екатерины, Руссо, Вольтера, Дидерота, Франклина. одним словом из всего, что ни читал. Всё это он приводил неожиданно и в сочинениях и в разговорах. так, что эта неожиданность иногда похожа была на какой-то беспорядок. Он очень хорошо знал языки французский и немецкий» (Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. 2 изд. М., 1869. С. 107. О том же см.: Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания // Собр. соч.: В 4 т. Т.3. М., 1956. С. 8).

В корпусе он начал сочинять свои записки, стихи, однако нередко уничтожал своё, как он говорил, «чернильное маранье».

На выпускном экзамене по русской словесности М.И. Кутузов, бывший тогда директором корпуса, выслушав С.Н. Глинку, сказал: «Нет, брат! Ты не будешь служить, ты будешь писателем!»¹. Позже в первой книжке «Русского вестника» (1808) появятся его воспоминания о князе Кутузове², которые затем войдут в его мемуары³.

В 1794 г. в корпусной типографии увидело свет первое печатное произведение Глинки – «Песнь Великой Екатерине» – восторженная ода с выражением признательности императрице за её благодеяния. В ней говорилось о государстве как семье, чуждой рабству и деспотизму, и о благе просвещенной монархии.

Во многих сочинениях С.Н. Глинки национальная идея часто соседствует с идеей монархической: понятия «царь» и «отечество» сливаются в одно понятие, как, например, «матушка-императрица» Екатерина II. Его мировоззрение формировалось под влиянием противоречивых идеалов: восхищение республиканскими идеалами, ненависть к рабству, деспотизму мирно уживалось в его сознании с искренней преданностью самодержавию. П.А. Вяземский писал о С.Н. Глинке: «Он постоянно был монархическим писателем. Его сочинения всегда имели целью поддержать и укрепить чувства преданности к престолу и алтарю, особенно во время войны 1812 года. Власти всегда смотрели

¹ Записки. С. 146.

² См. док. № 3.2, 15. Документы публикуются в части II настоящего издания. Они пронумерованы в порядке, который нам представляется удобным для работы с текстом книги. При ссылках на документы, которые приводятся в части II, библиографическое описание приводится в сокращённом виде. Полное библиограф. описание см.: часть III, раздел I.

³ См.: Записки. С. 137, 138, 140 и др.

на него как на орган и защитника твёрдых начал, и все его сочинения пользовались особенным одобрением правительства»¹. Воспитанный в традиционной для того времени верности престолу и отечеству, он никогда не изменял этим взглядам и принципам.

В период учёбы в нём обнаружили те черты, которые сохранялись на протяжении всей жизни: мечтательность, восторженность, оптимизм, человеколюбие, терпимость, горячая вера в силу разума и добра. Глинка всегда предъявлял высокие нравственные требования к себе и другим. Главный способ изменить жизнь к лучшему он видел в благотворительной деятельности частных лиц². Нельзя не согласиться с выводом современных исследователей творчества писателя о том, что «подлинная демократичность общественного поведения С.Н. Глинки – любовь к русскому народу, вечная готовность последнюю рубашку снять для бедняка; да и, как увидим, гордая независимость в обращении с теми, кого считал он жалкими холопами, будь они хоть министры, не то, чтобы искупает издержки его исторической философии, но, во всяком случае, вызывает горячую симпатию к его личности»³.

* * *

В январе 1795 года С.Н. Глинка был выпущен из корпуса поручиком, получил назначение в один из московских батальонов, съездил в родную деревню, а летом продолжил службу в должности адъютанта при главном

¹ Сергей Николаевич Глинка (1775-1847). Два письма о нём князя П.А. Вяземского // Русский архив. М., 1899, № 5. С. 83-84. См. док. № 10.

² Глинка участвовал в выкупе из крепостных композитора Д.Н. Кашина, а в 1808 году отпустил на свободу своего последнего крепостного. См. также: Киселёва Л.Н. Глинка С.Н. С. 576.

³ Подольская И.И., Кунина В.В. Сергей Николаевич Глинка // Русские мемуары. Избранные страницы XVIII века. М., 1988. С. 309-310.

начальнике московских войск, кн. Ю.В. Долгорукове.

В 1800 году, не чувствуя призвания к военной службе, С.Н. Глинка выходит в отставку в чине майора. После смерти матери он отказался от своей доли наследства в пользу сестры и пошёл служить гувернёром у богатого малороссийского помещика¹.

Работа преподавателем в степной глуши было неординарным поступком для питомца корпуса, дворянина и офицера, завсегдатая театров. Однако этот трёхлетний опыт учительства помог ему переосмыслить и упорядочить свои знания. Через три года он возвращается в Москву и начинает профессиональную литературную деятельность в звании «сочинителя и переводчика».

Полюбив театр, С.Н. Глинка много трудился для сцены и, по его собственному выражению, «снабжал операми» столичные театры. «Забыл я и счёта переведённым мною операм, да и они канули в Лету. Но в офицерском быту они были для меня большим подспорьем... Однажды в полторы недели перемахнул я с французского и под французскую музыку пять опер», – писал он в «Записках»². Некоторые из них были опубликованы: «Тайна» (М., 1800); «Маленький матрос» (М., 1800); «Шведские рыбаки» (М., 1800).

Сначала он перебивается переводами для театра, сочинением оперных либретто, затем создаёт собственные произведения. Примером перевода, ставшего во многом самостоятельным произведением С.Н. Глинки, были «Юнговы ночи» (М., 1803)³. Из имевшихся в то время пере-

¹ Сергей Николаевич передал сестре Варваре Николаевне всё своё наследство: деревню с 30 крепостными крестьянами, движимое и недвижимое имущество.

² Записки. С. 212.

³ Юнг Э. (1683-1765) – английский поэт, представитель сентиментализма. Литературную славу ему принесла поэма «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии».

водов этого произведения Юнга, благодаря свободному поэтическому изложению и модной «оппозиционной» галлофобии, в переводе Глинки был более популярным, чем какой-либо другой¹.

Положив в основу своей драматургии известную формулу «за веру, царя и отечество», он пишет ряд произведений, сюжеты которых взяты из русской истории². Ориентируясь на литературу сентиментализма, Глинка выбирает из повестей Н.М. Карамзина «Наталью, боярскую дочь» и создаёт на её основе в 1806-1807 году одноимённую «героическую оперу», а затем «героическую драму». Пьесы, драмы С.Н. Глинки с успехом шли в театре, в частности, в открывшемся в 1808 году новом Императорском (Арбатском) театре в Москве. «Сумбека», а также «Наталья, боярская дочь» были показаны и на Петербургской сцене.

В своих сценических произведениях драматург и не стремился соответствовать установленным фактам прошлого. «Трагический писатель – не историк; следовательно, от него нельзя требовать исторической точности», – заявлял автор в предисловии к популярной в то время трагедии «Михаил, князь Черниговский»³. Нужно отметить, что эта мысль стала впоследствии принципом творчества С.Н. Глинки. Во всех своих произведениях на историческую

¹ Книга «Юнговы ночи», посвящённая памяти Екатерины II, была по просьбе С.Н. Глинки преподнесена Александру I. От государя в знак расположения ему был подарен бриллиантовый перстень (см.: Записки. С. 247-248). См. также: Заборов П.Р. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.-Л., 1964. С. 275-276.

² «Сумбека, или Падение Казанского царства» (1807), «Михаил, князь Черниговский» (1808), «Ольга Прекрасная. Героическая опера...», муз. Кашина (1808); сказание «Боян, древний песнопевец славян» (1808): спектакли «Мишин» (1809), «Осада Полтавы» (1810) и др.

³ Глинка С.Н. Михаил, князь Черниговский. М., 1808. С. 6.

тематику он оставался прежде всего писателем, а потом историком.

Трагедии С.Н. Глинки этого периода соответствовали духу времени, общественным настроениям накануне и в годы войны с Наполеоном. Общий патриотический подъём способствовал повышению общественного интереса к русской трагедии.

Писал он также поэмы и повести в стихах¹. Уже в это время у молодого писателя формируется отношение к истории как романтическому, но второстепенному фону, который позволяет выгодно представить «главное» – торжество и победу гуманистических идеалов. Выбирая между исторической достоверностью и исторической «справедливостью», Сергей Глинка без колебаний отдаёт предпочтение последней. Эти приёмы «исторической реконструкции» позволяют заключить, что в своём творчестве автор, видимо, обращался не столько к «образованным сословиям», сколько к простому горожанину, и хотел как-то успокоить, поддержать его дух.

Сочетание просветительского гуманизма с идеей незыблемости существующего миропорядка, «с мыслью о государстве как семье, где подчинение покоится на взаимной любви монарха-отца к детям-подданным, стало характерной чертой мировоззрения и творчества Глинки», отмечает исследователь Л.Н.Киселёва².

* * *

Рубеж XVIII–XIX веков в России был отмечен ростом национального самосознания, интереса к отечественной истории, культуре. Эта тенденция формировалась наряду с тенденцией европеизации – идеями европейского просвеще-

¹ «Пожарский и Минин, или Пожертвования россиян» (1807).
«Царица Наталья Кирилловна» (1809).

² Киселёва Л.Н. Глинка С.Н. С. 576.

ния (светскость, открытость, внимание к личности человека).

Взаимодействие этих тенденций, однако, не было лишено своих крайностей, проявляющихся, в частности, во французоании: «беспечная рассеянность тогдашнего большого света, – вспоминал С.Н. Глинка, – где все сходили с ума от французского воспитания (хотя воспитания не было и во Франции)»¹.

Французский язык, ставший в эпоху Просвещения международным языком культурного обмена и дипломатии, в России того периода был разговорным языком не только дворянского «света», но и всех образованных людей. Русский литературный язык в начале XIX века только формировался, он не был ещё приспособлен «для выражения всех потребностей перенятого у Европы общежития и знания. Вместе с готовой западной цивилизацией заимствовалось и готовое чужое орудие обмена мыслей»². Министр народного просвещения гр. А.К. Разумовский, выражая обеспокоенность сложившейся ситуацией, докладывал государю в 1811 г.: «Почти все пансионы в империи содержатся иностранцами». Гр. Ф.В. Ростопчин замечал, что, одевшись по-европейски, «мы ещё очень далеки от того, чтобы быть цивилизованными. Всего хуже то, что мы перестали быть русскими и что мы купили знание иностранных языков ценою нравов наших предков»³.

В конце XVIII – начале XIX века в русской литературе и в общественных кругах начинают раздаваться голоса людей, призывающих к борьбе с иноземными заимствованиями. Образованная элита вдруг почувствовала потребность проявить и подчеркнуть свою «русскость». Харак-

¹ Записки. С. 46-47.

² Аксаков И.С. Биография Ф.И. Тютчева. М., 1986. С. 9-10.

³ Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. // Отечественная война и русское общество 1812-1912. Т. II. М., 1912. С. 196, 200.

теризуя состояние умов того времени, известный мемуарист Ф.Ф. Вигель писал: «Воспрянувшее в разных состояниях чувство патриотизма подействовало наконец на высшее общество: знатные барыни на французском языке начали восхвалять русский, изъявлять желание выучиться ему или притворно показывать, будто его знают»¹.

В начале XIX в. произошёл поворот в историческом сознании и умонастроении общества. Он заключался в сближении позиций разочаровавшихся либералов (вчерашних приверженцев революционного французского духа) и консерваторов, видящих угрозу российской национальности в иностранной заразе. Их голоса начинали звучать в унисон. Среди этих галлофобов мы встречаем Г.Р. Державина, А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина. К их числу относился и С.Н. Глинка.

* * *

С 1806 года начинается патриотическая деятельность С.Н. Глинки, определившая его дальнейшее литературное творчество и жизненный путь. Она рождалась из глубин благородной души, из его стремления служить благу и пользе Отечества. «Сергей Глинка был личностью любопытнейшей.... Это был человек одержимый. Но фанатическая идея его состояла в безудержной любви к Отечеству – иногда даже слепой, доходящей до крайности, бескорыстной, самоотверженной любви»².

В ходе подготовки к предстоящей войне с Наполеоном и предвидя перенесение её в пределы России, Александр I, помимо существовавшего набора рекрутов, создал ополчение. В феврале 1807 года появился указ о призыве

¹ Вигель Ф.Ф. Записки. М. 2000. С. 278.

² Подольская И.И., Кунина В.В. Сергей Николаевич Глинка. С. 309.

резервистов. С.Н. Глинка вступил в ополчение в земском Смоленском войске, служил бригадным майором Сычевской дружины. Ополченцы должны были служить «на своём иждивении» и С.Н. Глинка, получив гонорар от петербургского театра за свою трагедию «Сумбека», приобрёл необходимое снаряжение для себя, а половину сбора от своего бенефиса направил на пожертвования от Смоленской губернии.

Служба в Смоленском ополчении во многом способствовала его постижению характера русского народа. Составляя списки призванных отставных солдат, С.Н. Глинка познакомился с людьми, которые в прошлых сражениях под руководством Суворова, Румянцева и других полководцев принесли европейскую славу России: «Что же почувствовал я, видя порыв души богатырей русских?... Мне стыдно стало, что доселе, кружась в каком-то неведомом мире, не знал я ни духа, ни коренного образа мыслей русского народа. ... Но время могучею силой вывело дух русский перед лицом нашего Отечества и перед лицом Европы. Он повел меня, как далее увидим, к новой жизни»¹. Личное знакомство с простыми русскими солдатами, готовыми, несмотря на возраст, ранения, жертвовать собой во имя Отечества, потрясло С.Н. Глинку.

Вернувшись в Москву после службы в земском войске, Глинка, как бы заново, открывал для себя этот город, его улицы, памятники, его многовековую историю, и «в этом расположении духа задумал ...издавать «Русский вестник»².

¹ Записки. С. 256.

² Там же. С. 259.

Глава вторая

«Русский вестник». Патриотическая деятельность. «Записки о войне 1812 года»

«И позднейшее потомство будет говорить, читать и писать о всемирной эпохе громоносного 1812 года, особенно у нас в России будут переходить из рода в род, из века в век предания об этом знаменательном времени. Говорят: как ковчег Ноя, окружённый водою, спас семью, людей от потопления, так Москва, объятая другою, пламенною стихиею, спасла Россию от разорения»¹.

В газете «Московские ведомости» от 21 декабря 1807г. появилось объявление о начале издания журнала «Р.в.»². В нём говорилось: «Содержанием сего журнала будет всё то, что непосредственно относится к отечественному, как-то: о воспитании русских, их образе жизни и обыкновениях; о свойстве князей славянских и русских, о свойстве бояр и проч. звания людей, что всё основано на исторических доводах.

¹ См.: Любецкий С.М. Русь и русские в 1812 году (репринт. 1869). М., 1994. С. 5.

² Дело, начатое журналом «Р.в.», сохраняет свою актуальность и по сей день. В 1991 году Международным фондом славянской письменности и культуры была учреждена одноимённая общенациональная еженедельная газета, призванная способствовать возрождению русского национального самосознания. В одном из первых номеров газеты помещён материал о первом издателе «Р.в.» (см.: Василенко А.С. Рождённый народным трибуном // Русский вестник. 2003.19.09).

Издатель, желая по возможности соединять полезное с приятным, будет предлагать почтенным читателям русские исторические повести, многие исторические любопытные отрывки, которые никогда ещё не были напечатаны; замечания о всём русском, достойном памяти каждого патриота»¹. Таким образом, журнал ставил перед собой задачу защиты всего отечественного и порицания рабского поклонения иностранному.

На другой день после объявления об издании «Р.в.» гр. Ф.В. Ростопчин писал С.Н. Глинке, что, отдавая должную справедливость перу и уму сочинителя «Сумбеки» и «Натальи Боярской дочери», «хвалю столько же благое намерение, сколько дивлюсь смелости духа вашего. ...Принимая живое участие в успехе Вашего сочинения, советую приучать слегка к забытой русской были тех из соотчичей наших, кои телом на Руси, а духом за границей, – и далее, иронизируя над укоренившимся поклонением иностранному, продолжает, – советую подлинные сочинения наши назвать переводами; разжаловать всех наших именитых людей в иностранных, украсить каждую книжку французским и английским эпиграфом и картинкой ...нет ничего труднее, как исправлять повреждённых и проповедовать добродетель тем, кои её ищут в словарях для перевода»².

П.А. Вяземский, характеризуя основные направления «Р.в.», выделял, на наш взгляд, главное – стремление автора «более знакомить русских с Россиею». Он писал об издателе журнала: «Время, в которое он начал действовать, очень благоприятствовало ему. Тогда Россия ещё не была отыскана: История Карамзина не была ещё обнародована³. К стыду и к сожалению, должно нам признаться, что мы все худо

¹ Московские ведомости. № 102. 21.12.1807.

² Там же. № 103. 22.12.1807.

³ Первые восемь томов «Истории Государства Российского» появились в 1816 г.

знали Отечество своё и его историю. Любовь к Отечеству была у нас, так сказать, отвлечённая, умозрительная, а не сознательная, не убеждение»¹.

Издание журнала было сопряжено с серьёзными трудностями, однако они не остановили С.Н. Глинку: «Без гроша денег приступил он к делу, веруя, что Бог не без милости, а свет не без добрых людей»². Первая книжка «Р.в.» вышла 1 января 1808 года.

В атмосфере всеобщего роста патриотических настроений, интереса к отечественной истории Глинка настойчиво доказывал, что величие Отечества было основано на единстве народных сил, преданности каждого гражданина (он часто употребляет это слово) своему сословному долгу и заветам отцов. Видимо, патриотизм в понимании Сергея Глинки приобретал некоторые романтические и утопические черты – это отеческая (читай: христианская) любовь ко всему российскому, пусть даже оно и не всегда совершенно и в чём-то уступает зарубежному. Но для того, чтобы раскрыть внутренние возможности национального духа, необходимо, считал автор, поддерживать всё отечественное и обеспечивать единение общества в период усиления угрозы внешнего завоевания. В двух строках эпиграфа «Р.в.»: «Отечества и дым нам сладок и приятен»³ выражалась программа, направление журнала, подход издателя к отбору материалов для публикаций.

Романтическое мировоззрение С.Н. Глинки нашло воплощение в концепции журнала, который в определённой мере рассматривался им как средство реализации своей

¹ Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка. 1847 // Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1879. С. 337.

² Божерянов И.Н. Сергей Николаевич Глинка. С. 171.

³ Тот же эпиграф мы находим в известном стихотворении Ф.Н. Глинки, брата Сергея Николаевича, «Сон русского на чужбине» (1825).

утопии общественного устройства¹. Проповедуя «национальное направление», он стремился внушить читателю чувство беззаветного патриотизма и поклонения добродетелям предков. Именно этим объясняются акценты «Р.в.» на вопросах «русского воспитания», с этим же связано его отрицание «роскоши и моды». Подобными идеями проникнуты все номера «Р.в.». Заполнялись они в основном сочинениями самого издателя – «Русские исторические и нравоучительные повести (М., 1810); «Русские анекдоты...» (ч. 1-2. М., 1811; ч. 1-3. М., 1820) и т.д. Сочинения других авторов (Г.Р. Державина, И.И. Дмитриева, Ф.В. Ростопчина, Е.Р. Дашковой, Н.М. Шатрова и чаще других – Ф.Н. Глинки) составляли незначительную долю в содержании журнала.

Некоторым авторам, присылавшим свои материалы, С.Н. Глинка отказывал в напечатании, несмотря на их высокое положение. Среди них – гр. Ф.В. Ростопчин, гр. А.А. Аракчсев, и др. Когда Ф.В. Ростопчин прислал два письма, «направленных на московскую публику», для напечатания в «Р.в.», С.Н. Глинка сказал ему при встрече, что не будет их печатать, так как «в них слишком много желчной колкости». Он отказался напечатать в журнале восторженные письма, присланные из разных губерний графу А.А. Аракчееву. Объяснив свой отказ тем, что публика может заподозрить его в заискивании перед известным должностным лицом. С.Н. Глинка обозначил свою позицию с недвусмысленной прямоотой: «Я от юности лет моих ни перед кем не раболепствовал»², вместе с тем он сохранил добрые отношения с вышперечисленными

¹ Идея «нравственной терапии общества» не были чужды русским писателям того времени. Если Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский использовали поприще «воспитания просвещённых и гуманных монархов», то С.Н. Глинка действовал в этом направлении через «Р. в.».

² Записки. С. 282.

сановниками. Даже в свои «звёздные» годы, на пике популярности, Глинка оставался верен себе и чужд всякого угодничества.

* * *

Подписанный между Россией и Францией Тильзитский мир (1807) был воспринят в обществе неоднозначно. Правительственный запрет «печатать о военных неудачах французского императора» – нового политического союзника России», способствовал росту оппозиционных патриотических настроений, проявившихся в газетах и журналах.

С.Н. Глинка считал этот мир непродолжительным и, предвосхищая развитие событий, понимал, что без крупной войны с Наполеоном Россия не обойдётся. Потому, изменив первоначальную программу «Р.в.», он положил в основу его «возбуждение народного духа и вызов к новой и неизбежной борьбе». В «Р.в.» преобладающее место стали занимать рассказы о «решительности россиян», о «наследственном мужестве русских», о военных подвигах русских полководцев, солдат и т.д. Все это имело успех, особенно в годы Отечественной войны, и главным образом среди провинциальной публики.

Политическая обстановка захватывала и увлекала Глинка, материалы его журнала приобретают всё более конфронтационный характер по отношению к Франции. Поклонник Монтескьё, Руссо, Дидро, – Глинка после Тильзитского мира выступил против всего, «что могло выражать поддержку Бонапарту». Выступил именно тогда, когда правительством это было запрещено.

В декабре 1808 года было объявлено Сенату высочайшее повеление, чтобы всякую книгу или сочинение нигде не печатать без того, чтобы «онные прежде не были рассмотрены в цензурах университетских округов и от них получили

дозволение к напечатанию»¹. Однако ужесточение цензуры и явное неодобрение правительства не остановили С.Н. Глинку, и он продолжает свою деятельность в том же духе. По словам П.А. Вяземского, «Сергей Глинка разделял с г-жою Ж. де Сталь² славу угрожать пером своим всепобеждающему мечу Наполеона и тревожить его самоуверенность и честолюбие»³.

Тогда как оба императора, Александр I и Наполеон, делали вид, что после Тильзита они помирились навсегда, «наивный» Глинка призывал готовиться к войне. Воинственный дух «Р.в.» не остался незамеченным Наполеоном. Его посол в России, А. де Коленкур, в 1808 году жаловался императору Александру I на некоторые статьи «Р.в.», в том числе на статью «О Тильзите».

В результате этих событий цензору журнала, поэту А.Ф. Мерзлякову, был сделан выговор, а издатель «по политическим обстоятельствам» был уволен из Московского театра, где состоял на службе, однако журнал закрыт не был. С.Н. Глинка писал в 1843 году: «Пролетел мимо «Русского вестника» Перун Наполеона. Александр I не положил предел мосму усердию»⁴. Правительство, видимо, уже не могло не считаться с нарастающей волной патриотических настроений.

* * *

Обзорно коснёмся некоторых аспектов содержания журнала⁵.

¹ Полное собрание законов. Т. XXX. № 23383. С. 695. В 1803 году в России были учреждены учебные округа во главе с университетами, которые осуществляли руководство начальными, средними учебными заведениями и выполняли цензурные функции.

² Сталь Анна Луиза Жермена де (1766-1817), французская писательница.

³ См.: Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка. С. 339.

⁴ Записки. С. 289. Перун – бог-громовержец в славянской мифологии.

⁵ Роспись содержания журнала см.: Колюпанов Н. Биография А.И. Кошелева. Т. I. Кн. 2. М., 1889.

Журнал обличал те черты русского общества, которые Глинка считал причинами провалов России, – оторванность дворянства от национальных традиций, увлечение внешними атрибутами западной культуры, проявлявшееся в убеждениях, воспитании, манерах поведения и т.д. В противовес всему этому автор стремился показать читателю духовные ценности, к которым следует стремиться, обосновать их природную естественность и достижимость. Поэтому на страницах журнала огромное место занимает «русская старина» и «добродетели предков». Глинка убеждён, что для русского человека это гораздо интереснее и нужнее: «Русский найдёт то, что сделает его счастливым, именно в своих отечественных летописях»¹.

Особенно сильно обрушивается негодование издателя «Р.в.» на французское просвещение XVIII века в лице его философов и писателей, которых С.Н. Глинка считает источником настоящего и грядущего зла на Руси. Он называет Вольтера, Дидро, д'Аламбера «французскими вольнодумцами или лжеумствователями осьмогонадесять века»². Критикуя просветителей XVIII века за их обещания «беспредельного просвещения», «неограниченной свободы», Глинка писал: «Мы видели, к чему привели сии романы, сии мечты воспалённого и тщеславного воображения?! ...мы будем противопоставлять им не замыслы романтические, но нравы и добродетели праотцов наших»³.

Отстаивание «национальных добродетелей» увлекало

¹ См.: «Р.в.», 1808, № 1, с. 44; 1808, № 4, с. 38; 1809, № 2, с. 347. На страницах «Р.в.» публиковались исторические памятники, однако это не публикации в современном понимании, а рассказ о них или пересказ документов с цитатами, без ссылок на источник. Таково, например, большое переложение «Сказания о Мамаевом побоище» («Р.в.», 1810, ч. 9. № 3, с. 1-31) или сообщение: «Отрывки из рукописи под заглавием: Грамоты от 1610 до 1613 года, с присовокуплением некоторых замечаний» («Р.в.», 1810, ч. 11, № 7, с. 13-45; № 8, с. 32-55), и др.

² «Р.в.», 1811, ч. 16, окт., с. 81.

³ См.: «Р.в.», 1808, № 1, с. 6.

С.Н. Глинку слишком далеко, и он впадал в крайности. Впрочем, полагал П.А. Вяземский, излишества и крайности в направлении были тогда понятны¹. С.Н. Глинка достигал своей цели: льстил народному самолюбию и «возвышал в обществе русский дух, сильно униженный нашими неудачными войнами с Наполеоном...»².

Этот общий фон журнала – возвеличивание русской самобытности и мощи – позволял издателю вырисовать на нём отрицательное отношение к Западу и, в частности, к французам, считая их главными врагами русской самобытности. С.Н. Глинка с первого номера журнала готовит своих читателей к близкой борьбе с воинствующей Францией. Эта мысль лейтмотивом проходит через все стихотворные и прозаические произведения его журнала.

Общественное настроение очень благоприятствовало деятельности Глинки, и, хотя внешний облик и внутреннее содержание его журнала не выдерживали серьёзной критики, он обратил на себя внимание публики и влиятельных сфер.

Так, за 1811 год журнал имел более 750 подписчиков (цифра по тем временам немалая); причём чуть менее 300 приходилось на долю Москвы, в которой «Р.в.» пользовался популярностью широких читательских кругов, в том числе, в среде университетской молодёжи. Издатель вспоминал: «Весело мне также было видеть, с каким жаром порыва студенты Московского университета спешили ловить книжки «Вестника»³. Остальное же количество номеров распределилось между другими, в основном провинциальными, городами России, из которых Глинка также получал выражения восторженной благодарности за своё смелое выступление против французов.

Академик Н.М. Дружинин, анализируя списки подпис-

¹ См.: Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка. С. 335-347.

² Полевой П.Н. История русской словесности с древнейших времён до наших дней. В 3 т. Т. 2. СПб., 1900. С. 378.

³ Записки. С. 268.

чиков, публиковавшиеся на страницах «Р.в.», отмечал, что почитателями журнала были члены императорского дома, сановники, генералы, провинциальные помещики, иерархи православной церкви, московские и иногородние купцы, изредка зажиточные крестьяне¹. Таким образом, нельзя ограничивать значение журнала Глинки воздействием только на наивно-патриотические чувства среднего читателя, главным образом провинциала: к нему прислушивалась иногда и родовитая русская знать, и передовая русская интеллигенция, понимавшая существующую опасность как внешнего, так «внутреннего» завоевания со стороны французов.

* * *

Между тем наступал 1812 год, предсказания «Р.в.» о возможной войне с Наполеоном получали реальное подтверждение. Характеризуя атмосферу тревожного ожидания того времени, А.С. Пушкин вспоминал: «Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Ростопчина; народ ожесточился. Светские балагуры при-смилели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста² взяли в обществах решительный верх, и гостинные наполнялись патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжёг десяток французских брошюрок, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну»³.

1812 год – время наиболее активной общественной и

¹ См.: Дружинин Н.М. Освободительная война 1813 г. и русское общество. С. 40.

² Здесь улица Кузнецкий мост - средоточие модных французских магазинов упоминается как символ западного влияния.

³ Пушкин А.С. Рославлев (1831) // Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1969. С. 74.

публицистической деятельности С.Н. Глинки. Он чувствовал себя частью великой нации, которая сплотилась в едином стремлении противостоять завоевателю.

Когда война началась, С.Н. Глинка всецело посвятил свой журнал той борьбе, к которой заранее готовил себя и своего читателя. Он продолжал издание журнала, прервав его только на время занятия Москвы французами. Как будто предчувствуя возможную оккупацию столицы, он уже в августе выдал книжки «Русского вестника» за сентябрь и октябрь.

С.Н. Глинка точно улавливал «дух времени», настроения народа. На страницах журнала он рассказывал уже не о подвигах героев прошлого, а о героических буднях своих современников. Он стремился представить целостный образ русского солдата, создавая прекрасный патриотический миф, историю, которая действительно «делала русских счастливыми». Он понимал, что академические истории пишутся позже: когда утихнут «громы пушек» и «улягутся страсти», сейчас же нужно было действовать.

Статьи, стихотворные произведения о русском патриотизме, храбрости, великодушии и других добродетелях заполняют страницы журнала за 1812 и 1813 годы. Так, мы встречаем тут ряд обращений к героям и героическим эпохам русской истории. «Речь Димитрия Донского к войску перед сражением на Куликовом поле»¹, портрет Ивана Сусанина с подписью: «Умрём за Веру и царя-Государя»², портрет Минина³ и т.д.

* * *

Роль и значение «Р.в.» накануне и в период Отечественной войны были оценены мемуаристами и исследователями XIX века.

¹ См.: «Р.в.». 1812, ч. 18, № 6, с. 119.

² См.: Там же. № 5, с. 1.

³ См.: Там же. № 6, с. 5.

Историк русской литературы П.Н. Полевой полагает, что при рассмотрении периода между 1808 и 1813 гг. невозможно обойти молчанием патриотическую деятельность С.Н. Глинки. Его журнал «Русский вестник» «в значительной степени способствовал подъёму народного духа, а в бедственное время Отечественной войны был и знаменем, и утешением для разорённой и пострадавшей Москвы. Журнал этот был в своём роде литературным самородком»¹.

М.А. Дмитриев писал, что «Р.в.», несмотря на оппозицию приверженцев «европейства», пришёлся ко времени и имел необыкновенный успех. Из него многие впервые услышали «о царице Наталье Кирилловне, о боярине Матвееве, о Зотове, воспитателе Петра Великого, и в первый раз увидели их портреты. Кто первый об них напомнил, кто первый, так сказать, натвердил нам об этих людях, тот, конечно, заслуживает и сам остаться в памяти»².

П.А. Вяземский отмечал непримиримую борьбу С.Н. Глинки с засильем «духа чужеземства», который мог быть тогда, в самом деле, опасен. Он писал, что «надлежало драться не только на полях битвы, но воевать и против нравов, предубеждений, малодушных привычек. Европа онаполеонилась. России, прижатой к своим степям, предлежал вопрос: быть или не быть»³. О том же в своих «Записках» отмечает Ф.Ф. Вигель: «Глинка был истинный патриот, без исключения превозносил всё отечественное, без исключения поносил всё иностранное. Пусть ныне смеются над такими людьми: я люблю их непреклонный характер целиком»⁴.

¹ Полевой П.Н. История русской словесности. С. 377, 378. Важная роль журнала в тот период признана и современной историографией (см.: История русской литературы. Т. 2. Л., 1981. С. 38).

² Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 103.

³ Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка. С. 338.

⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. С. 267.

М.И. Богданович в своей «Истории императора Александра I» выражает мнение, что «Р.в.» С.Н. Глинки необходимо рассматривать в контексте своего времени: «В обычные безмятежные эпохи упрекали бы автора в квасном патриотизме, но когда приходилось нам отстаивать нашу народную самобытность, не надеясь ни на кого, кроме самих себя, тогда журнал Глинки, при всех несовершенствах своих, был полезен и дорог для русских, а С.Н. Глинка, по влиянию своему на современное общество, заслуживает почётное место в нашей истории»¹.

Радикальное патриотическое направление «Р.в.» было уместно и оправдано накануне и в ходе Отечественной войны. После 1812 года влияние журнала падает. К тому времени издатель еще пользовался вниманием в высших сферах. Среди подписчиков на «Р.в.» были Александр I, императрицы Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна, Великая княгиня Екатерина Павловна и некоторые другие представители высшей аристократии России.

Однако встречались в печати и критические отзывы о «национальном направлении» литературного творчества С.Н. Глинки. Сам он так отвечал на многочисленные упрёки о его якобы «небывалой ненависти к иностранцам»: «Не от иностранцев мне чаще доставалось и достаётся, а от своих любезных земляков, хотя никогда, нигде и никому не перебивал я дороги. Но Бог с ними! Благодарю Провидение за то, что сердце моё никогда не томилось ни ненавистью, ни завистью, ни жаждой мщения»².

По выражению А.Ф. Воейкова, узкий патриотизм С.Н. Глинки, «русский дух в склянке», уже не находил почвы и опоры в кругу читателей. В своём знаменитом сатирическом произведении «Дом сумасшедших» (1814) он даёт

¹ Божерянов И.Н. Сергей Николаевич Глинка. С. 169-170.

² Записки. С. 292.

пародийно-ироническую характеристику известным русским писателям как обитателям дома сумасшедших, первые четыре строки из которого, С.Н. Глинка упоминает в своих Записках¹. Нимало не обижаясь на сатиру, он замечает: «Много, слишком много чести: не безделица быть сторожем духа народного!... Бережёт для необычайной години дух народный тот, кто живёт повыше земли»².

Ещё одно поэтическое послание, посвящённое С.Н. Глинке, мы находим в шутивно-сатирической поэме «Видение на берегах Леты» К.Н. Батюшкова³. Однако после событий 1812 года К.Н. Батюшков изменил своё отношение к издателю «Р.в.» и при встрече сказал ему: «Обстоятельства оправдали вас и ваше издание»⁴.

* * *

После прочтения воззвания императора Александра I к «первопрестольной столице» 11 июля 1812 года С.Н. Глинка, не застав дома московского главнокомандующего гр. Ф.В. Ростопчина, оставил ему записку, в которой содержалось намерение вступить в ополчение и сделать

¹ «Нумер третий – на лежанке // Истый Глинка восседит: // Перед ним «дух русский» в склянке // Не откупорен стоит» (Записки. С. 290).

² Там же. С. 291.

³ «Уф! я устал, подайте стул, // Позвольте мне, я очень славен. // Бес- смертен я, пока забавен». – // «Кто ж ты?» – «Я русский и поэт. // Бегом бе- гу, лечу за славой, // Мне враг чужой рассудок здравый. // Для Русских прав мой толк кривой, // И в том клянусь моей сумой». – // «Да кто же ты?» – «Жан-Жак я Русский, // Расин и Юнг, и Локк я Русский, // Три драмы Русских сочинил // Для Русских; нет уж боле сил // Писать для Русских драмы слезны; // Труды мои все бесполезны! // Вина тому – разврат умов», – // Сказал – в реку! – и был таков!» (Батюшков К.Н. «Видение на берегах Леты» (1809) // Стихотворения. М., 1977. С. 44. Курсив – К.Н.Б.).

⁴ См.: Батюшков К.Н. Сочинения. Т. I. СПб., 1887. С. 161-162.

внос в его фонд. Он был первым, записавшимся в ратники Московского ополчения и сделавшим пожертвование на «алтарь Отечества». Многие последовали его примеру.

15 июля С.Н. Глинка во главе большой толпы народа шёл на Поклонную гору встречать Александра I. Всё его поведение и речи при этом показались властям подозрительными, и за ним был установлен тайный надзор. Эти подозрения усилились, когда во время приёма дворянства и купечества в Слободском дворце С.Н. Глинка много и горячо ораторствовал и обескуражил всех, предсказывая падение Москвы. Убедившись, однако, что эта бурная общественная деятельность С.Н. Глинки не опасна, а, наоборот, способствует подъёму народного духа и сплочению против врагов, московская администрация сняла с него тайный надзор. Более того, его было решено привлечь для осуществления патриотической пропаганды.

19 июля С.Н. Глинка был вызван к гр. Ф.В. Ростопчину, который вручил ему рескрипт императора о награждении его орденом Святого Владимира IV степени «За любовь к Отечеству, доказанную сочинениями и деяниями»¹. Писатель вспоминал позже, что сам факт получения ордена и 300 тысяч рублей на экстренные расходы по организации патриотической работы² означал для него очень много: «По этому праву я мог бы для нужд других брать из нее, но мне как будто бы стыдно было развязывать себе руки на деньги в то время, когда доверенность развязала мне язык для выражения вдохновений душевных. Итак, чтобы удовлетворять ревностных просителей, я спешил продавать драгоценные вещи жены моей. Награда за это – провидение и судьба детей: у них останется память родного подвига. Поэт сказал: «Где нет сердца, там нет и приюта». Приют душе –

¹ Записка Сергея Глинки. См. док. № 11.

² С. Глинка, впоследствии, полностью возвратил эту сумму в казну.

воспоминания... С провидением и с любовью к Отечеству не торгуются»¹.

Б.М. Федоров, современник писателя, вспоминал, что С.Н. Глинка «сделался собеседником народа, на площадях, на рынках, на улицах» он свободно говорил всё, что могло служить на пользу Отечества. На свои средства он снарядил на службу 20 ополченцев: офицеров, студентов – всех, кто обращался к нему за помощью. Не счесть, сколько речей произнёс он в Москве и в окрестных деревнях перед крестьянами.

Рассуждая о подвижности и словоохотливости С.Н. Глинки, П.А. Вяземский писал: «Глинка перенёс литературу свою на площадь; он попал на свою колею. Глинка был рождён народным трибуном, но трибуном законным, трибуном правительства. Он умел по православному говорить с народом православным. Речами своими он успокаивал и ободрял народ»².

Не только вдохновенным словом и пером служил Отечеству Сергей Николаевич. Через его «Р.в.» постоянно собирались пожертвования для вдов, сирот, инвалидов войны, на свои средства снаряжал ополченцев, реализуя, таким образом, свою программу «деятельного благотворения»³.

Яркий портрет С.Н. Глинки этого периода мы находим и в воспоминаниях С.Т. Аксакова: «Его оригинальная личность, его патриотическое участие в московских событиях 1812 года гораздо замечательнее его многотомных сочинений... Русское направление было для него главным

¹ Записки о 1812 году. Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 45-46 (курсив наш. – С.С.). Далее в тексте и ссылках: Записки о 1812 году. На «калтарь отечества» С.Н. Глинка пожертвовал семейное столовое серебро.

² Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка. С. 341.

³ См.: Глинка С.Н. Искусство благотворить // Незабудочка. Моск. Альманах на 1827 год. С. 101-102.

делом в жизни; проповедовать его он считал своим гражданским долгом»¹.

// Много позже, размышляя о своей жизни, С.Н. Глинка, в одном из писем, скажет, что «касательно событий московских, право, меня некому поверять. Теперь брожу отшельником, а тогда был непосредственным действователем или по-нынешнему – деятелем. Всё на время и на всё время»².

* * *

Несколько слов об оценке С.Н. Глинкой событий 1812 года.

Наиболее полно его наблюдения и впечатления об этих событиях собраны в «Записках о войне 1812 года первого ратника Московского ополчения» (СПб., тип. Рос. акад., 1836). Основная цель книги – показать народный характер войны, пониманием которого «Записки о 1812 году» отличались от большинства работ на эту тему, в которых история войны превращалась в историю полководцев, генералов или в описание хода военных действий. Писатель С.Т. Аксаков верно подметил в своих мемуарах, что «должно отдать справедливость провидению Глинки: он и в июле 1812 года не надеялся, чтобы мы могли отразить военную силу – военную же силою. Он надеялся на народную войну, на твёрдость правительства и не ошибся»³.

«Записки о 1812 году» были заметным для своего времени событием. С.Н. Глинка получил пособие от Российской академии наук на издание книги. По представлению В.А. Жуковского первым на неё подписался наследник престола Александр Николаевич. Много позже, в январе

¹ Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания. С. 8.

² С.Н. Глинка – А.В. Никитенко. 14 апреля 1842 // Русская старина. СПб., 1898. Т. 94. № 4, май. С. 342 (курсив. – С.Н.Г.).

³ Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания. С. 25.

1838 г., Николай I принял экземпляр книги Сергея Глинки по представлению тогдашнего министра народного просвещения – графа С.С. Уварова.

О большом интересе к «Запискам о 1812 году» свидетельствует прилагаемый к книге список «имён подписавшихся особ», включающий весь цвет русской литературы того времени (А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, Н.А. Полевой, И.В. Киреевский). М.А. Дмитриев, отзываясь о Записках, отмечал, что они «живы и чрезвычайно любопытны своим безыскусственным рассказом»¹. Отрывки из них А.С. Пушкин собирался напечатать в своём «Современнике». В одном из своих частных писем С.Н. Глинка писал в 1845 году: «В Записках моих делал заметки карандашом не цензор, но поэт наш А.С. Пушкин. Он читал мои Записки незадолго до бедственной своей кончины с В.А. Жуковским, П.А. Вяземским и другими и намерен был кое-что переместить из них в Современник»².

* * *

Отечественная война 1812 года была переломным событием в развитии России начала XIX века. Она поставила на повестку дня разные вопросы общественно - политической и культурной жизни. Среди них не последнее место занимал вопрос осмысления исторических уроков войны.

С.Н. Глинка, как и его брат Ф.Н. Глинка³, придавал большое значение исследованию истории войны и напи-

¹ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 104.

² Российский государственный исторический архив (далее: РГИА), ф. 1661, оп. 1, д. 997, л. 12 (подч. – С.Н.Г.). См. док. № 15

³ Автор книги «Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года, сочинённые Федором Глинкою, а на французский язык переведённые С. Глинкою. М., в типографии Августа Семена. 1821». Произведение это неоднократно переиздавалась, в том числе в период Отечественной войны 1941-1945 гг.

сал, кроме вышеназванной и другие работы на эту тему: «Подвиги добродетели и славы Русских в отечественную и заграничную войну» (М., 1816); «Записки о 1812 году. Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения» (СПб., 1836); «Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года. С присовокуплением статей: 1) Александр Первый и Наполеон 2) Наполеон и Москва» (СПб., 1837).

Он собирал материалы по истории 1812 года: в связи с этим, например, обращался в 1824 году к своему корпусному товарищу графу К. Толю с просьбой прислать сведения о военной биографии генерала. Глинка и сам охотно представлял свои воспоминания о московских событиях 1812 года военному историку А.И. Михайловскому-Данилевскому. В частности, он передал ему ценные материалы о пожаре в Москве¹. Поддерживая намерение А.И. Михайловского – Данилевского написать историю войны, С.Н. Глинка писал ему: «А вам из любви к Отечеству должно приступить к сему подвигу. Вы видели необычайные события нашего времени, вы участвовали в них, вы умеете оные предлагать»².

!!
..

¹ См. док. № 3.2.

² Из переписки А.И. Михайловского-Данилевского. Русская старина. СПб., 1901. Т. 105. С. 718. См. док. № 3.1. В период царствования Николая I работа А.И. Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны 1812 года» была первой русской официальной историей 1812 года, она неоднократно переиздавалась и переводилась на иностранные языки.

Глава третья

Литературно-издательская деятельность после 1812 года.

«Русская история»

После Отечественной войны национально-патриотические настроения в обществе пошли на убыль. С.Н. Глинка от журнальной публицистики обращается к русской истории.

Выход в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина открыл дорогу не только появлению собственно исторических сочинений, но и книг для чтения по истории. Примерно в это время появилась новая форма преподнесения исторических знаний читателю в виде изложения занимательных фактов. К такому жанру популярной исторической литературы принадлежали и работы С.Н. Глинки.

В 1816 году он приступил к печатанию в своём журнале «Русской истории в пользу воспитания» (1 изд. Ч. 1-6)¹, которая фактически выросла из материалов, опубликованных в «Р.в.». С.Н. Глинка изначально ориентировался не только на юношескую аудиторию. Скорее всего она была адресована читающей, но не искушённой в научных работах публике. Его история стала весьма популярной благодаря доступному и живому языку изложения.

К историческим источникам в «Русской истории» С.Н. Глинка относился скорее как к художественным произведениям, а не как к сухим и «беспристрастным» свидетельствам времени. Он признавался в «Записках», что не ставил задачей изучение всех книг, которые использовал в своих

¹ Далее в тексте и ссылках: «Русская история».

сочинениях. Исторические факты для автора – лишь декорация, на фоне которой разворачивается основное действие – борьба и победа добра над злом. Однако «справедливость торжествовала» не всегда. С.Н. Глинка в своих сочинениях на историческую тему много размышляет о «судьбах и непредсказуемости Провидения», обнаруживая при этом знакомство с сочинениями Боссюэ, Вико, Гердера – основоположников принципа историзма в рассмотрении развития человеческого общества¹.

Воспитанник кадетского корпуса, С.Н. Глинка в конечном счёте, рассматривал журнал, а также все свои сочинения как способ осуществления «идеальной утопии» (справедливого общества, где нет ни зла, ни насилия). Сначала через «Р.в.», затем посредством «Русской истории» автор стремился влиять на умы читателей. Т.А. Володина следующим образом формулирует историческую концепцию С.Н. Глинки: «Русскую историю он прежде всего воспринимал как «училище отечественной нравственности». Для него безусловной истиной является благодетельность самодержавия, не дающего своеволию и личным выгодам подтачивать здание государства... Поняв особенности «Русской истории», легко объяснить популярность этого сочинения. Оно было написано легко, интересно и увлекательно, к тому же удовлетворяло потребность общества... – увидеть в своей истории основание для гордости и счастья, почувствовать красоту этой истории и силу национального духа»².

В отзывах на «Русскую историю» С.Н. Глинки, которые появились в печати, содержались критические замечания и оценки. Современникам, как это часто бывает, не удалось

¹ Боссюэ Ж.Б. (1627-1704) – французский писатель. Вико Дж. (1668-1744) – итальянский философ. Гердер И.Г. (1744-1803) – немецкий философ-просветитель.

² Володина Т.А. С. 156-157.

уйти от традиционных, общепринятых в то время подходов к оценке этого сочинения.

В 1841 году, вспоминая о «беспощадном уничтожении» «Русской истории», её автор писал, что критика должна быть отчётливой, добросовестной, доказательной, показывающей достоинства и недостатки произведения. Высказывания Н.А. Полевого о «Русской истории» С.Н. Глинка называл приговором, а не критикой¹.

Достаточно категоричен был и тон замечаний Ксенофонта Полевого – брата издателя «Московского телеграфа»: «Глинка был просто книгоделатель, а не литератор... Он напечатал многословную компиляцию под заглавием «Русской истории» в нескольких томах»².

В таком же духе высказывался об этой книге А.Ф. Воейков: «Многотомная история г. Глинки заставляет зевать самых пламенных патриотов при рассказе о подвигах Минина, Пожарского и других великих россиян»³.

«Русская история», несмотря на высокую для того времени цену (40 руб.), имела известный успех. «Русская история» Глинки, – вспоминал М.А. Дмитриев, – написанная без всякого критического взгляда и языком простым, имела четыре издания. Стало быть, она раскупалась и нашла себе читателей. Для учёного исследователя и знатока и История Карамзина имеет недостатки; для читающего простоголюдина и История Глинки приносит пользу»⁴.

Критика «Русской истории» разделялась не всеми. С.Н. Глинку поддерживал Н.М. Карамзин. В своём докладе

¹ См.: Записки. С. 394.

² Н.А. Полевой. Материалы по истории русской литературы. С. 143. См. док. № 5.

³ Славянин. 1828. № 30. С. 150.

⁴ Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 106. Кроме публикации в «Р.в.», «Русская история» переиздавалась трижды: 1 изд. вышло в 1817-1818 (10 частей); 2 – 1818-1819 (10 частей); 3 - 1823-1825 (14 частей).

министру просвещения А.С. Шишкову, вспоминал С.Н. Глинка, Н.М. Карамзин «изъяснил, что моя Русская история, по изложению происшествий и по нравственной цели, заслуживает быть *классическою книгою* (выделено С.Н. Глинкой), за что и ходатайствует о предоставлении мне награды»¹. Брат Сергея Николаевича, Фёдор Николаевич, отмечая личные достоинства великого историографа, писал: «Другой, написавший «Р. ист.», уж никак не дозволил бы идти кому-нибудь по одному с ним пути; а Н.М-ч [Николай Михайлович Карамзин] не только одобрял словами «Рус. ист.» С. Глинки, но ещё хлопотал «о введении этой Истории (чего, однако ж, не случилось) в учебные заведения»².

С.Н. Глинка гордился тем, что изложил русскую историю «до нынешних времён». По свидетельствам современников, он никогда не обижался на критику, его добродушие мирило с ним литературных противников, которые не становились его личными врагами.

* * *

Пытаясь хоть как-то обеспечить семью, С.Н. Глинка заваливал себя разнообразной книжной работой и опаздывал выпускать очередные номера «Р. в.» в срок. Весной 1824 года, надеясь на внимание и поддержку двора, С.Н. Глинка преподнёс первые две книжки журнала императрице и, «в знак высочайшего благоволения», ему был пожалован бриллиантовый перстень³.

С большими трудностями С.Н. Глинка дотянул

¹ Записки. С. 394.

² Грот К.Я. Воспоминания Ф.Н. Глинки о Н.М. Карамзине. Ф.П. Глинка и П.А. Плетнёв // Известия Отд. русск. яз. и словесности. 1903. Т. VIII, № 2. С. 86. Документ № 7 рассказывает о попытке Н.М. Карамзина поддержать «Русскую историю» С.Н. Глинки.

³ См. док. № 4.2.

издание «Р.в.» до 1825 года, всё более и более сокращая его объём. «А между тем бедный мой «Русский вестник» упал. Я начал прибавлять к нему «Детское чтение»; но и это предприятие мало имело хода. Если время готовится к неизбежному падению, тогда тщетны все подмошки. ... Вызовы Минина, Пожарского и других сторожил летописей наших утомляли слух. Дух времени требовал освежения словесности. Упал «Русский вестник», упали и благотворительные вспоможения для бедных московских граждан»¹.

С.Н. Глинка пробовал оживить журнал, прибавляя к нему «Новое Детское чтение» (1821-1824), «Плутарх в пользу воспитания» (1822-1823), а кроме того, отдельно им был выпущен «Московский альманах для прекрасного пола» на 1826 г.

Менялась форма издания, но основным его содержанием оставались по-прежнему его патриотические выступления. Журнал постепенно лишался широкой аудитории и читательской поддержки. Как полагают современные исследователи, «Р.в.» «после 1816 года полностью утратил какое бы то ни было значение и был ликвидирован самим издателем в 1824 году»².

С.Н. Глинка сравнивал ситуацию 20-х годов со временем первых лет издания «Р.в.». Когда журнал был на пике популярности, многие искали знакомства, переписки с издателем. «В 1826 году, – вспоминал С.Н. Глинка, – знакомство отдалось, переписка онемела. Иные за могилой отживают на поприще писателей, а я при жизни выбыл из разряда писателей своевременных»³.

Чтобы ускорить распространение своих книг, С.Н. Глинка пытается их рассылать. Так, в 1824 году он

¹ Записки. С. 363.

² История русской литературы. С. 38.

³ Записки. С. 426.

направляет своему корпусному сотоварищу, тогда уже знаменитому генералу, графу Толю, «Детские свои книги»¹.

Поиски заработка или, как говорил С.Н. Глинка, «высматривание того, откуда блеснёт луч чернильной работы и, если угодно, даже и подёнщины», заставили его, между прочим, взяться «за перевод басен Лафонтена, по 5 рублей ассигнациями за каждую»². В 1826 г. он занимался сочинением эпитафий: «В привольное время моей жизни чего не писал я для других, не ожидая даже и слова благодарного; а в роковой мой жребий, винюсь перед небом и землю, брал, брал и за надписи надгробные!»³.

Затем им были изданы альманахи: «Незабудочка, Московский альманах на 1827 год, изданный С. Глинкою» (М., 1826) и «Московский альманах на 1828 год историн, словесности и нравственности, изданный С. Глинкою» (М., 1828)». Однако все эти издания, адресованные «вслед уходящему времени», в 30-е годы XIX века были уже неактуальны.

* * *

С донским краем было связано следующее начинание С.Н. Глинки.

В конце 1817 года, по просьбе одного из донских атаманов, А.В. Иловайского, Глинка открывает в Москве пансион

¹ Граф ответил ему благодарственным письмом, содержание которого пересказывается в статье Федорова Б.М. Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки. С. 15.

² Всего им было переведено 100 басен. Когда в одном из журналов С.Н. Глинку назвали не писателем, а ремесленником, цензор Мерзляков, товарищ Глинки, отказывался это пропустить в печать: «Пропустите, отвечал я, – прибавьте только: ремесленник Сергей Глинка, ибо у нас есть писатель Федор Николаевич Глинка» (Записки. С. 423).

³ Записки. С. 425.

для воспитания донского юношества¹. Ф.Ф. Вигель писал об этом учебном заведении: «Глинка захотел быть просветителем донских казаков и принялся за ум и за сердце пылких, диких мальчиков. Довольно грубым, но пламенным и им понятным языком вливал он в них любовь к познаниям и к великому их российскому отечеству. Кто ныне решится на столь славные и бескорыстные подвиги? Кто хвалит их и кто помнит их? Или, лучше, кто знает об них?»².

С.Н. Глинка, реконструируя педагогические методы кадетского корпуса, страстно взялся за дело гармоничного воспитания донского юношества: «У меня воспитание не разбивалось на ветви. Донские мои юноши, – писал С.Н. Глинка, – видели у меня и семейство, и училище, и большой свет»³. Он старался прививать воспитанникам любовь к родному краю, к русскому языку, вкус к литературе, христианские чувства. В пансионе преподавали разные дисциплины: закон Божий, математику, геометрию, русскую словесность, географию, французский язык, классический танец. Уделяя большое внимание изучению словесности, он, ещё до изучения курса грамматики, познакомил учеников со многими произведениями отечественных писателей. В качестве педагогов он приглашал учёных, актёров. В решении многих вопросов организации жизни и быта кадетов С.Н. Глинке помогала его жена, Мария Васильевна.

В 1817-1820 годах в Москве было издано собрание сочинений С.Н. Глинки в 12-ти частях. Деньги, полученные за это издание, почти целиком поглотило бесхозяйственное расходование средств на нужды его пансиона.

Жена С.Н. Глинки предостерегала его от возможных

¹ Иловайский А.В. -- генерал от инфантерии, наказной атаман Войска Донского (1821-1827).

² Вигель Ф.Ф. Записки. С. 267.

³ Записки. С. 378.

проблем с управлением пансиона: «Мы опять разоримся, будет хуже двенадцатого года: ты всё мечтаешь!». Её опасения оправдались.

Неумелое ведение пансионного хозяйства, неблагоприятные слухи о системе воспитания и обучения, вследствие чего родители стали забирать своих детей из пансиона – всё это заставило Глинку закрыть своё заведение в конце 1819 г. с дефицитом в 10 тыс. рублей¹. Платить долги было нечем, литературной работы было мало, и Глинка бедствовал. Особенно сильно - с конца 1819 г. до сентября 1823 г., когда даже все домашние вещи были в залоде.

Характеризуя своё материальное положение этого периода, С.Н. Глинка вспоминал: «Два разорения: нашествие Наполеона и внезапное разрушение Донского училища, исторгнутого из недр моего семейства, с одной стороны, клеветой, а с другой - опрометчивостью донских отцов, в полном смысле довели меня до гробового семейного изнеможения»².

Вопрос о постоянной бедности С.Н. Глинки и его семьи связан не только с отсутствием «родительского наследства», недвижимости и т.д., в определённой степени – это образ жизни, мировоззрение. Ещё в молодости, очарованный древней Грецией, Римом, возвышенными идеалами служения Родине, Веры, Добру, он выделялся среди сверстников ярко выраженным романтическим мировосприятием. «Глинки были не богаты. На фоне Петербургской дворянской жизни их можно было попросту считать нищими. Но то, что по

¹ Распространилось мнение, что учащиеся пансиона будто бы были «истомляемы голодом и холодом», а их воспитание «слишком свободно. А в чём состояла эта свобода?» - вспоминал С.Н. Глинка. – Я раз и навсегда изгнал из системы моего воспитания инквизиторские, учительские и всевозможные наказания и старался действовать на сердца юношей» (там же. С. 378: 376).

² Там же. С. 389.

бытовым нормам могло оцениваться как неудобство, недостаток или даже неприличие, сквозь призму «римского» героизма воспринималось как гражданская добродетель»¹.

Балансирование на грани нищеты и достоинства – вечная проблема интеллигенции. Для С.Н. Глинки выбор был предопределён. Он часто бедствовал, брался за любую, как он говорил, «чернильную» работу. И хотя время от времени литературные занятия обеспечивали его многочисленную семью (восемь человек)², деньги у него долго не задерживались.

Автор известных в то время исторических романов И.И. Лажечников оставил портрет С.Н. Глинки этого периода, в котором перед нами предстаёт человек редкого бескорыстия и душевности: «С Сергеем Николаевичем Глинкою знаком я был впоследствии. Дивная была эта личность! Он содержал пансион, в котором воспитывались дети богатых донцов, в том числе и сын Платова. Золото обильно лилось в его карманы, между тем не было у него часто копейки за душою. Выходя из дому с деньгами... он возвращался бедный, как Ир, и всегда довольный. Часто, когда нечего ему было дать просящему у него бедняку, он отдавал ему что попадалось под руки – носовой платок, шейный, жилет, пустой кошелек, книжку... Весь московский люд знал его; я видел часто, как извозчики на биржах кланялись ему в пояс, а многие проезжавшие мимо снимали перед ним шапки»³.

Никогда не умевший и не желавший заниматься учетом своих доходов от издания книг, журналов, сотрудничества с театрами, часто живущий в долг, помогающий всем нуждающимся, Глинка в это время страдает от бедности. С.Т. Аксаков вспоминал: «Доброта души С.Н.Г. была известна

¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 183.

² См. генеалогию Глинок: часть III приложение № 2.

³ Лажечников И.И. С. 392.

его знакомым: он не мог видеть бедного человека, не поделившись всем, что имел, забывая свое собственное положение и не думая о будущем. Отчего, несмотря на значительный иногда прилив денег, всегда нуждался в них»¹.

Благодаря ходатайству Н.М. Карамзина перед А.С. Шишковым – министром народного просвещения (1824-1828) – С.Н. Глинке было предложено написать записку о своей службе и сочинениях для рассмотрения в правительственных кругах возможности оказания ему «вспоможения». По докладу министра С.Н. Глинке была выдана награда – перстень стоимостью 3 тысячи рублей и 6 тысяч рублей для уплаты в университетскую типографию за напечатание «Русской истории». По совету Н.М. Карамзина, С.Н. Глинка составил вторую докладную записку, в которой просил для себя пенсию или же определения на службу. В мае 1825 года С.Н. Глинка получил из Петербурга от директора канцелярии министерства народного просвещения князя П.А. Ширинского-Шихматова уведомление о том, что в пенсии ему отказывают, т.к. он не служил, но обещают ещё «временное вспомоществование».

В июле 1825 С.Н. Глинка поехал в Петербург проситься на службу: он добивался у А.С. Шишкова места директора гимназии в каком-либо городе, но тот отказал ему в этом и обещал назначить цензором в Москву, когда будет принят новый цензурный устав; пока же он обещал дать ему какое-нибудь место при Московском университете.

В ноябре 1825 года С.Н. Глинке сообщили, что ему предоставляется место «обер-корректора университетской типографии». Он посчитал для себя невозможным занятие этой должности². Этот случай, и события 14 декабря 1825

¹ Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания. С. 9.

² Он вспоминал по этому поводу: «Мне стукнуло уже тогда пятьдесят лет. Трудно было присматривать и за собственными буквами. Каково же было полномочиться в опеке над всеми типографскими буквами!... Ведь это на смех курам, -- сказал С.Н. Глинка при встрече с А.А. Писаревым.

года отодвинули служебную переписку по вопросу о трудоустройстве более чем на год.

* * *

В реконструкции мировоззрения С.Н. Глинки интерес представляет его отношение к декабризму.

Умеренный по своим политическим взглядам, С.Н. Глинка не принадлежал к декабристам. Однако на протяжении всей жизни общался с людьми этого круга, со многими из них имел общие литературные интересы. Он не состоял членом какой-либо организации не потому, что боялся преследования, а в силу своих убеждений¹. Вот как писал он по этому поводу: «Со времени открытия масонских лож негодовали на меня за то, что ни в одну из них не заполнил моей независимости. Не осуждая никаких обществ, скажу только, что именно по духу моей независимости я не подчинял себя никогда самовластию часов ..., а в 1811-м году, когда избран я был членом в обществе московских любителей словесности, я прочитал там речь и в тот же вечер оттуда выбыл, услышав от председателя общества, что члены должны высиживать до окончания всех чтений»².

Неудачи издательской и педагогической деятельности оторвали С.Н. Глинку от «треволнений света»,

попечителем Московского университета – что по свидетельству министра народного просвещения, «за моё беспредельное просвещение», он же, министр, подписал определение моё в обер-корректоры!» (Записки. С. 408). Возможно, отказ от занятия должности мог быть связан не столько с её несоответствием VIII (майорскому) рангу, сколько с «ущемлением» чувства независимости С.Н. Глинки.

¹ В октябре 1811 года, по предложению А.Ф. Мерзлякова, С.Н. Глинка был избран действительным членом Общества любителей российской словесности, но уже в феврале 1812 г. попросил уволить его из Общества, сославшись на отсутствие времени и здоровья.

² Записки. С. 391.

однако, посетив Петербург в 1825 году, он почувствовал сильное изменение в общественных настроениях. Так он говорил об этом времени в мемуарах: «Между тем, когда Нева дремала подо льдом своим, на берегах её бушевал сильный разгул раздражения. ...С живым предчувствием неизбежной политической бури отправился я в Москву и в первые минуты свидания с женой сказал ей: “Уверяю тебя, что нынешний год непременно будет в Петербурге что-нибудь необычайное”. – “Полно! – возразила она, – ты такой же мечтатель, как и любезный твой Жан-Жак Руссо” – “Не говори этого, – возразил я, – мой Жан-Жак не только угадчик, но был почти и пророком. За несколько лет до революции он в «Эмиле» своём целому свету возвестил, что мы живём в веке революций; цари будут подданными, а подданные царями...»¹.

Чтобы воссоздать отношение С.Н. Глинки к событиям 1825 года, воспользуемся и косвенными свидетельствами писателя: «Правду сказать, я ни от кого в Петербурге не слышал ни одного доброго слова о тогдашнем времени. Всё приготавлилось, но под завесою»². В другой раз при встрече с крупным столичным чиновником С.Глинка обратил внимание на его нескрываемое неудовольствие деятельностью аппарата управления.

Позже, в бытность свою цензором, в ответ на обвинения его в пособничестве напечатания «бунтовских сочинений», взволнованный Глинка «кричал, что от самоуправства министров будут вспыхивать каждый день четырнадцатые декабри. Чем кто ближе к престолу, тем виновнее, если в человеке забывают человека. Не почести, не высокие степени возбуждают негодование, но

¹ Записки. С. 395-396.

² Там же. С. 400.

гордыня самоуправления: она потрясает и опрокидывает общества человеческие, это истина вековая! Но для многих ли существуют уроки истории?»¹. Опыт истории человечества, по мнению писателя, свидетельствует, что не тюрьмы, цепи и секиры поддерживают самодержавное правление, «ошибаются те, которые насилем и самоуправством домогаются заменить любовь сердечную и мудрое, благоразумное наблюдение, которое можно назвать вторым предвидением в обществе человеческом. Предвидеть и предупредить: вот вся тайна политики, если политика может быть там, где нет умнозоркой мысли и душа не доверяет самой себе»².

По-видимому, С.Н. Глинка воспринимал движение декабристов как протест части дворянства на злоупотребления чиновников – протест излишне радикальный потому, что злоупотребления чрезмерные. «Чаша терпения переполнилась», что привело к событиям на Сенатской площади, последующим репрессиям, а это – трагедия для Отечества. В оценках писателя, естественно, преобладают нравственные, а не политические критерии.

¹ Записки. С. 416. Воспоминания С.Н. Глинки о своём конфликте с министром народного просвещения князем К.А. Ливеном позволяют предположить, что он видел истоки движения декабристов в самовластье и произволе чиновников.

² Там же. С. 409-410. С.Н. Глинка видел «причины тирании прежде всего в отступлении власти от законов нравственности. Главным методом оздоровления общества считал широкое распространение в нем правды, «веры и верности».

Глава четвёртая

В Московском цензурном комитете

После событий декабря 1825 года во всех сферах культурной и общественной жизни России преследовались всякие проявления свободомыслия.

Либеральный цензурный устав 1804 года был заменён на более строгий. По новому цензурному уставу (1826 г.) запрещалось всё, что могло ослабить «чувство преданности, верности и добровольного повиновения», «должного» почтения властям. Но этот «чугунный», как называл его С.Н. Глинка, устав просуществовал недолго, и уже в 1828 г. был заменён новым¹. Он несколько смягчал прежний устав, но цензурная практика оставалась столь же суровой. Особенностью николаевской цензуры было введение, помимо общей, ещё и ведомственной цензуры. Книга, если она касалась вопросов, имевших отношение к разным ведомствам, проходила несколько цензур. Запретов было много. Особенно обременительными были запреты на литературную полемику в журналах, на открытие новых периодических изданий.

¹ «И покойный устав во всей силе этого слова был чугунный; он сочинён был партией, восставшей против прежнего министерства просвещения. Во-первых, этим уставом запрещалось пропускать масонские книги. А что такое масонские книги? К распознаванию их не давалось никакого ключа. ... Но это ещё безделица. Екатерина Вторая, переместив выражение Паскаля в свой Наказ, повторила: «Можно перетолковать и молчание». А § 151 чугунного устава обязывал цензоров отыскивать двоякий смысл, то есть превращал цензурный комитет в инквизицию. Ужли кропатели этого устава не знали и не ведали, что и самую святую, небесную молитву, что и «Отче наш» можно перетолковать якобинским наречием?» (Записки. С. 409).

Благодаря покровительству В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина и др. С.Н. Глинке было предоставлено с 1 октября 1827 года место цензора в Московском цензурном комитете¹. Если ранее (в 1826 г.) С.Н. Глинка отказался от должности ввиду своего несогласия с цензурным уставом, то год спустя вечный недостаток в средствах вынудил его всё же занять пост цензора: «Я целый год отбивался от цензурного стула, потерял три тысячи жалованья, и теперь одна смертельная нужда заставила меня принять звание цензора»².

Работая в цензурном комитете, С.Н. Глинка не поддавался господствовавшим тогда настроениям пресечения всякого инакомыслия. Журналист и литератор, он старался использовать любую возможность, чтобы поддержать авторский текст, защитить его от цензурной экзекуции. Для этого часто приходилось лавировать между параграфами цензурного устава, учитывать личные связи, профессиональные интересы членов цензурного комитета и т.д. Такие «манёвры» не всегда удавались ему, поэтому служба в цензурном комитете, продолжавшаяся до 1830 года, принесла немало неприятностей.

Трудно было представить С.Н. Глинку в роли цензора. На это несоответствие обратил внимание К.А. Полевой. Когда от цензора требовали принимать решение о пропуске произведения в печать, Глинка задавал вопрос о том, как можно вообще судить мысль и намерения человека, поскольку даже в самых невинных словах может быть злое намерение: «Он выражал этим мысль справедливую в обширном смысле; но был несносен тем, что вследствие своих убеждений и своего характера *подписывал всё, не читая!*»³. Подписывая всё подряд, С.Н. Глинка полагал, что ни один автор не

¹ Об этом периоде жизни подробнее см.: Моё цензорство (Записки Сергея Николаевича Глинки) // Современник, 1865, №9. С. 217-231.

² Записки. С. 411.

³ Полевой К.А. Записки. СПб., 1888. С. 242 (курсив. – К.А.П.).

злоупотребит доверенностью цензора, тем более что автор и сам отвечает за то, что пишет.

В то время, когда Глинка обдумывал предложение, занимать ли эту должность, он досконально изучил цензурный устав и выработал свои способы того, как обходить его сложности и ограничения. Одной из таких лазеек была предусмотренная уставом, так называемая «совещательная цензура», когда сомнительные места цензор обсуждал совместно с автором, чтобы выработать взаимоприемлемый вариант текста.

Распространяя свою «систему цензорства» на «Московский телеграф», т.е. освобождая его от мелочной и придирчивой опеки, С.Н. Глинка давал возможность его издателю Н.А. Полевому высказывать в печати «всё то, что было на грани дозволенного и терпимого высшими властями. Добрым словом надо помянуть такого редкого цензора, каким был Глинка»¹.

В условиях действия устава 1826 года любому цензору было очень сложно соответствовать предъявляемым требованиям. Так, по признанию С.Т. Аксакова, он и С.Н. Глинка использовали разные уловки, чтобы помочь «слишком робкому» коллеге В.В. Измайлову: «Всякое сомнительное место цензуруемой им рукописи он вносил на рассмотрение в общее присутствие комитета, а мы с С.Н. Глинкой, по большинству голосов, пропускали его; дело записывалось в журнал, и Измайлов, как цензор, уже не подвергался ответственности»².

С.Н. Глинка не раз наказывался за пропуск в печать статей, которые были признаны недопустимыми. Так, например, цензор и автор статьи Н.А. Полевой получили

¹ Вацуру В.Э., Гиллельсон М.И. С. 156.

² Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания. С. 128. С.Т. Аксаков и В.В. Измайлов были коллегами С.Н. Глинки в период его работы в Московском цензурном комитете.

строгий выговор за то, что в «Московском телеграфе» (№ 14, 1828) была опубликована статья «Приказные анекдоты».

В конце 1828 года профессор М.Т. Каченовский подал в Московский цензурный комитет жалобу на пропуск в печать цензором С.Н. Глинкой 20-й книжки «Московского телеграфа», содержащей, как ему показалось, обидные для него выражения¹.

А.С. Пушкин в статье «Отрывок из литературных летописей» (1829) упоминает С.Н. Глинку, невольно втянутого в эту журнальную полемику: «Новое лицо выступило на сцену: цензор С.Н. Глинка явился ответчиком. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружилась в его речах, письмах и деловых записках. Он увлѣк сердца красноречием сердца...»².

Цензурный комитет вначале поддержал Каченовского, однако позже Главное управление цензуры оправдало Глинку. В решении Главного управления цензуры говорилось о том, что «г. цензор Глинка не мог воспретить напечатание вышеупомянутой статьи, как не заключающей в себе ничего противного общим правилам устава о цензуре»³.

Очевидно, преувеличивая результаты положительного для него решения спора вокруг «Московского телеграфа», С.Н. Глинка решил, что он заслуживает ещё и компенсации за понесённые им убытки во время тяжбы, и подал прошение председателю Цензурного комитета, кн. К.А. Ливену, об их возмещении в размере 400 рублей, но получил категорический отказ.

¹ В этом номере «Московского телеграфа» содержалась критика Н.А. Полевым «Вестника Европы» М.Т. Каченовского, однако эта критика была воспринята издателем как личное оскорбление.

² Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 5. С. 299.

³ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892. С. 236. В адрес цензурного комитета в ответ на жалобу М.Т. Каченовского С.Н. Глинка направил два объяснения: первое – полемического характера и второе – официальное.

В начале 1830 года, по распоряжению А.Х. Бенкендорфа¹, С.Н. Глинка был посажен на гауптвахту. Его обвинили в пропуске в «Московский вестник» (1830, № 1) статьи, высмеивающей высокопоставленного чиновника. Этому материалу было дано противоположительственное толкование².

Другой случай цензурного либерализма С.Н. Глинки – одобрение им в печать сатирического фельетона (в журнале «Московский вестник»), где нашли намёки на личность министра юстиции Д.И. Лобанова-Ростовского, и стихотворения Серафимы Тепловой (в альманахе «Денница»), содержание которого каким-то образом связали с именем К.Ф. Рылеева.

С.Н. Глинка был арестован и вторично посажен на гауптвахту «под Иваном Великим»³. Там его навещали сочувствующие посетители, и уже «через несколько дней сенатская гауптвахта представляла что-то в роде гулянья»⁴. Таким способом московское общество заявляло протест против тогдашних цензурных строгостей. Вскоре, однако, была признана неосновательность подозрений в преступном умысле содержания стихотворения С. Тепловой. С.Н. Глинка вышел на свободу и снова занял место цензора, хотя этот случай с «Денницей» не был забыт его начальством.

Нам удалось найти два письма, разъясняющих обстоятельства ареста С.Н. Глинки. В обоих письмах (автором первого была жена С.Н. Глинки, второго – он сам) видна глубокая озабоченность тем, что Сергей Николаевич может

¹ Бенкендорф А.Х. (1781 (по др. данным 1783) - 1844), русский государственный деятель. Как глава политического надзора имел верховное наблюдение за литературой и литераторами. С 1828 по 1834 год был Главным начальником ЛИВЯ (см. список сокращений на с. 6).

² См.: Русский архив, 1904. № 3. С. 515-516.

³ Колоколыня «Иван Великий» - центр ансамбля Московского Кремля.

⁴ Полевой К.А. Записки. С. 243. По подсчётам исследователей, за три дня на гауптвахте пребывало около 300 посетителей (см.: Вацуро В.Э. Пушкинская пора: Сб. ст. СПб., 2000. С. 391).

лишиться работы и расположения властей.

Оправдывая своё прямое обращение к князю А.Н. Голицыну тем, что арестованному запрещалось давать какие-нибудь устные или письменные объяснения, Мария Васильевна Глинка умоляла Голицына спасти её мужа, «для которого теперешний его жребий лютее смерти, ибо он лишился доброго мнения Государя Императора»¹.

В своём письме С.Н. Глинка, объясняя А.Н. Голицыну обстоятельства пропуска им в печать «двух обвинённых статей» (фельетона и стихотворения), по сути обращается к императору: «Рвение моё к Престолу всегда было непоколебимо... я не столько обязан был императору Александру Первому, сколько императору Николаю Первому, благодетелю моего семейства... я желал бы умереть в то же мгновение, если б одобрил что-нибудь неблагоприятное с умыслом преднамеренным»².

По-видимому, адресантов волновала не только репутация писателя, которого могли заподозрить в неблагонадёжности, но и то, что его большая семья, жившая, в немалой степени, за государственный счёт, могла оказаться без средств к существованию.

Последней каплей, переполнившей терпение начальства, явился инцидент со статьёй «Утро в кабинете знатного барина» (по поводу оды А.С. Пушкина «К вельможе»), пропущенной С.Н. Глинкой в «Московский телеграф» (1830, № 10).

11 июля 1830 года попечитель Московского университета (учебного округа) князь С.М. Голицын докладывал министру К.А. Ливену, что эта статья «обратила на себя внимание читающей публики...»³. В ответ на сделанное замечание по поводу пропуска статьи С.Н. Глинка «ска-

¹ РГИА. ф. 468, оп. 39, д. 279, л. 29 об. См. док. № 17.3.

² РГИА. ф. 468, оп. 39, д. 279, л. 31, 31 об; 32. См. док. № 17.4.

³ РГИА. ф. 772, оп. 1, д. 244, л. 1. См. док. № 9.1.

зал, что объявления сего он не принимает, потом начал угрожать мне (С.М. Голицыну. – С.С.), что подаст на сие жалобу вашей светлости (К.А. Ливену. – С.С.) и Государю Императору... Такие странные действия г. Глинки убедили меня, наконец, что ему чужды не только правила, Уставом цензуры предписанные, но и всякого приличия и что жалобы на его строптивый характер совершенно оправданы»¹. Таким образом, С.М. Голицын просил «об избавлении от сего беспокойного человека». Главное управление цензуры, признав в Глинке «недостаток осторожности и живость характера», постановило сделать представление об его увольнении, которое последовало 30 июля².

Итак, по официальной версии увольнение последовало не столько по причине служебного несоответствия, сколько в силу «неуживчивого характера». По-видимому, можно согласиться с мнением исследователей истории цензуры, что С.Н. Глинка «был большим оригиналом и единственным в своём роде цензором. Его по праву можно назвать цензором без страха и упрёка»³. И отстранение его от должности, конечно же, менее всего связано с его «неуживчивостью», а скорее объясняется независимостью его убеждений.

А.С. Пушкин, по словам П.А. Вяземского, был обеспокоен судьбой С.Н. Глинки⁴. В начале сентября 1830 г. П.А. Вяземский писал Е.М. Хитрово: «Александр Пушкин заинтересован тем, чтобы Глинка не погиб окончательно из-за оплошности, в которой он обвинён»⁵.

¹ Там же, л. 1 об.

² См.: Там же, л. 3-4, 11, 12, 13, 14, 14 об. См. также док. №9.5.

³ Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. С. 151.

⁴ А.С. Пушкин собирался ходатайствовать за С.Н. Глинку (см.: Модзалевский Б.Л. А.С. Пушкин. Л., 1929. С. 399-410; Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 96-97).

⁵ Сергей Николаевич Глинка (1775-1847). Два письма о нём князя П.А. Вяземского. С. 85.

Князь П.А. Вяземский просил Е.М. Хитрово «постучаться у сердца генерала Бенкендорфа»¹. Однако, из этого ничего не вышло. П.А. Вяземский с сожалением писал, что погубили «доброе человека, бедного семьянина и писателя, которого вся жизнь была ознаменована честностью поступков и беспорочностью мнений, писателя, служившего пером своим верою и правдою правительству, особенно же в 1812 году, когда Г. был оракулом провинций и Шатобрианом Московского ополчения. Но, однако же, таковы горестные следствия отставки его. Он теперь решительно без хлеба»². П.А. Вяземский пытался помочь С.Н. Глинке через Д.Г. Бибикова: «Если ваше превосходительство нашли бы случай замолвить кому-нибудь о нем доброе слово, например, для исходатайствования ему пенсии в уважение прежних заслуг его, то истинно спасли бы несчастного от гибели»³.

Б.М. Федоров в брошюре «50-летие литературной жизни С.Н. Глинки» сообщает, что К.А. Ливен, «по собственному побуждению сердца» ходатайствовал о пенсии уволенному цензору⁴.

Однако изученные нами документы рисуют несколько иную картину. С.Н. Глинка сам обращался в разные инстанции, а также просил содействия у влиятельных лиц. Униженный тон его писем показывает, как тяжело на склоне лет оказаться без средств к существованию. «Осмеливаюсь просить, – пишет С.Н. Глинка К.А. Ливену, – какого-нибудь постоянного содержания мне и многочисленному моему семейству: ибо в любезном отечестве вовсе нет у меня никакой собственности»⁵. В том же 1830 году, представляя свой

¹ П.А. Вяземский – Е.М. Хитровой. 2 сент. 1830 // Там же. С. 84. Хитрово Е. М. (1783-1839), дочь полковника М.И. Кугузова.

² Там же. С. 88

³ Там же.

⁴ См.: Федоров Б.М. С. 18.

⁵ РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 244, л. 16, 16 об. См. док. № 9.

послужной список для решения вопроса о назначении пенсии, С.Н. Глинка с отчаянием говорит: «Если в то мгновение, когда, излагая сию записку, прекратилось бы тревожащее моё существование, то, Богом живым свидетельствуюсь!, что жена моя и дети мои пойдут по миру, по улицам той Москвы, где в роковой её час я первый стал к защите её под хоругви ополчения»¹. В течение ряда лет (1827-1841) С.Н. Глинка вёл переписку с А.Н. Голицыным, который не раз обращался к императору, в Министерства Просвещения, Финансов, оказывая содействие семье писателя в устройстве его детей в различные учебные заведения на условиях государственного обеспечения².

В архивном деле «Кабинета Его Императорского Величества» нами была обнаружена докладная записка императору от 21 августа 1827 года, в которой речь шла о помещении сыновей и двух дочерей майора С. Глинки в воспитательные учебные заведения и о ежегодном пособии в 1000 рублей на содержание старшей дочери Марии³.

Эту же дату начала выплаты ежегодного пособия в размере 1000 рублей подтверждает и другой выявленный нами документ, датированный 1842 годом⁴. С.Н. Глинка находится в списке лиц (18 человек), «не имеющих никакого права на пособия от Правительства», но получающих негласным образом денежные выдачи «из единого

¹ См. док. № 11.

² См. док. № 17.

³ См.: РГИА, ф. 468, оп. 39, л. 279. В 1831 году Сергей, сын С.Н. Глинки, с соизволения императора был зачислен в Московский кадетский корпус, а в 1834 году переведён в Московский дворянский институт пенсионером Е.И.В. с ежегодным содержанием в размере 830 рублей. В марте 1836 года в одном из писем С.Н. Глинке А.Н. Голицын сообщал о том, что император «Всемилюстивейше соизволил на помещение сына Вашего Василия... в первую Гимназию при Императорском С. Петербургском университете, пенсионером Его Величества» (см.: Там же, л. 71).

⁴ См. док. № 14.

Монаршего Милосердия»: «Майору Глинке, по уважению к его стеснённым обстоятельствам, при многочисленном семействе, производится с 1827 года из суммы по Особым поручениям по 1000 рублей в год»¹. По дополнительному распоряжению 10 июня 1832 года выплату обеих сумм решено было «распространить по смерти Глинки на жену его и трёх дочерей, до смерти последней из них»².

Этот документ, по-видимому, выходит за рамки типичных свидетельств того времени. В нём идёт речь об Особой канцелярии, созданной при императоре Николае I, через которую тайно выплачивались постоянные денежные пособия самым разным по своему положению лицам, причём в ряде случаев дополнительно к другим выплатам. Перед нами нестандартная попытка официальной власти помочь некоторым представителям высшего света «сохранить лицо», поддержать их более или менее достойное существование. Адресная помощь относилась не только к представителям привилегированных сословий, имевшим или не имевшим каких-либо заслуг перед отечеством, помощь оказывалась «из христианских побуждений», в память о заслугах перед престолом.

Итак, с 1827 года С.Н. Глинка получал из сумм по Особым поручениям, находящихся у князя А.Н. Голицына

¹ РГИА, ф. 472, оп. 33, д. 148, л. 12 об. См. док. № 14. С.Н. Глинка по просьбе А.Н. Голицына регулярно сообщал ему о получении пособия (см.: РГИА, ф. 468, оп. 39, д. 279, л. 82).

² РГИА, ф. 472, оп. 33, д. 148, л. 12 об. См. док. № 14. Это распоряжение было подтверждено и в другом документе (См.: «Справка из журнала Кабинета Е.И.В.». 6 февраля 1848. РГИА, ф. 468, оп. 39, д. 279, л. 127 об). В сентябре 1877 года третья дочь С.Н. Глинки – Софья обращалась с прошением на имя Г. Министра Императорского Двора о продолжении выплаты пособия ей, поскольку матери и сестёр к тому времени не было в живых (см.: Там же, л. 159-166).

по 1000 рублей на домашнее воспитание детей. По-видимому, с 1836 года, как об этом позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении документы, С.Н. Глинка дополнительно получал 2000 рублей ежегодно из Главного казначейства по особому Высочайшему Указу¹. В записке «О пособии Глинке, «докладованной в Санкт-Петербурге 24 апреля 1841 года», расшифровывается эта часть пособия: «Майору Глинке производится ... ежегодно – 1000 руб., и виде пенсии за службу в звании цензора, 2000 руб., всего по 3000 руб. ассигнациями»². Сегодня трудно судить о том, было ли этих выплат достаточно для содержания большой семьи Сергея Николаевича.

По-видимому, недостаточно, т.к. в этот период он не оставлял попыток устроиться на какую-нибудь постоянную работу или найти литературный заработок. Упоминания об этом встречаются, в частности, в письмах Сергея Николаевича к князю А.Н. Голицыну, соответственно в 1834 и в 1837 году³.

¹ А.Н. Голицын -- императору Николаю I. март 1836. Там же, л. 68.

² Там же, л. 107. В делах Комитета общества помощи нуждающимся литераторам и учёным (фонд № 438) за 1860-1868 гг., хранящихся в отделе рукописей. среди материалов о выдаче пособий имеются документы по оказанию материальной помощи вдове, детям и внукам С.Н. Глинки (см.: Рукописи С.Н. Глинки. Каталог. Л., 1963. С. 6).

³ «К облегчению воспитания моих детей и за скорым выходом в отставку нынешнего г. директора Смоленской гимназии, просился я на его место, отказываясь даже и от жалованья. Попечитель Московского университета не соблаговолил на моё прошение», а также: «Просился я. как Вам известно, в Киевский университет, дабы, не утруждая Царя-Отца. воспитывать моих детей. Горестный отказ!» (там же, л. [49]. 83 об.: см. док. № 17.4).

Глава пятая

От русской истории к истории других народов. История Армении

Тема патриотизма – центральная в творчестве Сергея Николаевича Глинки. Патриотизм предполагает интерес к собственной истории. Вспомним известные слова А.С. Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости»¹ и добавлял, что гордиться «славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. Греки в самом своём унижении помнили славное происхождение своё и тем самым уже были достойны своего освобождения»².

Истинный патриотизм, раздвигая национальные границы, совпадает с гуманизмом. Патриотизм – это любовь, «обращённая» не только на место, общность, этнос и т.д., а в высшем своём проявлении – на всё человечество. В патриотизме С.Н. Глинки, как нам представляется, присутствует «истинный национализм»³, которому не чужд интерес к другим народам, поскольку позволяет понять их своеобразие. Ибо *«создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом лоне своего народа»*⁴. Патриотическая и гуманистическая направленность лите-

¹ Пушкин А.С. О русской словесности // Собр. соч. Т. 6. С. 254.

² Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания // Там же. Т. 5. С. 291. Упоминание об исторической судьбе греков справедливо и по отношению армян, испытывавших гнёт в Османской империи.

³ Термин русского философа И.А. Ильина.

⁴ Цит. по: Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию. М., 1994. С. 61 (курсив наш. – С.С.).

ратурного творчества С.Н. Глинки была, на наш взгляд, тем основанием, опираясь на которое он писал свои работы по истории России, истории национально-освободительного движения в Греции, работы по истории армянского народа.

Сам факт обращения его к истории греческого, армянского и других народов характеризует широту и гуманистическую направленность его взглядов. Верный избранному литературному стилю – изображению всего героического: возвышенных мыслей и действий во имя Родины, Свободы и Самобытности, – С.Н. Глинка в прошлом и настоящем этих стран находил созвучные своему мироощущению идеи и события.

Отметим некоторые произведения указанной тематики.

В 1828 г. он издает: «Мысли королевы Христины о Турках; воззвание к Государям Христианским по случаю вооружения Турок против Венеции и стихи Вольтера на войну Россиян с Турками, и ода его на войну в Греции», а также «Поэму о нынешних происшествиях, или Воззвание к народам о единоплеменном восстании против турок». В «Поэме...», этом небольшом по объёму поэтическом произведении, народы, находящиеся под гнётом Порты Оттоманской, призываются на борьбу за свободу и независимость. Экземпляры поэмы С.Н. Глинки были конфискованы по политическим соображениям. В документе Главного управления цензуры говорилось, что «едва ли может дозволен быть выпуск в свет сочинения, в котором все народы призываются к уничтожению существования Турецкой империи, вопреки требованиям политики, чтобы было сохранено равновесие народов»¹.

¹ РГИА. ф. 777, оп. 1, д. 780, л. 4 об., 7. См. док. № 6. Весь тираж издатель А.И. Семен передал в Цензурный комитет, а Глинке прислал счёт на 155 руб. за напечатанные 400 экз. тиража, на что было истрачено четыре стопы белой бумаги. Издателю была выплачена компенсация за понесённые убытки.

В 1829 году С.Н. Глинка издаёт книгу «Картина историческая и политическая Новой Греции». Свой труд автор посвятил президенту Греции графу Ивану Антоновичу Каподистрия, деятельность которого С.Н. Глинка сравнивает с государственной деятельностью Б. Франклина и Дж. Вашингтона, отдавая, однако, предпочтение первому. В этом труде рассказывается о борьбе греческого народа за свою независимость в 1821-1829 годах, раскрываются дипломатические манёвры европейских держав вокруг греческого вопроса. Даже, несмотря на описательность изображения исторических событий, эта книга представляется ценной: она привлекала внимание широких кругов российского общества к судьбе многострадального греческого народа, изображала его героическую борьбу за своё освобождение. «Греция воскресает! – писал С.Н. Глинка. – И в Греции, успокоившейся под прекрасным небосклоном от всковых оков, снова возгремят Гомеры и Пиндары»¹.

Глинка не раз повторял, что «начало воспитания моего слилось с очаровательными воспоминаниями о древней Греции. А потому и новые события Греции шли рядом с моими мечтами»². Книга была издана в то время, когда преследовалось всякое живое слово, тем более всякие рассуждения о борьбе за свободу и независимость. Это сочинение, безусловно, относится к разряду прогрессивной публицистики первой трети XIX века³.

¹ Глинка С.Н. Картина историческая и политическая Порты Оттоманской. Предуведомление (без указания страниц). Пиндар (VI-V в. до н.э.), древнегреческий поэт.

² Записки. С. 429.

³ Президент Греции гр. Каподистрия, получив экземпляр книги С.Н. Глинки, ответил ему благодарственным письмом и собирался сообщать о дальнейших событиях в своей стране (подробнее см.: Федоров Б.М. С. 17-18).

* * *

В начале 30-х годов С.Н. Глинка обращается к истории Армении и своими трудами знакомит читающую публику с народом, имеющим давнюю историю отношений с Россией. Речь идёт о сочинениях С.Н. Глинки: «Две повести», «Описание переселения», «Обозрение истории». Кроме того, он участвовал в подготовке издания трёхтомного «Собрания актов», которое являлось приложением к книге «Обозрение истории».

В 1831 году появилось первое произведение С.Н. Глинки армянской тематики – «Две повести». Это небольшое поэтическое произведение имело важное значение для выработки подходов автора к освещению армянской истории в целом. Оно и было «промежуточным результатом» в изучении литературы и документов из истории Армении и помогло ему освоиться в материале. В ходе написания этого произведения происходило формирование художественного образа древней Армении. Так рождалась историческая концепция автора.

Для творческого метода С.Н. Глинки, видимо, было важно сначала в поэтической форме уловить, почувствовать дух исторического времени, атмосферу эпохи, чтобы затем представить свои мысли и чувства по этому поводу в виде историко-литературной прозы¹. Основная идея произведения близка творческому кредо писателя: воспевание героики освободительной борьбы, вера в торжество мира и добра над силами зла и войны. Эту чрезвычайную приподнятость тона изложения он сохранит и реализует в дальнейшем при работе над главным своим трудом – «Обозрении истории».

¹ К.Н. Григорьян писал по этому поводу, что стихотворные «опыты С.Н. Глинки важны как первые попытки поэтической разработки армянской исторической темы в русской литературе» (Григорьян К.Н. Армения в русской литературе и живописи XVIII-1-й половине XIX. Ер., 1962. С. 38).

Одна из повестей – «Гайк, первый победитель завоевателя» – является обработкой легенды о Гайке и Бэлусе. Это рассказ о борьбе прародителя армян за независимость. В поэме Глинка с увлечением рассказывает библейскую историю, согласно которой Армения является второй прародиной человечества.

Тема борьбы за свободу была продолжена и в поэме «Ардоат, или Адоад, спаситель Армении и Отечества», которая повествует о счастливой жизни Ардоата, вынужденного взяться за оружие для защиты любимой родины¹.

В 1831 году в типографии Лазаревского института восточных языков была издана книга «Описание переселения»². Она была откликом автора на массовую репатриацию армян из Ирана после заключения Туркманчайского мирного договора (1828).

События переселения армян он излагает с присущим ему пафосом и любовью к армянскому народу. Автор ярко отображает те проявления искренней радости, с которой армянский народ встречал русских воинов-освободителей. «Не станем говорить, – пишет С.Н. Глинка, – что Армяне и себя и всё своё обрели к содействию в успехах Русского оружия»³.

Образно характеризуя переселение армян «не переселением одной личности людей, но переселением души и сердца»⁴, автор в то же время отмечает, что это мероприятие полностью соответствовало политическим и экономическим интересам России в Закавказье. Польза переселения

¹ Востоковед Ю. Веселовский посвятил этим поэмам статью «Две русские поэмы из армянской истории» (Армянский вестник. 1916. № 46. С. 3-5).

² Обзор содержания книги см.: Саядов С.М. Сергей Глинка и история армянского народа. С. LX-LXXII.

³ Глинка С.Н. Описание переселения армян. Ростов н/Д, 2003. С. 21 (курсив. – С.Н.Г.).

⁴ Там же. С. 49 (курсив -- С.Н.Г.).

очевидна, пишет он, тем более, что «умножение водворённого Христианского соплеменного народа может поставить на рубеже России надёжный оплот к отражению неприятных действий сопредельных жителей оной, особенно Турок, Персиян и Горцев»¹.

Интерес представляют те страницы книги, которые рассказывают о традиционных добрососедских отношениях русских и армян: «Итак, давно уже образ Армении был в России, – писал С.Н. Глинка, – а Россия из недр своих простирала к ней длань дружественную... Великий Преобразователь Пётр... узнав непоколебимую преданность армянского народа, в ознаменование признательности, дал ему Высочайшие грамоты, права и преимущества за воинские его подвиги и за важные заслуги»².

Несмотря на известное приукрашивание описываемых событий, С.Н. Глинка сумел верно изобразить главное: общее настроение, неудержимое стремление, которое вело массы армянских репатриантов, надеявшихся под защитой России сохранить свою национальную и религиозную самобытность³.

Пристальное внимания автора к древней истории Армении, стремление осмыслить особенности её культуры, даёт возможность автору следующим образом говорить о свободолобии армянского народа: «Любя *родную*, или свободу отечественную, Армяне и у могущественных Калифов

¹ Там же. С. 93.

² Там же. С. 18, 16.

³ Литературный критик А.А. Бестужев-Марлинский в письме к Н.А. и К.А. Полевым от 14 декабря 1832 говорил о бюрократической несостоятельности царского правительства в отношении переселенцев: «Сулили золотые горы – и они покинули цветущий край, богатые деревни Урмийской долины: пришли и не нашли зерна, хлеба, крова для головы, сучка для хранения жизни. Ничего не было приготовлено» («Р.в.», 1861, март, с. 335). Он критиковал книгу С.Н. Глинки за то, что переселение армян описано в радужных тонах.

выговаривали право не быть никогда рабами их И в наше время, т.е. 1828, переселяясь из прелестной Азербиджской Персидской страны в новоустановленную область Армянскую, Армяне-переселенцы говорили: «Мы лучше хотим есть траву Русскую, нежели хлеб Персидский»¹.

Необходимо подчеркнуть, что во введении к книге, посвящённой современным автору событиям, приводилось: «Краткое историческое обозрение Царства Армянского» (с. 3-9), которое, по-видимому, можно рассматривать как первоначальный сжатый план последующего двухтомного «Обозрения истории».

Книга С.Н. Глинки «Описания переселения» через посредство министра народного просвещения кн. К.А. Ливена была представлена в апреле 1832 года Николаю I². Она вызвала интерес и за рубежом: была издана в Париже на французском языке в 1833 году, затем в Лейпциге на немецком – в 1834 году, а в 1836 году в Утрехте увидел свет её голландский перевод.

В период написания «Двух повестей» С.Н. Глинка уже работал над двухтомной историей Армении. Он сам говорит об этом в «предуведомлении» к книге: «Если история и не сопровождается строгими учёными исследованиями, то, по крайней мере, должна предлагать непрерывное повествование о событиях и удовлетворять любопытство читателей. Повторяю ещё, что и в этом отношении у нас нет ни одной Армянской истории. Занимаясь теперь *обозрением истории*

¹ Две повести. С. 15. Мысль о независимости духа армянского народа будет развита в «Обозрении истории»: «Нравственная независимость народа, то есть независимость душевная, может существовать и под игом власти насильственной» (Обозрение истории. Ч. I. С. 77: 34-35; Ч. II. С. 239; 261).

² См.: Собрание актов. Ч. II. М. 1838. С. 218-219.

Армянской, я предлагаю из оной «Две повести» в стихах»¹.

// Отмечая, что «у нас нет ни одной армянской истории», С.Н. Глинка имел в виду, по-видимому, историю Армении, написанную русским автором. В период присоединения Восточной Армении, образования Армянской области, у Лазаревых возник замысел представить российской общественности историю армянского народа в изображении русского писателя. Лазаревы, не сомневаясь в будущем русско-армянских отношений в составе единого Российского государства, хотели, насколько возможно, способствовать интеграции культур, исторических традиций и ценностей двух народов.

Глинка как писатель, сочетавший в своём мировоззрении патриотические взгляды с чувством искреннего уважения к другим народам, вполне подходил для осуществления такой работы. За основу исторических построений автор взял свой излюбленный метод – «экзальтацию героики», благо её в армянской истории он нашёл в избытке. Задача истории Глинки в этом контексте заключалась в том, чтобы представить читателям в доступном и популярном виде историю армянского народа, найти и проследить развитие исторических тенденций, общих для русского и армянского народов, развить и взаимно увязать эти национальные истории, показать в ретроспективе развитие русско-армянских отношений.

История Армении есть история борьбы за национальную независимость. Эта тема красной нитью проходит через всё «Обозрение истории» С.Н. Глинки. Он воспринимал историю Армении как одну из ярких страниц истории древнего мира, с которой он познакомился и полюбил ещё во время обучения в кадетском корпусе.

Особенность истории Армении, полагает С.Н. Глинка,

¹ Две повести. С. VII (курсив – С.Н.Г).

проявляется в традициях этого народа, которому всегда были свойственны терпение, сплочённость, жизнелюбие и дух созидания. Он подчёркивает, что военные таланты служили армянам не для завоевания других земель и порабощения народов, а для противодействия внешнему насилию, защиты национальной независимости и отечества. Армяне – это мирный, свободолюбивый народ, уважающий свободу других народов. «Созидание общественное, перешедшее к Армянам от времён Патриархальных, есть коренное свойство Армянского народа»¹. Из недр вековых «общин Армянских возник дух промышленности и торговли. Сими двумя средствами Армяне на мирном поприще учинились ближайшими посредниками между Азией и Европой»².

В «Обзрении истории» С.Н. Глинка исследует не столько национальные особенности армянского народа, а прежде всего то, что есть общего в истории армянского народа и в истории человечества. Эта мысль рефреном пронизывает всё произведение от начала и до конца.

В «Обзрении истории», так же, как и в книге «Описание переселения», но подробнее и полнее, автор рассматривает историю русско-армянских отношений со времён Киевской Руси до образования Армянской области в составе Российской империи. В развитии и укреплении этих отношений Глинка видит залог будущего успеха и процветания армянского народа.

«Обозрение истории» состояло из Введения; «Обозрения Географии Армянской», включающей перечень областей, округов, городов, крепостей, храмов, гор, рек, кратких исторических сведений о Великой Армении (6 в. до н.э. – 4 в. н.э.) и Малой Армении (от возникновения союза

¹ Обозрение истории. С. VII.

² Там же. Ч. II. С. 226.

племён во главе с хаями до XIV в.)¹; части I (14 книг) об истории Армении до III в. н.э.²; части II (11 книг), охватывающей период средних веков, нового времени вплоть до 1828 г. – образования области Армянской в составе Российской империи. Во второй части имеется Заключение, относящееся ко всей работе³. В приложении была дана хронологическая таблица армянских царей.

В тексте произведения можно встретить отступления от хронологии, некоторые повторы и отвлечения от основной темы. Глинка использовал повторения как особый приём выделения наиболее важных, с его точки зрения, мыслей, связанных, например, с характерными особенностями армянской истории: «Повторим и здесь! что Армения прибегала к оружию или для отражения насилия или для защиты родного края»⁴. «Повторим и здесь ещё то же, что мы несколько раз повторяли: дух древнего патриархального правления, дух *общин* освежал и поддерживал жизнь Армении»⁵.

Систематическое выделение наиболее важных, с точки зрения автора, идей было проявлением публицистического таланта писателя, который стремился соотносить исторические и современные события. Так, например, рассказывая о переселении персидских армян 1828 года, он писал: «Повторим, что при сем вдохновенном порыве, *Армяне-переселенцы* желали под новым небосклоном дохнуть и ожить родною

¹ Введение, Заключение, «Обозрение Географии Армянской» имеют характер общего предисловия, предшествующего I и II частям «Обозрения истории».

² Книга 1-я и 2-я (ч. I) по своему содержанию имеют характер введения к «Обозрению истории». Книга 4-я и 7-я (ч. I) рассказывают о событиях, которые были поэтически изложены в «Двух повестях».

³ Книга 11-я (ч. II) освещает события, частично изложенные в «Описании переселения».

⁴ Обозрение истории. Ч. II. С. 180.

⁵ Там же. Ч. II. С. 178 (курсив – С.Н.Г.).

свободой предков. Вызывая в восторге своём из отдалённых веков прошедшее...»¹.

Вот ещё характерный пример использования повтора: «Я сказал и ещё повторяю, не опасаясь упрека в повторении: я сказал, что возрождение области Армянской, может непосредственно содействовать распространению и укоренению в пределах Азии образования Европейского»².

Как будто предваряя возможные упреки, автор следующим образом разъяснял свой приём: «Обозревая историю народов или отдельно какого-нибудь народа, неизбежно увлечёшься повторениями, отыскивая новые свидетельства или подкрепляя прежние новыми доводами»³.

На протяжении всей книги прослеживалось несколько основных тем: об особенностях армянской истории, о вкладе армянского народа в развитие мировой культуры и др., которые автор рассматривает как в общефилософском, так и в конкретно-историческом ракурсах.

Арменоведческие работы С.Н. Глинки по стилю и языку не отличались от других его произведений на историческую тематику. Они не были научными трактатами в современном понимании, а скорее литературными произведениями. «Обозрение истории» -- это собрание очерков по разным темам и хронологическим периодам исторического бытия армянского народа. В нём содержатся как сведения, взятые из армянского фольклора, или, как говорит С.Н. Глинка, из армянских летописей, так и из трудов историков, географов, богословов древнего мира, средневековья и

¹ Там же. Ч. II. С. 259 (курсив. – С.Н.Г.).

² Там же. Ч. I. С. 51. С.Н. Глинка приводит сведения о том, «что Армения была знаменитейшею Академиею в пределах Азии более тысячи лет, то есть от 440 года после Р.Х. до 1453 года, когда пал Константинополь и подавил учение не только в Греции, но и в Армении» (там же. Ч. II. С. 205. 272-273).

³ Обозрение истории. Ч. II. С. 215.

нового времени, сопровождаемые авторскими замечаниями, размышлениями о судьбах народов, их царей и полководцев. Эта книга, как почти всё, что писал С.Н. Глинка, адресовалось широкому кругу читателей. Не случайно, он с удовольствием пересказывает прекрасные легенды: об Армении – второй колыбели рода человеческого, о Гайке и Белусе, об Ара Прекрасном и Шамирам и др., которые формируют собирательный образ армянского народа.

Конструируя собственную концепцию исторического повествования, С.Н. Глинка стремился выделять «нравственное содержание» событий, давать им оценку с точки зрения общественных интересов: «благ и польз человечества». Как писатель, он, видимо, считал возможным вольно обходиться с историческими фактами, оправдывая это тем, что в основе повествования заложены этические ценности.

Большая часть книги посвящена древней истории Армении. Этот период был наиболее полно представлен в материалах, на которые опирался С.Н. Глинка. Он писал, что история Армении переплетается с историей почти всех народов древнего мира¹, в её летописях сохранились свидетельства о древней истории многих народов, поэтому без этих источников невозможно изучение истории Азии. Акцент на древней истории, видимо, был связан со стремлением автора подчеркнуть слитность истории армянского народа с историями многих народов древности: ассирийцами, парфянами, мидянами, персами, греками, римлянами, византийцами и др. Автор стремится показать глубокие корни и самобытность культуры этого народа: «Тот народ не исключён из народов самостоятельных, который, не отклоняясь от цели, предназначенной человечеству,

¹ См.: Там же. Ч. I. С. III, 4-5, 37-38, 53. «Армяне, живя почти по городам всей Азии и непрерывно приводя торговлю от рубежей Китая до Константинополя, способнее всех сблизать и соединять народы» (там же. Ч. II. С. 223).

увекочил себя жизнью Истории. Сия черта самобытного нравственного существования принадлежит Армянам»¹.

Необходимо сказать, что такого рода возвышенное представление автора о древней армянской истории вызывало неоднозначную реакцию у критики².

В двенадцатой книге первой части «Обозрения истории» рассматриваются вопросы культурного, религиозного развития, а также армянская мифология. Объясняя, почему он такое большое место в своём сочинении уделяет мифологии, С.Н. Глинка писал: «Армения обильна своими преданиями... Правдоподобны ли такие предания или нет, но не содействуя ни в каком отношении к общему ходу человечества, оне не составляют никаких промежутков в истинной истории бытия народов...»³.

Мифология для Глинки была связана не только с древней историей, она являлась частью его метода повествования: «1828 года, марта 21, воскресло имя древней Армении в прежних Персидских Ханствах, *Ериванском* и *Нахичеванском*; оно воскресло в названии: *Области Армянской*, означенной преданиями, переносящими мысль ко второму возрождению рода человеческого»⁴.

¹ Там же. Ч. I. С. 3.

² Древность армянской истории вызывала не только интерес и восхищение. В отзывах современников на «Обозрение истории», например, встречались сомнения в подлинности источников, на которые опирался автор, и откровенное неприятие произведения. Подробнее об этом в главе 6 настоящего издания.

³ Обозрение истории. Ч. I. С. 7-9. Древний (легендарный) период истории любого народа неотделим от его эпической памяти, от национальной мифологии. Убрать мифологию из истории – значит лишить её сущности. «История не есть объективная эмпирическая данность, история есть миф. ... Миф есть в народной памяти сохранившийся рассказ о происшествии, совершившемся в прошлом... Мифология... есть первоначальная история человечества» (Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 18).

⁴ Обозрение истории. Ч. I. С. 21 (курсив – С.Н.Г.).

В книге постоянно обсуждается тема войны и мира, тема защиты Отечества. Автор показывает, что Армения на протяжении многих веков являлась ареной соперничества соседних держав. По-видимому, С.Н. Глинка внутренне противился написанию истории завоеваний, истории победителей и побеждённых, истории злодеяний и страданий людей. Нередко прерывая ход повествования, он предлагал, например, такой комментарий: «К чему повторять и возобновлять сии гробовые подробности? Оживляйте историю, указывая пути народного благоденствия»¹.

Он не уставал повторять, что «победа, доставляемая оружием, есть торжество скоротечное, если она не упрочится внутренним благосостоянием Отечества»²; и что сила «оружия громит крепость стен, но не одолевает могущества мысли человеческой»³. Автор полагал, что «война не есть естественное состояние человека. Она есть исчадие властолюбия и укоренилась от того, что люди в слепоте туманных мечтаний, часто губителей своих ставят выше людей. Мы увидим, что и Ассирияне, оглашавшие Азию оружием своим, пали от тлетворного духа роскоши и неги, который... отнял у них всё: ибо сила их состояла в силе оружия, а не в душах. Напротив того, мы увидим, что Армяне, временные их данники, выйдут из-под ига с самобытною своею нравственностью. Выйдут от того, что дух миролюбия, созидающий общезжития человеческие, был отличительным их свойством»⁴.

Может быть, не совсем убедительно, а порой и наивно звучат сегодня такие комментарии и мысли автора (войны между народами происходят не только и не столько по причинам, лежащим в области человеческой нравственности;

¹ Там же. С. 262.

² Там же. Ч. II. С. 61.

³ Там же. Ч. II. С. 163.

⁴ Там же. Ч. I. С. 78.

или же его типология государственных правителей: властолюбцы тираны и патриоты – друзья человечества).

Изучив «Историю» М. Хоренаци, С.Н. Глинка ратует за полный перевод её на русский язык: именно эта работа познакомила его с армянской историей и культурой. Теперь писатель смог увидеть Армению, её историю в образном, целостном виде: «История Армянская предлагает ту нравственность, которую *Тацит* называет душою летописей и лица, увенчавшегося любовью к человечеству и устройением общего блага»¹.

В истории для С.Н. Глинки «важнее всего наблюдение того, что составляет благо людей; на каком основании оно созидалось; или что разрушало это здание и подвергало его злосудию? Касательно Армян, достопамятнее то, что когда в продолжении средних веков густая мгла облекала умы жителей Европейских; когда смешались и исказились все понятия общественные, Армяне не переставали обогащаться новыми понятиями и передавали их потомству»².

Рассматривая историю как череду царских династий, С.Н. Глинка полагал, что величие монарха в первую очередь зависит от того, насколько полно он посвящает себя общественному благу, благу народа и Отечества, как долго сохраняет мирное течение жизни в своём государстве³. Причём нередко, по свидетельству С.Глинки, достойного правителя сменял недостойный, а на смену периоду процветания и мира приходил период войн и разрушений.

С.Н. Глинка прежде всего писатель, публицист, а затем историк: он исследовал имеющиеся у него источники

¹ Две повести. С. VI-VII (курсив – С.Н.Г.).

² Обзорные истории. Ч. I. С. 8-9.

³ В центре внимания автора – сменяющие друг друга династии правителей Армении, что вполне соответствовало традициям дворянской историографии.

как материал для конструирования собственной исторической концепции. Опираясь на тезис Гизо о том, что история «с великими своими событиями есть суд Божий над человечеством. Война есть выражение сего суда, а сражения суть звучные его приговоры»¹, он обращается к читателю с риторическими вопросами, которые, кажется, выходят за границы исторического исследования: «Хотите ли расторгнуть историческую цепь злодейств? Хотите ли осветить ужас вчерашнего бытия народов? Не смешивайте злодеяния с добродетелями; не соединяйте извергов и мучителей человеческих с друзьями и благодетелями человечества. Возразят, что таким образом разорвётся связь летосчислительная: пусть разорвётся; лишь бы добро отмежевалось от зла. А сделав сию размежёвку, передавайте потомству события человечества на двух скрижалях: одну, озарённую благом людей; другую, омрачённую злосключениями, нанесёнными человечеству»².

Глинка высоко отзывается об армянском народе, особенно выделяет его исторически сложившуюся негибамость духа, благодаря которой удалось сохранить свою самобытность, язык, веру. Это обстоятельство и является главной гарантией его дальнейшего развития. Будущее Армении виделось Глинке как «возрождение области Армянской в Российской империи», что и нашло своё отражение в заглавии книги.

Важным считаем отметить крайний субъективизм в исторических воззрениях автора. Его оценки тех или иных событий армянской истории весьма категоричны и тенденциозны. Однако в чём нельзя упрекнуть Глинку, так это – в отсутствии авторской позиции и равнодушии. Он писал книгу при-

¹ Обзорение истории. Ч. II. С. 201; также см. об этом: Ч. II. С. 93. 132. 166.

² Там же. Ч. II. С. 267-268.

страстно, с симпатией к истории армянского народа. «В корне ошибочно мнение, – писал русский философ Л.П. Карсавин, – будто историк не оценивает фактов и будто он может их не оценивать. Можно ли что-нибудь познавать без «любви» к познаваемому? Познание всегда есть любовь, а любовь... всегда – предпочтение, выбор и оценка»¹.

С.Н. Глинка вместе с другими сотрудниками Лазаревского института восточных языков принимал деятельное участие в составлении трёхтомного Собрания актов².

Первый том этого уникального свода документов содержал извлечения из законов Российской империи, относящихся к истории армянского народа, опись императорских грамот, указов, рескриптов с 1626 по 1809 годы о привилегиях, дарованных армянам и др.

Второй том включал краткий обзор истории Армянского царства, сведения о первоначальных сношениях армянского народа с Россией, материалы по истории русско-иранской и русско-турецкой войн, истории переселений армян, в том числе извлечения из книги С.Н. Глинки о переселении армян в Россию в 1828 году³.

В третьем томе были представлены разнообразные сведения относительно, например, авторов, писавших об Армении. Рассказывается об армянских учебных заведениях в России, Армении и других странах, о литературе, касающейся истории армянского народа и др.

¹ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 236.

² См. об этом: Геннади Г. Справочный словарь о русских писателях и учёных. С. 222; Григорьян К.Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений. С. 175.

³ Материалы из книги «Описание переселения» см.: Собрание актов. Ч. II. С. 185-203.

В заключение краткого обзора работ С.Н. Глинки приведём его слова из введения «Обозрения истории», которые можно считать девизом его жизни: «На туманном западе жизни моей сочиняю я Историю Армянского народа. Но ни лета, ни горести долговременные не погасили во мне любви к человечеству, возникшей в душе моей с первыми движениями отроческого сердца моего. Человечество! тебе посвящаю мой труд, может быть, последний»¹.

¹ Обозрение истории. Ч. I. С. IX.

Глава шестая

Работа над историей армянского народа

Ранее нами высказывалось предположение о существовании творческих (и деловых) связей Глинки с известными деятелями той эпохи – И.Е. и Х.Е. Лазаревыми¹. В ходе архивных разысканий нам удалось обнаружить документы, свидетельствующие о приглашении Глинки к работе над трудом, задуманным и осуществлённым под руководством Лазаревых². Выявленные документы раскрывают характер и формы совместной работы Глинки и Лазаревых над сочинениями по истории армянского народа. Они имеют, на наш взгляд, большое значение и нуждаются в дальнейшем осмыслении.

Документы свидетельствуют о том, что С.Н. Глинке регулярно предоставлялись книги, рукописи, и др. источники по истории Армении и русско-армянских отношений, собранные из крупнейших европейских библиотек и архивов. Нами была выявлена переписка Х.Е. Лазарева с Сергеем Глинкой по различным аспектам редакционной работы. Она отражает работу над вопросами структуры книг и отдельных глав, комментарии к многочисленным источникам. В переписке представлен процесс поиска и выбора нужных формулировок и акцентов.

Культурно-просветительская роль Лазаревых в популяризации сведений об армянском народе в России широко известна. И, несмотря на то, что этот вопрос не

¹ См.: Саядов С.М. Сергей Глинка и история армянского народа

² См. часть II таблица «Перечень архивных документов, упоминаемых в публикации».

обойдён вниманием исследователей, он, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем изучении¹.

Изданию книг по истории Армении С.Н. Глинки предшествовали и другие подобные проекты издания книг из истории и духовной жизни армянского народа, осуществлённые при участии и содействии Лазаревых². Так, в 1799 году увидела свет книга Иосифа Аргутинского-Долгорукова «Исповедание христианской веры армянской церкви»³, при непосредственном участии Лазаревых была издана книга Якова и Давида Арзановых⁴, долго и плодотворно работал с Лазаревыми Александр Худобашев⁵.

Идея Х.Е. и И.Е. Лазаревых о необходимости создания работы по истории Армении могла быть инициирована про-

¹ Большой вклад в изучение выдающейся роли Лазаревых в истории русско-армянских отношений вносит культурно-просветительское общество «Арагат». Им организованы и проведены всероссийские научные конференции «Лазаревские чтения», по итогам которых издаются сборники материалов.

² В типографии ЛИВЯ были изданы: в 1827 г. «Грамматика книжно-армянского языка», в 1829 – «Музы Арагатские (Собрание сочинений в стихах и прозе воспитанников Института)», в 1831 – «Учебник Христианского вероучения, по началам Апостольско-Григорианской церкви» и др.

³ Известно, что по просьбе Лазаревых М.М. Сперанский редактировал текст книги: «Исповедание Христианской веры Армянской церкви» (СПб., 1799). См.: Письма графа М.М. Сперанского к Х.И. Лазареву. СПб., 1864. С. 1-2; Луковская Д.И., Гречишкин С.С., Морозов В.И. Михаил Михайлович Сперанский (материалы к научной биографии) / <http://hronos.km.ru/libris/speran01.html>.

⁴ В предисловии к своей книге авторы высоко отзывались о советах «истинного нашего благодетеля основателя Московского Армянского учебного заведения Иоакима Лазаревича Лазарева... написать историю Армении» (Арзановы Я. и Д. Опыт написания истории Армянской. М., 1997. С. 17).

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА), ф. 1252, оп. 1, д. 4121, л. 9. См. док. № 29.

цессом присоединения Восточной Армении к России, накануне и в ходе которого обсуждались вопросы о форме государственного устройства, роли церкви, исторических традициях армянского народа и др.

По-видимому, во время работы над проектом управления Армянской областью и возникает у Х.Е. Лазарева идея воссоздания целостной картины древности армянской истории, религии, государственности¹. Эта идея могла быть реализована в исследовании, призванном предоставить российской общественности более широкую и основательную, чем раньше, информацию о прошлом и настоящем армянского народа, его культурном наследии, исторических корнях армяно-русских отношений, а также показать роль рода Лазаревых в укреплении этих отношений.

Некоторые вопросы истории армянского народа в связи с историей России разрабатывались А.И. Лызловым, М.М. Щербатовым, В.Н. Татищевым, М.Д. Чулковым, Н.М. Карамзиным и другими². К рассматриваемому периоду уже были изданы книги армянских авторов – Е. Хубова, Ш. Джрпета, И. Аргутинского, Д. и Я. Арзановых и др. Однако в условиях, когда Восточная Армения в 1828 году вошла в состав России, необходим был новый взгляд на историю: Лазаревы, видимо, полагали, что

¹ В Армянской области требовалось наладить такое управление, которое было бы способно «наилучше воспользоваться духом Армянского народа». Об этом указывал Х.Е. Лазарев в своей «Записке о мерах по водворению гражданского и церковного порядка в Армении», которую он в 1828 году направил императору Николаю I. Рассматриваемые произведения по истории Армении своей структурой и характером изложения в определённом смысле продолжают и помогают аргументировать идеи Х.Е. Лазарева о необходимости возрождения «некогда самостоятельной древней Армении» к пользе империи. См. док. № 18.

² Подробнее см.: Хачатурян Р.Г. Русская историческая мысль и Армения

Армению, её народ, культуру, современную и древнюю историю следовало представить российской общественности в более полном виде и довести повествование до «возрождения области Армянской в Российской империи». Особенно привлекательным представлялось им, показать эту историю глазами русского писателя.

Для претворения в жизнь замысла Лазаревых нужен был автор, способный на основе многочисленных источников в хорошем литературном стиле изложить материал для массового читателя. Выбор пал на С.Н. Глинку – известного публициста, писателя и общественного деятеля.

В настоящее время трудно восстановить достоверную картину знакомства С.Н. Глинки с Х.Е. и И.Е. Лазаревыми. Их сближение могло произойти при посредстве М.М. Сперанского¹, который был знаком с С.Н. Глинкой и имел с ним переписку². Оно могло возникнуть и в связи с изданием книги «Под высочайшим покровительством состоящий московский армянский Лазаревых институт восточных языков» (М., 1830). Известно, что эту книгу 7 марта 1830 года Глинка, работавший в то время в Московском цензурном комитете, разрешил к публикации

Переживая вместе со всем русским обществом события Отечественной войны 1812 года, наблюдая за бурными процессами общественно-политической жизни своего

¹ Сперанский М. М. (1772-1839) – выдающийся государственный деятель России. Х.Е. Лазарев был его близким другом, одним из немногих, кто поддерживал его в период ссылки. Сперанский, со своей стороны, старался оказывать Лазаревым разного рода услуги. Так, например, через его посредство Лазаревы обращались к графу Аракчеву с просьбой взять под своё покровительство ЛИВЯ.

² «Зикля Сперанского, когда он ещё не был графом» – так начинал свой рассказ о нем С.Н. Глинка в своих мемуарах (см.: Записки. С. 304; 305-307). См. также: Письмо С.Н. Глинки -- М.М. Сперанскому 28 дек. 1834 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее: ОР РНБ). ф. 731 (Сперанский М.М.). № 2048, л. 1-2.

времени, Лазаревы, вероятнее всего, могли обратить внимание на патриотическую деятельность Сергея Глинки, который ко времени начала сотрудничества имел определённую читательскую аудиторию и был хорошо известен в высших кругах тогдашнего общества.

Как мы уже отмечали, национально-патриотическая позиция С.Глинки уживалась в его мировоззрении с неким подобием космополитизма (без политической составляющей этого термина). «Гражданина мира», романтика С.Н. Глинку всю жизнь увлекали героические страницы из истории не только русского, но и других народов. Такого рода широкое понимание патриотизма у предполагаемого автора вполне могло устроить Лазаревых, поскольку снижало вероятность дальнейших недоразумений с государственной цензурой и властью, гарантировало известную «независимость» в литературных дискуссиях и, наконец, защищало от упреков в «проармянских» настроениях.

Стеснённость Глинки в материальных средствах, постоянный поиск им стабильного литературного заработка также способствовали установлению творческих, деловых, а в дальнейшем и дружеских отношений с Лазаревыми и в особенности с Христофором Екимовичем¹. На страницах работ С.Н. Глинки неизменно упоминались представители фамилии Лазаревых, освещалась их деятельность на поприще истории и просвещения России и Армении.

Знакомство с архивными документами, которые предлагаются вниманию читателя во второй части данной книги, дают возможность представить общую картину работы над армянской историей.

Далее приводится краткий обзор содержания архивных документов, раскрывающих некоторые обстоя-

¹ См. док. № 20.1, 20.2, 21. ..

тельства работы С.Н.Глинки над историей Армении.

Материалы свидетельствуют, что под непосредственным руководством Лазаревых одновременно подготавливалось к изданию «Обозрение истории», как оригинальное авторское сочинение С.Н. Глинки, и собрание документов по истории Армении, дополняющее его. Кроме С.Н. Глинки в этой работе принимали участие: И.Ф. Краузе¹, Н.И. Архангельский², А.М. Худобашев и др.

Некоторые из предоставленных Лазаревыми материалов по древней и новой истории Армении использовались С.Н. Глинкой для написания «Обозрения истории», одновременно с этим материалы обрабатывались и распределялись по тематическим группам в отделы «Собрания актов». Нами обнаружен документ, раскрывающий структуру и внутреннее единство этого комплексного труда: «Заглавие может быть книги г. Глинки 1 и 2-й части: «Обозрение Истории древнего Армянского царства, от начала существования народа Армянского до возрождения области Армянской в России». 3-й и 4-й части: «Собрание актов, относящихся к Обозрению Истории Армянского народа». Другая особенная впрямь церковная книга; заглавие может быть: «Историческое, догматическое и таинственное изложение исповедания Христианския веры Православныя католическия Восточныя Армянския церкви»³.

Как мы видим, первоначальный план в дальнейшем

¹ Краузе И.Ф. - профессор Казанского университета, инспектор и преподаватель французского и немецкого языков ЛИВЯ. Он принимал активное участие в обработке документов для «Собрания актов», особенно тех, которые являлись переводами с западноевропейских языков.

² О нём известно лишь, что Николай Иоаннов Архангельский был священником Петропавловской церкви (у Яузских ворот в Москве).

³ См. док. № 22.3. Священник Архангельский вместе с Х.Е. Лазаревым работали над книгой по истории армянской церкви (см.: РГАДА, ф. 1252, оп. 1, ч. 2, л. 4390, л. 101-102).

претерпел определённые изменения. Так, «Собрание Актов», в результате накопленного большого количества документов, вышло в трёх частях. Что касается издания книги «Исповедание веры», то никаких документов о дальнейшей судьбе этого издания обнаружить пока не удалось.

Один из первоначальных вариантов развёрнутого плана для «Обозрения истории» включал три основные взаимосвязанные группы вопросов: о древней истории Армении, об истории христианства, об истории армяно-русских отношений¹.

Вероятнее всего, документ был подготовлен Х.Е. Лазаревым. В тексте документа в общем виде намечается план комплексного освещения истории армянского народа в единстве духовного (христианского) и государственного (державного) начала. Такая концептуальная постановка вопросов предполагаемого исследования, на наш взгляд, могла принадлежать исключительно заказчику работы.

В качестве подготовительных материалов при написании С.Н. Глинкой «Обозрения истории», в частности, использовались следующие материалы: «Записка об Армянах, поселившихся в России»², «Географическое обозрение Армении»³, «Краткое историческое описание древнего армянского государства, составленное из разных летописей»⁴, переведённые с французского, статья «Об армянах»⁵ (об античном периоде их истории) и «Извлечения из путешествия

¹ См.: Примерный сокращённый план о новом предполагаемом сочинении, которое при составлении может быть удобнее и полезнее расположено. РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 532, л. 45 об.

² РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 4690, л. 3-12 об. Документ опубликован в кн.: «Собрание актов». Ч. II. С. 76-91.

³ РГИА, ф. 880, оп. 5, д. 345, л. 1-3.

⁴ Там же, л. 4-10 об. Документ (в двух копиях) содержится и в деле 997. Он опубликован в кн.: «Собрание актов». Ч. II. С. 3-14.

⁵ Там же, л. III-12. Документ опубликован в кн.: «Собрание актов». Ч. II. С. 38-40.

по южной России, предпринятого с 1820 по 1824 год Кавалером Гамба. Париж. 1826. Т. 2. С 157»¹ и др. Тот факт, что часть из этих исторических источников была в дальнейшем опубликована в «Собрании актов», имел большое значение для их дальнейшего более широкого исследования и изучения.

Реферативный материал «Краткое историческое описание древнего армянского государства» использовался С.Н. Глинкой при написании вводной части «Обозрения истории», касающейся исторической географии Армении в основном тексте работы, в приложении, где давалась хронологическая таблица армянских царей. На последнем листе рукописного варианта одной из копий документа можно разобрать пометы, по-видимому, Х.Е. Лазарева, адресованные И.Ф. Краузе: «В сей копии много ошибок – следует исправить – и тогда уже правильно печатать. С черновой копии поправить. Сию табель ещё проверить – переписать, когда время позволит <...> и напечатать в числе сведений об Армении и царях»².

Литература и документы, в том числе и из официальных источников, касающиеся истории Армении, истории армянской церкви, событий переселения армян, пересылались из Петербурга в Москву Х.Е. Лазаревым³. Подбор материалов и источников, предоставляемых Лазаревыми С.Н. Глинке, во многом предопределял позицию автора в освещении истории Армении. Здесь нет документов о жизни простого народа. Они в основном рассказывают о деятельности выдающихся исторических лиц. Вместе с тем сам факт организации Лазаревыми сбора документов и

¹ Там же. л. 12 об.-14. Этот материал опубликован в кн.: «Собрание актов». Ч. II. С. 49-52.

² РГИА, ф. 880, оп. 5, д. 997, л. 42.

³ См.: док. № 22.1. Статский советник Х.Е. Лазарев служил в это время в Коллегии иностранных дел, и имел широкий доступ к такого рода документам.

источников для их систематизации, археографической и научной обработки, имел важное историческое значение.

С.Н. Глинка хорошо ориентировался в предоставляемом ему материале. Он часто цитирует М. Хоренаци, Ш. Джерпета, В. Ваганова, Я. Шамирова и других авторов, полемизирует с ними, приводит свидетельства как древних и средневековых писателей, так и новые, малоизвестные в России сведения об армянах и армянской истории. В реестре книг и документов, предоставляемых Лазаревыми Глинке, значатся эти и целый ряд других источников на русском и французском языках¹.

Книга «Обозрение истории вобрала в себя большинство известных в то время источников (документов, книг, статей и т.д.) по теме. В «Записке на книги и на рукописи об Армении», свидетельствующей о методическом руководстве всей работой со стороны Лазаревых, отмечается: «Для составления новой Истории или нового общего обозрения Большой и Малой Армении и Царства оной со всеми нужными сведениями и обстоятельствами, основанными на доказательствах, при сем прилагаются материалы, состоящие из книг и из рукописей...»². Далее прилагается список рукописей и других материалов. Интересно, что в списке из 20 наименований представлены 6 книг на французском языке, переводы книг и документов с армянского языка, а также подборка документов, актов, грамот и т.п., относящихся к различным аспектам истории и культуры Армении.

В другом месте, в «реестре бумагам, доставляемым при сем Сергею Николаевичу Глинке» от 26 июля 1831 года, перечисляются бумаги и документы «об Армянском

¹ Поскольку С.П. Глинка не владел армянским языком, сочинения авторов и выписки из книг армянских писателей ему предоставлялись в переводах. Сочинения французских и других исследователей – в оригиналах.

² РГАДА. ф. 1252. оп. 1. д. 532, л. 2-3 об. См.: док. № 22.1.

народе и о вероисповедании оного разные выписки из книг исторических и других. В том числе из Карамзина, Иннокентия¹, Орлова², Полевого и пр.», об армянских поселениях в Кизляре, Дербенте и Нахичевани и др.³.

Как мы видим, С.Н. Глинка использовал разнообразные источники, сопоставлял свидетельства «внешних» и армянских историков, видимо, больше доверяя последним⁴. Например, сопоставляя данные из книги «Любопытные извлечения из древней истории Азии»⁵ с «Историей Армении» М. Хоренаци, он упрекает французских авторов в недооценке ими уровня развития гражданского общества в древней Армении, обеспечившее её независимое развитие в окружении более мощных держав⁶.

С.Н. Глинка постоянно работал с текстом М. Хоренаци, анализировал и сопоставлял его с другими источ-

¹ Иннокентий [Смирнов]. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века, в пользу духовного юношества. Отд. 1-2. СПб., 1817.

² Орлов Я.В. Памятник событий в церкви и отечестве, содержащий в себе: историю церковных праздников, жития святых, историческое изображение греко-российской церкви и духовенства, деяния всех российских государей, славные подвиги полководцев, жизнь знаменитых министров и ученых мужей, отличные дела людей всякого состояния и вообще отечественныя достопамятности каждого дни в году, случившиеся от времен Рурика до вступления в Париж с победоносным воинством государя императора Александра Перваго. Сочиненный всеобщей и церковной истории профессором, коллежским ассессором и кавалером Яковом Орловым. Ч. 1-5. СПб., 1816.

³ См.: РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 532, л. 13, 13 об. См.: док. № 22.2.

⁴ См.: Обзорение истории. Ч. II. С. 98-102. См. также: Ч. II. С. 54, 65, 159-160, 166-167, 171-173 и др.

⁵ Чирбет Шаган и Сен-Мартен. Любопытные извлечения из древней истории Азии, почерпнутые из восточных рукописей, хранящихся в парижской библиотеке, и из иных источников. Изданные в Париже, на французском языке, в 1806 году, а ныне переведенные Александром Худобашевым. СПб., 1816.

⁶ Обзорение истории. Ч. II. С. 101-107.

никами¹. Его обобщённая оценка этой книги в которой уделяется особое внимание её художественным достоинствам, вполне соответствует творческому методу Глинки. «Армянская История Моисея Хоренского, от начала существования Гайканского поколения до 428 года по Р.Х., по различным отношениям достойна внимания. Слог её благороден и плавен; повествование не сбивчиво. Лица, ею представляемые, как будто бы сами высказывают то, чем были, и то, что делали. Отважною рукою срывает он личину с сильного злодеяния и мужественно защищает гонимую добродетель»².

Документы фонда Абамелек-Лазаревых отражают процесс работы над «Обозрением» и «Собранием актов»³, в них рассказывается о редакторских рекомендациях, методических инструкциях, приемах сбора, систематизации и обработке материалов⁴. Они показывают объём, характер и приёмы работы авторского коллектива. Так, например, документ о чтении И. Давыдовым⁵ «Обозрения истории» (по просьбе Х.Е. Лазарева) свидетельствует о скрупулёзной работе с текстом, поиске наиболее точных формулировок, которые не могли бы каким-то образом задеть интересы конкретных лиц⁶. Среди разнообразных указаний авторам

¹ См.: Там же. Ч. I. С. 257-260; Ч. 2. С. 94-105, 203-205 и др.

² Там же. Ч. II. С. 94.

³ См.: док. № 19, № 22.

⁴ См.: РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 532, л. 2-3 об.; 4-5 об.; 21-21 об.; л. 26-27 об.; л. 32-32 об.; л. 46-47 об. См.: док. № 22.1.

⁵ Давыдов И.И. (1794-1863) – профессор русской словесности, почетный член Московского и Дерптского университетов. Работал деканом, инспектором институтов: Александрийского сиротского и Лазаревского восточных языков. Автор статьи «Обозрение Армянской словесности» («Московские ведомости», 1832. № 58). И. Давыдов редактировал «Обозрение истории» С. Глинки (см. док. № 19.1).

⁶ См.: РГАДА, 1252. оп. 1, д. 342, л. 23, 24, 36. О самой книге рецензент отзывался весьма положительно. Выбор рецензента ещё раз подтверждал

встречаются такие: «обеспечить благопристойное изложение», «исключить сильные возражения против тех или других книг», «обойтись без личностей и оскорблений», «чтобы потом не навлечь какихлибо неприличностей, возражений»¹.

Критический анализ, сопоставление, литературная обработка и т.д. различных материалов, источников, документов касательно истории Армении, частично вошедших или совсем не вошедших в «Обозрение истории»; был включён затем в «Собрание актов».

Приведём пример одного из редакторских методов, которому следовал Х.Е. Лазарев при компоновке документов в «Собрание актов»: «кои повторяются и пространны, - изложены будут в извлечении и в выписках помещены. Те же статьи, кои необходимее и кои кратки, и кои важные, поместятся в целом составе»². Давались конкретные инструкции о том, какие материалы в какие отделы «Собрания актов» «поместить и напечатать»³.

Документы свидетельствуют о непосредственном участии Х.Е. Лазарева в отборе и обработке материалов, предназначенных для «Собрания актов»: он отмечал карандашом, что «не нужно печатать», что сократить⁴. Можно говорить о том, что при сложившейся системе творческого сотрудничества участникам проекта давались конкретные инструкции и предоставлялись документы и другие материалы, каждому в соответствии с его задачей. Лазаревы требовали регулярных отчётов по выполнению

цели Лазаревых – подготовить книгу по истории Армении для массового русского читателя.

¹ РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 532, л. 26-27 об.

² Там же, л. 47 об.

³ Там же, л. 21-21 об.; 26-27 об.

⁴ Там же, л. 35, 37-37 об.; л. 46-47 об.

своих распоряжений, а также того, чтобы все печатавшиеся в их типографии книги пересылались им¹.

Особое внимание уделялось освещению истории христианства в Армении, обзору «исповедания, Символа и догматов Армянской веры».

Обнаруженные архивные документы рассказывают о процессе работы над изданием Армянской церковной истории². Этой работой занимался священник Н.И. Архангельский. Методические рекомендации, литературу, конспекты и переводы он получал непосредственно от Х.Е. Лазарева³.

В «Собрании актов» вопросам армянской веры был посвящён «Духовный отдел». Лазаревы собирались ходатайствовать об освобождении этого отдела от гражданской цензуры⁴.

В подготовительных материалах для «Собрания актов» можно также найти ряд сюжетов, посвящённых традициям русско-армянского военного сотрудничества, в которых говорится об участии армян в войнах России с Турцией, Ираном, горцами⁵.

Представление о разнообразной работе над армянской историей с января 1833 по сентябрь 1834 года давали Счётные кассовые книги Санкт-Петербургской Главной конторы. Обращение к ним помогает увидеть характер финансирования, статьи расходов, состав авторского кол-

¹ См.: РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 532, л. 26-27 об.

² См.: Там же, д. 4120, л. 1,6; РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 4121, л. 77. См.: док. № 28, № 29.

³ См.: Н.И. Архангельский - Х.Е. Лазареву. РГАДА, ф. 1252, оп. 1, ч. 2, л. 4390, л. 101-102. Эти же вопросы рассматриваются в док. Примерный сокращённый план о новом предполагаемом сочинении... // РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 532, л. 4 5 об.

⁴ См.: РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 532, л. 4 5 об.; л. 8-8 об.; л. 12: л. 32-32 об.

⁵ Там же, л. 28, 29, 29 об., 33-33 об.

лектива, а также то, что работа над «Обозрением истории», «Собранием актов», Армянской церковной историей велась одновременно¹.

По мере того как анализировался и отбирался материал, формировалась структура «Собрания актов». Если «Реестр бумагам, доставляемым при сем Сергею Николаевичу Глинке»² и идентичный ему документ³, датируемые июлем 1831 и январём 1832 года, представляют собой, по всей видимости, один из ранних, то «предуведомление к III части Собрания актов, относящихся до Армянского народа»⁴ – один из последних вариантов структуры «Собрания актов», в котором порядок расположения материалов почти совпадает с увидевшем свет изданием. (Исключение составляет IX Духовный отдел, который отсутствует в окончательной редакции, что, по всей видимости, связано с намерением издать его отдельной книгой). И, наконец, вариант структуры «Собрания актов» в документе «Опись отправляемым в С.Петербург отделам»⁵ ничем не отличается от трёхтомной публикации как в заглавиях, так и в количестве отделов.

Во всех вариантах структуры «Собрания актов» просматривается строгая последовательность в расположении материала: официальные документы, сведения, касающиеся истории Армении, русско-армянских отношений, культуры, литературы, просвещения армянского народа⁶.

¹ В этом многоплановом документе фиксировались все расходы конторы Лазаревых. В них содержались и сведения, касающиеся типографии института, оплаты Лазаревыми авторских гонораров и др. См.: док. № 28, № 29.

² РГАДА, ф. 1252. оп. 1. д. 532, л. 13-13 об. См.: док. № 22.2.

³ Там же. л. 16-17 об.

⁴ Там же. л. 52-53 об.

⁵ Там же. л. 41-43 об. 45.

⁶ Там же. л. 41-43 об.

Труды по армянской истории С.Н. Глинки были встречены его современниками по-разному.

После публикации «Двух повестей» С.Н. Глинки М.А. Максимович в майской книге журнала «Телескоп» за 1831 год напечатал положительный отзыв, в котором отметил важность изучения истории Армении¹.

Определённый интерес представляет рецензия, которая была опубликована в «Московском телеграфе». В ней (помимо неперенных упреков в адрес М.Т. Каченовского) автор статьи Н. Полевой, желает успехов С.Н. Глинке в его работе и пишет: «Если точно так поступали, говорили и пели Армяне в такие старые годы, как изображает С.Н.Г., - то честь им! Они перещегооляют многие народы древностию образования и гражданственности»².

Если представителями прогрессивной общественной мысли публикации, касающиеся истории армянского народа, воспринимались в целом позитивно, то в консервативных кругах русского общества они не всем пришлись по вкусу³.

Так, например, в журнале «Библиотека для чтения» в разделе «Критика» была помещена рецензия О.И. Сенковского⁴ на книгу «Обозрение истории армянского народа». Автор рецензии выражал сомнение по поводу достоверности и объективности сведений, содержащихся в литературе, которую использовал С.Н. Глинка. Рецензенту не удалось избежать и банальных обвинений в отношении истории армян и их исторических персонажей. Оценивая «Обозрение» не слишком высоко, он вместе с тем отмечал его наиболее интересные стороны: «Сведения, собранные автором в отношениях русского Правительства к Армянам со времен Петра Великого, и о действиях фамилий г.г. Лазаревых на

¹ См.: Телескоп. 1831. Ч. III. № 9. С.110-111. См. док. № 25.

² Московский телеграф. 1831. № 6. С. 243-244. См. док. № 26.

³ Об этом свидетельствуют документы: № 23. № 30.1.

⁴ Сенковский О.И. (1800-1858) – учёный арабист и тюрколог.

пользу своего народа, очень любопытны»¹. Если на страницах мягко говоря «не слишком доброжелательной» по своему содержанию рецензии нашлось несколько добрых слов о рассматриваемом произведении, то это свидетельствует, на наш взгляд, что упомянутые аспекты книги были актуальны и убедительны и в целом не отвергались. С.Н. Глинка спокойно отнёсся к такой критике. В письме Х.Е. Лазареву, он говорил: «Думаю, что Вы прочитали в Библиотеке для Чтения не разбор, а пустословие о нашей Армянской истории. <...> Со временем возражу»².

Несмотря на то, что С.Т. Аксаковым было дано в 1831 году цензурное разрешение на публикацию «Обозрения истории», Глинка был серьёзно встревожен мнением, которое создалось о его труде. Чтобы застраховать себя от возможных неприятностей, он обратился к Х.Е. Лазареву и через его посредство – к А.Х. Бенкендорфу с просьбой о вторичном цензурном рассмотрении своего труда³. «Причиной этому, – пишет С.Н. Глинка, – послужила распушенная молва: будто бы моя история Армянского народа наполнена каким-то буйственным либерализмом»⁴.

Определенные сложности возникли у издателей и при цензурировании «Собрания актов», т.к. многие из публикуемых им официальных документов отражали события, близкие по времени к моменту публикации и поэтому не желательные к обнародованию⁵.

¹ «Библиотека для чтения». 1834. Т. VII. № 11-12 С. 32-34. См. док. № 27.

² РГАДА, ф. 1252, оп. I, д. 736а л. 81-81 об. См.: док. № 30.1.

³ См.: док. № 20.1, № 23. Глинка сам повёз свой труд на цензуру – редкий в истории цензуры случай, когда автор по собственной инициативе потребовал вторичного рассмотрения своего труда, для того, чтобы опередить своих недоброжелателей и критиков.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). ф. 109, 1-я экспедиция, оп. 1832, д. 188. См.: док. № 23.1.

⁵ См.: док. № 23, № 24.1, № 24.4, № 24.5, № 31.

В целом же отзывы и характер критики работ С.Н. Глинки по истории Армении свидетельствовали о недостаточности в то время исторического знания предмета обсуждения. Поэтому сам факт появления работ Глинки по истории Армении имел важное культурно-просветительское и общественно-политическое значение.

Из всех своих произведений С.Н. Глинка выделял работы по армянской истории. В письме к Х.Е. Лазареву он писал 23 декабря 1832 года: «Я отжил на поприще чернильном. Но армянская моя история будет жить под небосклоном европейским... я почитаю её вещим произведением пера моего»¹.

Обращает на себя внимание ещё один документ – письмо С.Н. Глинки – И.Е. Лазареву от 1 мая 1833, в котором он, в частности, называет себя историком армянского народа².

С.Н. Глинка по существу открыл Армению для российской читающей публики того времени так же, как несколько ранее Н.М. Карамзин – Россию. Эти книги давали русскому читателю представление о сложной и трагичной истории армянского народа, рассказывали о его богатой и самобытной культуре. С.Н. Глинка восхищался талантом, свободолюбием и мужеством этого народа, широкой образованностью его историков прошлых времён. Его труды – это уважительное и честное рассмотрение истории армянского народа в связи с историей других народов, принадлежащих к общей семье Человечества. Русский писатель, через всю жизнь пронесший любовь к Отчеству, занявшись историей Армении, полюбил в ней «древнюю прародину человечества». Следующими словами он завершил книгу «Обозрение истории»: «На Западе жизни моей оканчиваю мой труд. Но если бы и в

¹ Цит. по: Арешян С.Г. Армянская печать и царская цензура. С. 397.

² См.: док. № 20.2.

сие мгновение прервалась нить моего бытия, то последнею моею мыслью была бы мысль: «да цветёт человечество союзом братства, любви и взаимного благоволения»¹.

Работы С.Н. Глинки по истории Армении были первыми трудами историко-литературного характера, вышедшими из-под пера русского писателя. Он один из первых в русской дореволюционной историографии дал высокую оценку и подчеркнул историческое значение вхождения Восточной Армении в состав России. В этих его работах, на наш взгляд, подводились определённые итоги изучению истории армянского народа в русской историографии к первой трети XIX века.

Нам представляется, что работы Глинки были тем рубежом, который завершил период первоначального накопления сведений по истории Армении в России. И если в предшествующий период основными «каналами проникновения в русскую среду» сведений об Армении были: немногочисленные статьи в периодической печати, свидетельства путешественников и военных и т.п., то с появлением исторических работ С.Н. Глинки и издания «Собрания актов» этот процесс приобрёл новый, качественно более высокий уровень.

/// Новый период русской историографии истории Армении характеризуется более дифференцированными по тематике исследованиями по армянской истории². С

¹ Обозрение истории. Ч. II. С. 273-274.

² После работ С.Н. Глинки появились следующие книги: Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель... СПб., 1834; Зубов П. Картина последней войны России с Персиею 1826-1828 (с присовокуплением Историко-статистического обзора завоеванных городов и воспоминаний о Эривани). СПб., 1834; Корф Ф. барон.

появлением работ С.Н. Глинки по истории Армении завершился этап разрозненных исследований. Ему удалось, продолжая то, что до него делали Татищев, Карамзин, Арзановы, создать первый обобщающий труд, в котором на основе документальных источников и различных публикаций армянская история освещалась с начала возникновения государственности до вхождения Восточной части Армении в состав России.

Проезд через Закавказский край // Библиотека для чтения, т. 29, отд. 1, 1834; Нефельсв Н. Взгляд на Армянскую область (из путевых заметок). СПб., 1839; Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху её присоединения к Российской империи. СПб., 1852; Абаза В.А. История Армении. [Репринт. воспр. изд. 1888]. Ер., 1990 и др.

Последние годы...

Непоколебимая вера в благую природу человека, широкая образованность, постоянное внимание к духовным процессам прошлого и настоящего – таковы отличительные черты мировоззрения С.Н.Глинки.

Несмотря на преклонный возраст, он продолжает много работать. Занятия литературным трудом были, пожалуй, единственным средством существования С.Н. Глинки, и он вынужденно впадал в «многописание». Он торопился откликаться посланиями, одами на все события, важные и менее важные, происходившие в Москве, стране, за рубежом. В 3040-е годы им издаются мемуары, литературно-публицистические очерки¹.

В Петербурге он продолжал пользоваться поддержкой А.С. Шишкова и В.А. Жуковского. По ходатайству первого С.Н. Глинка получил пособие от Академии наук на издание «Записок о Москве и о заграничных происшествиях». В.А. Жуковский, как воспитатель будущего императора Александра II, содействовал представлению этой книги ко двору. Он же помог С.Н. Глинке получить в январе 1841 года подписку от наследника престола на книгу «Очерки жизни и сочинений Сумарокова» (3 части) на 400 рублей. Одна часть «Очерков» была посвящена памяти Екатери-

¹ Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., тип. Рос. акад., 1836; Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года. С присовокуплением статей: 1) Александр Первый и Наполеон 2) Наполеон и Москва. СПб., тип. Рос. акад., 1837; Очерки жизни и избранные сочинения А.П. Сумарокова. Ч. 1-3. СПб., 1841; Русское чтение, издаваемое Сергеем Глинкою. Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия. Ч. 1-4. СПб. 1845.

ны Великой, другая – А.С. Шишкову. П.А. Плетнёв одобрительно отозвался об этом сочинении, подчеркнув его полезность для истории литературы¹.

В 1842 году С.Н. Глинка выпустил книгу «Русские в доблестях своих», которая удостоилась критики В.Г. Белинского: «Предмет и содержание этих книжек заслуживали бы, по своей важности, лучшей бумаги, лучшей типографии и лучшего изложения. Но по русской пословице: «Чем богат, тем и рад» г. Глинка «предъявил» (говоря его любимым словом) как мог и что мог российской публике в ее пользу и назидание»².

К концу жизни зрение его сильно ослабело, и он диктовал свои записки, письма, а в конце добавлял несколько слов собственноручно. В 1845 году «на прощание с жизнью», как он сам говорил, издал в двух частях «Русское чтение. Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия». Посылая их П.А. Плетневу, Глинка писал: «Вашей благородной душе и вашему живому перу при сем прилагаю две книжки. Весь вашего превосходительства С.Г., полуслепой»³. П.А. Плетнев поместил в «Современнике» 1845 г. сочувственный отзыв об этом издании, в котором его автор полностью разделял патриотические и гуманистические воззрения С.Н. Глинки⁴.

Другой отзыв на это произведение дал В.Г. Белинский. Он обратил внимание, что С. Глинка остался таким же, каким был в то время, когда начал издавать свой «Р.в.»⁵. Основной упрёк критика – в консерватизме писателя,

¹ См. док. № 13.2.

² Белинский В.Г. Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и отечеству. Соч. С. Глинки. СПб., 1842// Полн. собр. соч. Т. VI. С. 341.

³ См.: Грот К. С.Н. Глинка – П.А. Плетневу // Русский архив. 1905. № 1. С. 536.

⁴ См. док. № 13.3.

⁵ См. док. № 16.

который в своих художественных пристрастиях остался в прошлом.

В 1842 году С.Н. Глинка, между прочим, говорил о себе: «Я не из тех людей, которые берутся переучивать прошедшее. Я и в настоящем – брожу в тумане, ни во что не вмешиваясь»¹. Главным в его творчестве были – верность однажды избранным принципам, искренность, терпимость, патриотизм. Этого нельзя было не заметить: так, рецензируя вторую часть «Русского чтения», посвящённого веку Екатерины II, В.Г. Белинский писал: «Книгу г. Глинки трудно читать... Несмотря на то, в ней встречаются очень интересные вещи... С.Н. Глинка в восторге от своего времени: он им гордится, его любит, им живёт, воспоминанием о нём молодеет... Поблагодарим его и за то, что он теперь даёт нам»².

Воспитанный в литературных традициях XVIII века, С.Н. Глинка остался верен им до конца.

Современники отмечали легкое перо С.Н. Глинки: «его почти можно назвать импровизатором». По подсчётам Б.М. Федорова С.Н. Глинка издал вместе с «Русским вестником» около 150 томов своих сочинений³. Многие из его произведений забыты, вместе с тем представляют интерес его разнообразные записки, воспоминания, которые ещё при жизни появлялись в разных журналах⁴, а затем в наиболее

¹ С.Н. Глинка – А.В. Никитенко. 14 апреля 1842. С. 342.

² Белинский В.Г. Русское чтение, издаваемое Сергеем Глинкою. Ч. II. // Полн. собр. соч. Т. IX. С. 411, 415.

³ См.: Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1844. Т. 51. № 203. С. 321-322.

⁴ С.Н. Глинка был сотрудником журналов: «Вестник Европы» (в период редакторства Каченовского – 1809-10, 1811-13); «Друг просвещения» (1804-1806); «Северный вестник» (1804-1805); «Р.в.» (1841-1844); «Дамский журнал» П.И. Шаликова (1829-1832) (см.: Русская периодическая печать (1702-1894). С. 104, 111, 114, 299).

полном виде были изданы «Русской стариной» (СПб., 1895).

Некоторые оценки обобщённого характера, касающиеся роли С.Н. Глинки в общественной жизни России начала – первой половины XIX века, появились в печати в связи с 50-летием литературной жизни писателя. В них подчёркивалась основная направленность творчества писателя – пробуждение национального самосознания и любви к Отечеству:

Он добрый вестник русской славы,
Он охранял сердца и нравы!
Не свянет и его венок –
В лучах двенадцатого года,
При жизни русского народа¹.

Авторы юбилейного материала о С.Н. Глинке из «Журнала для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» полагали: «Слава его, как патриота, как благородного гражданина, переживёт, может быть, его литературную славу»².

В 1847 г. в статье, посвящённой памяти С.Н. Глинки, П.А. Вяземский, пожалуй, наиболее точно и выразительно охарактеризовал жизненный и творческий путь писателя. Этими словами и мы завершаем наш рассказ о нём: «С умом восприимчивым, с чувством пылким, с любовью ко всему человечеству, он никогда не был ни зрителем равнодушным, ни своекорыстным ленивым деятелем. Всю жизнь был он, в полном значении слова: человеком, гражданином, христианином. В духовном отношении этого довольно»³.

¹ См.: Федоров Б.М. С. 31, 29.

² Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки. С. 321.

³ Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка. С. 335-346.

Примечание к части II

Часть II

Документальные свидетельства

Предисловие к части II

Краткая характеристика и обзор некоторых архивных документов в тексте части I может в известном смысле рассматриваться как вводное слово к ним. Эти документы нуждаются в дальнейшем осмыслении и требуют специального исследования. Они весьма информативны и интересны для самостоятельного чтения.

Вторая часть книги включает архивные документы и старопечатные материалы. Большинство архивных документов публикуется впервые.

По содержанию документы разделены на две группы:

1. «Русский вестник», цензурство, переписка, рецензии» (№№ 1-17) – публикации и архивные документы о некоторых этапах жизни и творчества С.Н. Глинки. Это воспоминания, письма, документы Цензурного комитета, критика и отзывы на отдельные произведения писателя, в том числе армянской тематики, и др.

2. «С.Н. Глинка и история Армении» (№№ 18-31) – в этом разделе представлены архивные материалы о процессе работы над историей армянского народа. Приводятся свидетельства о предоставляемых Х.Е. Лазаревым Сергею Глинке книг и документов для написания истории Армении, а также редакционные замечания Лазаревых. Приводятся документы, в которых отражён процесс прохождения готовящихся к изданию текстов через цензуру и др.

Документы и материалы внутри разделов, как правило, представлены в хронологическом порядке.

Документы снабжены нашими примечаниями. Сохранены орфографические и стилистические особенности текста.

В библиографическом описании материалов и документов возможны сокращения. Полное название книг и архивных документов приводится в разделе «Библиография по теме ...» части III.

**Перечень архивных документов, упоминаемых
в настоящей публикации**

№ №	Архив	Фонд	Дело	Название архивного дела	Хронологические рамки архивного дела
1	2	3	4	5	6
1	РГАДА	1252 (Абамелек-Лазаревых)	оп. 1, д. 342	Письма разных лиц Х.Е. и И.Е. Лазаревым и ответы на них	01.-06.1830
2	РГАДА	1252 (Абамелек-Лазаревых)	оп. 1, д. 4121	Счетная (книга) Санкт-Петербургской Главной конторы	1833-1834
3	РГАДА	1252 (Абамелек - Лазаревых)	оп. 1, д. 736а	Письма разных лиц Христофору Екимовичу Лазареву	03.1834-02.1838
4	ГАРФ	109 (III отделения собственной Е.И.В. канцелярии). 1-я экспедиция	оп. 1832, д. 188	Об истории Армянского народа, сочиненной Сергеем Глинкой	1832-1837
5	РГИА	535	оп. 1, д. 27	Письма С.Н. Глинки императрице	06.02.1813.
6	РГИА	777	оп. 1, д. 780	Дело об отобрании у содержателя Московской типографии Семена всех экземпляров изданного стихотворения С.Н. Глинки «Поэма о нынешних происшествиях, или воззвание к нападкам против турок», и о компенсации издателю убытков в связи с конфискацией издания	18.11-26.11.1824
7	РГИА	772 (Главного управления цензуры)	оп. 1, д. 124	Дело по представлению Московского учебного округа о вознаграждении цензора Глинки за убытки, причиненные ему жалобой на него проф. Каченовского	8.04.1829 - 22.05.1829

1	2	3	4	5	6
8	РГИА	772 (Главного управления цензуры)	оп. 1, д. 597	Дело по представлению Московского Цензурного Комитета о книге «Обозрение Армянской истории»	16.10. 1833 – 14.03. 1834
9	РГИА	468	оп. 39, д. 279	Переписка С.Н. Глинки и А.Н. Голицына, документы «Кабинета Его Императорского Величества» о ежегодном пособии С.Н. Глинке и др.	1836- 1877
10	РГИА	772 (Главного управления цензуры)	оп.1, ч. 1, д. 975	Дело по представлению Московского Цензурного Комитета о книге «Собрание актов»	04- 07.1837
11	РГИА	777	оп. 1, д. 1458	Об исходатайствовании дозволения г. отставному майору Глинке продолжать издание «Р.в.»	05.1838- 09.1843
12	РГИА	472	оп. 33, д. 148	Бумаги по передаче дел, произволившихся в упразднённой Особой Канцелярии, бывшей при главноначальствующем Почтовым департаментом о постоянных денежных пособиях	1842
13	РГИА	880	оп. 5, д. 345.	Обозрение истории армянского народа (геогр. обзор. Армении; фрагменты, черновики)	[1830- 1833]
14	РГАЛИ	141	оп. 3, л. 35	Записка Сергея Глинки	18.09. 1830
15	РГАЛИ	1598	оп. 1, д. 6	Каховский М.И. – Глинке С.Н. (Письма Каховского М.И. разным лицам)	1814
16	ОР РНБ	247 (Державин Г. Р.) № 29		Письма С.Н. Глинки - Г.Р. Державину	1807
17	ОР РНБ	ф. 124 (Ваксель П.А.)	№ 1166	Письмо С.Н. Глинки – Ник. Иван. Гречу	06.06. 1833
18	ОР РНБ	731 (Сперанский М.М.)	№ 2048	Письма С.Н. Глинки - Ник. Иван. Гречу. Письма С.Н. Глинки – М.М. Сперанскому	06.06. 1833, 28.12. 1834

1. «Русский вестник», цензорство, переписка, рецензии

№ 1

Письма С. Н. Глики Г. Р. Державину
(периода службы Сергея Николаевича в
Смоленском ополчении)

ОР РНБ. Ф. 247 (Державин Г.Р.) № 29

1.

([л. 10-10 об.])

22 января 1807 г.

«Что в храм величья их и славы,
Предел вселенной целой дан:
Что их победы, их уставы,
Уставы счастья и любви...
Молчу! мой слабый стих ты громом
струн прерви!

О себе осмелось доложить, Вашему превосходительству, что я ещё нахожусь в ожидании чести быть в числе стражей Отечества! Сколько не торопился я из Петербурга, но не мог ускорить усердия смоленских дворян, стремившихся вступать во временное войско. Российский Пиндар знает, что для русских всего дороже слава российская и что сие чувство подвигнет их и всегда подвигало на жертвы невероятные для иноплеменных...

Исполнив желання моего сердца, покорствуя последним вашим словам, которые слышал от вас, прощаясь с вами: «Вложив меч в ножны, [врачуют поученьями беды ваши] и почтенного вашего сообщества».

С душевным почтением,
честь имею быть.

Вашего превосходительства,
истинный почитатель
Сергей Глинка.

P:S: Если сообразоволю хотя строчку, я уведомляю о себе: вот адрес мой: «(...) Через Смоленск в Духовщину, а оттуда в село Сутоки».

2.

(л. 11-12 об.)

Москва
21 марта 1807г.

«Новый мой Михаил окончен: не знаю, удастся ли мне представить его в Петербург. Я уже служу во временном ополчении; и может быть, буду оставлен в новом распоряжении сего войска. Да будет воля небес!... Смерть для Отечества сладка... и что значит жизнь в те дни, когда властолюбивые изверги, повергнув человечество в бездну неверия и разврата, мчат его по произволу своему по яростным волнам погибели и смерти?... Мне жаль только если пропадёт мой Михаил и если не успею устроить журнала для Отечественного воспитания, с которым я имел честь вам говорить. Для сего единственно просился я некоторое время в Москву.

Труднее расстаться сердцу с тем, что относится к нравам, Верс, следственно и к пользе отечества.

Какую пользу приобрели мы от мнимого нашего просвещения? Усугубило ли оно счастье наше? Приемля сие слово в смысле (...) умеренной, семейственной, в союзе родства, дружества, в знаменовании правоты и (...)... Умствователи осьмогонадесять [восемнадцатого] столетия, которые, подобно баснословным титанам, хотели низвергнуть алтарь Бога, веры; хотели истребить всё то, что соединяет с ними род человеческий, сами потеряли Правила и Нравы Русской Земли. Слава тем, которые воскресят Россию в России! то есть возобновят любовь, исключительную любовь к простым нравам, к вере и к Богу... Извините:

удовольствие (...) с вами может быть завладело даже мысль моя:
взываю к вашей благосклонности,

С глубочайшим почтением, честь имею быть
Вашего высокопревосходительства
покорный слуга
Сергей Глинка

P:S: При сем осмеливаюсь препроводить к вам:
«Пожарский и Мишин, или пожертвования Россиян». Имена сии
(...) в песнопениях ваших: сколь счастлив буду, если вы в стихах
моих услышите хотя слабый отголосок бессмертных звуков
вашей Лиры! Почту также за отличное благодеяние, если вы
удостоите дальнейшим покровительством моего Михаила: то
есть, если подадите мне совет, кому верить мне его в
Петербурге, в случае отправления моего в армию...
Оживотворивший Горация в русском наречии, благоволит ли
быть меценатом Михаила, князя Черниговского?...¹

В [рассуждении] театра, я желаю, чтобы половину сбора
из моего бенефиса внесли в число пожертвований по Смоленской
губернии, а другую препроводили б ко мне: ибо всё мое
имущество состоит в моих трудах».

3.

(л. 30-31 об.)

Село Сутоки: город Духовщина
8 мая 1807г.

«Милостивый Государь,
Гавриил Романович!

Внезапный мой отъезд из Москвы и потом непрерывные
почти мои странствия не позволяли отвечать мне на ваше
почтенное и лестное для меня письмо. Не знаю, скоро ли
Михаил увидит свет, хотя он давно уже кончен и давно горит
желанием: да озарится воззрением Вашим!... Чьё бытие

зависит, так сказать, от насущных его трудов, тот повинуется обстоятельствам, а не учреждает их. Творец Димитрия Донского не советует входить в «роптание рабов» – не входил и не войду...²

Примите душевное моё благодарение за молитву вашу: божественное изречение услышится божеством.

Бог благи, Любви,
Жесток не может быть!

Рафаэль и тот, чья гремящая лира произвела оду Бог: могут изображать свойство Бога, свойство Любви и Благи³.

Тогда по разрыве или, лучше сказать, по нарушении Амьенского трактата происходило во французском трибунате прение о войне, тогда один из трибунов воскликнул: «Ныне предпринятая война не только должна решить жребий двух народов, но и судьбу рода человеческого»⁴.

Так! Неисповедимые судьбы небес несомненно готовят сию славу Народу-Исполину:

Из разногласия согласье,
И из страстей свирепых счастье,
Росс только может созидать

С беспредельным почтением, честь
имею быть,
Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга,
Сергей Глинка».

Державин Гавриил Романович (1743-1816) – поэт, государственный деятель.

¹ В письме упоминаются произведения: «Пожарский и Мшин, или пожертвования Россиян. Поэма в стихах. Сочинение С. Глинки» (М., 1807), «Михаил, князь Черниговский. Трагедия в 5 действиях в стихах» (М., 1808).

² Речь идёт о трагедии русского драматурга Озерова В.А. (1769-1816) «Дмитрий Донской» (1807).

³ С.Н. Глинка имеет в виду известное стихотворение Г.Р. Державина «Бог» (1784), которое было переведено на многие языки мира.

⁴ Амьенский мирный договор 1802 г. между Францией и Англией, был временной передышкой в их борьбе за передел колоний и сфер влияния в Европе и мире.

№ 2

**Письма С.Н. Глинки графу А.А. Аракчееву
(по поводу обстоятельств издания и
подписки на журнал «Русский вестник»)**

*Дубровин Н. Письма главнейших
деятели в царствование императора
Александра I (1807-1829 гг.)*

1.

(С. 6)

Москва

30 марта 1808 г.

«Украсив именем вашим третью книжку «Русского вестника» в сочинении, сообщённом из Петербурга, долгом поставляю препроводить оную к вашему сиятельству. И сколь счастливым почитаю себя, что при сем случае могу изъявить благоговение к вашим деяниям, которые услаждают слух и сердце всех русских, истинно любящих своё Отечество. Они уверены, что царствие Александра I украсится в летописях мира добродетелями Романовых сих *взыскателей благочестия**. А дела участников в правительстве ознаменуются прямою, которою животворились Матвеевы, Головины, Долгорукие и прочие знаменитые сыны Отечества».

2.

(С. 7-8)

Москва

31 апреля 1808 г.

«Скромность есть подруга истинного достоинства. Так написал герой Италийский¹. Дела, слова и чувства ваши оправдывают сие изречение. Итак, не распространяясь о тех надеждах, которыми подвиги ваши услаждают сердца Россиян, осмелюсь только просить, чтоб вы, Ваше сиятельство, позволили украсить именем вашим список особ, удостоивших подпискою своею *«Русский вестник»**. Ободрение благородных и превосходных душ подкрепляет всех тех, которые во всяком звании и жребии, по мере способностей ума своего, стараются хотя мало быть полезными согражданам своим.

Вы пишете, что, запечатав письмо и книжку мою, вы препроводили оные в сельскую вашу библиотеку. Уклоняясь от многотрудных деяний под кров сельского уединения, сколь приятно будет для вас воспоминание о всех великих сынах России, которыми единственно животворится *«Русский вестник»** и которые подобно вам жертвовали всем Богу, Царю и Отечеству».

Аракчеев Алексей Андреевич (1769-1834 – государственный деятель, в 1808-1810 гг. военный министр, граф. Являлся «покровителем» ЛИВЯ с ноября 1824 по 1828 год.

* Курсив автора.

¹ Речь идет о А.В. Суворове.

№ 3

**Письма С.Н. Глинки историку А.И.
Михайловскому-Данилевскому (о
материалах для издания «Истории
Отечественной войны»)**

Из переписки А.И. Михайловского-Данилевского

1.

(С. 718)

Москва

23 июня 1813 г.

«По коренному обычаю русской простосердечной старины, отправляющимся в путь всегда посылают хлеб-соль. Вместо хлеба-соли примите чернильного моего ремесла 3-ю и 4-ю часть Театра Света. 1-ю и 2-ю прислать не замедлю; а потом и остальные. В замену сего вы доставьте мне свои «Записки», когда оные отпечатаете. А вам из любви к отечеству должно приступить к сему подвигу. Вы видели необычайные события нашего времени, вы участвовали в них, вы умеете оные предлагать.

Душевно вам преданный

С. Глинка»

2.

(С. 720)

Москва

29 июля 1814 г.

«Когда приятнейшее ваше письмо пришло в Москву, я находился в отлучке. Вот причина того, отчего так долго не имел удовольствия вам отвечать. Не стану уверять, как лестно для меня ваше и заочное знакомство. Братец мой Ф.Н. давно ознакомил меня с качествами души и сердца вашего. Заранее поздравляю

всех любителей отечества с тем, что вы, как очевидец, предпринимаете описывать подвиги бессмертного кн. Смоленского. Представьте русского героя во всей зрелости опытов и соображений воинских, приобретённых пятьюдесятью годами; покажется, что никакие буйные *Наполеоны** не победят мудрой осторожности и дальновидной предусмотрительности.

Всё то, что писано и напечатано о кн. Кутузове, вы найдёте в книжных петербургских лавках. Москва не доставит вам никаких прибавочных запасов. По желанию вашему препровождаю к вам указ Наполеона о пожаре Московском. Перевод мой, но я сличал с подлинником, в котором всё то же, что и в переводе.

Я осмелился в первой книжке «Р.в.» (1814) предложить слабые *воспоминания о кн. Кутузове-Смоленском**. Ручаюсь в том, что я от себя ничего не выдумал.

О братце Ф.Н., к сожалению, ничего не могу вам сказать. С марта месяца никакой вести от него не имею. Дай бог нам скорее его увидеть. А он с вами неразлучен – сердцем и душою.

Препоручая себя в продолжение вашего знакомства, с истинным почтением, честь имею быть и проч.»

Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790-1848) – генерал-лейтенант (с 1835), военный историк, автор ряда работ, в том числе: четырёхтомного «Описания Отечественной войны 1812 года» (2-е изд. СПб., 1840), его Полное собрание сочинений в 7 томах было опубликовано в СПб. в 1849-50.

* Курсив – С.Н. Глинки.

В октябре 1795 М.И. Кутузов, после смерти гр. Ангальта, был назначен Екатериной II Генерал-директором сухопутного кадетского корпуса, где читал лекции по истории и впервые ввёл преподавание тактики.

№ 4

Письма С.Н. Глинки императрице
Елизавете Алексеевне (о признательности
издателя за её внимание к журналу
«Русский вестник»)

РГИА, ф. 535, оп.1, д. 2

1.

(л. 1)

06.02.1813

Канцелярия Имп. Елизаветы Алексеевны¹

«Всемиловитейшая Государыня!

Небесное проведение, сохранившее Русское Отечество, даровало нам еще способы изъявлять усердие и ревность Венценосцам России. Первая книжка Русского Вестника украшена стихами на вожденный день Вашего рождения. Примите, Всемиловитейшая Государыня! сию слабую, но усердную жертву, примите ее с благосклонностью, свойственную Великой вашей душе.

Величайшим счастьем почту, если Вы, Всемиловитейшая Государыня! позволите, чтобы издание, возобновленное по изгнании лютого врага и посвященное Богу, Вере и Престолу, украсилось на сей (...) Вашим священным именем.

Вашего императорского Величества
с благоговением пребываю, верноподданный
Издатель Русского Вестника

С. Глинка»

2.

(л. 1, 1 об)

4 апр.1824 г.

Канцелярия Елизаветы Алексеевны

«Всемиловитейшая Государыня!

Благодетельное внимание Венценосцев к трудам, посвященным Престолу и добродетели, одушевляет отечественных писателей новою жизнью. Сколь буду счастлив, если Вы, Ваше Императорское Величество, по ангельской благосклонности Своей озарите Русский Вестник сим животворным вниманием! Первая книжка онаго украшена воспоминаниями о знаменитом Обществе, восприявшем бытие свое 1812-го года, под благотворительным Вашим покровом. Да процветает всегда сие Общество любви и милосердия! Сыны благословенной России приемлют все блага свои от благодетельных Монархов. Желать нерушимого благоденствия Государям, данным нам Провидением, есть первая отрада душ и сердец наших, живущих рвением и любовью к Престолу.

Вашего императорского Величества верноподданный
С. Глинка»²

4 апреля 1824 г. высоч. повелено (...) [изъявить] благоволение с пожертвованием перстня.

...

[Ответ на письмо С.Н. Глинки]

11 апреля 1824 г.

«Милостивый государь мой Сергей, Николаев сын!

Государыня Императрица Елизавета Алексеевна, удостоив всемиловитейшего принятия первых двух книжек издаваемого Вами Русского вестника высочайше повелеть мне соизволила препроводить вашему Высокобл[агородию]³ бриллиантовый перстень, пожалованный в знак высочайшего благоволения и внимания к трудам вашим.

[исполняя]

упомянутого подарка, имею честь быть с истинным почтением

М.Г. [м] (...)
Ваш покорный слуга»⁴

Елизавета Алексеевна, урожд. принцесса Луиза-Мария-Августа (1779-1826), императрица, жена Александра I.

¹ Названия дела нет. По-видимому, это из входящей корреспонденции к императрице.

² Перед тем как обратиться к императрице, С.Н. Глинка просил Н.М. Лонгинова (Лонгинов Н.М. (1780-1853) – действительный тайный советник, секретарь при Елизавете Алексеевне) представить ей «Р.в.».

³ Право на уважение распределялось по чинам. Это наиболее ярко проявилось в установленных формах обращения. Клицам VI– VIII классов (коллежский советник, надворный советник, коллежский асессор) обращались «ваше высокоблагородие» (майор – военный чин С.Н. Глинки относился к VIII классу), к лицам IX – XIV классов (титулярный советник, коллежский секретарь, корабельный секретарь, губернский секретарь, провинциальный секретарь, коллежский регистратор) – «ваше благородие» (в быту так можно было обратиться к любому дворянину, независимо от его чина) (Подробнее см.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. С. 29).

⁴ Письмо Н.М. Лонгинова С.Н. Глинке. В ответном письме Глинка благодарил его за «всемиловейшее внимание» к своим трудам.

№ 5

Из воспоминаний К.А. Полевого о
«Русском вестнике» и «Русской истории»
С.Н. Глинки

*Полевой К.А. Записки о жизни и сочинениях
Н.А. Полевого*

(С. 143)

Глинка!... незабвенный, благородный, неподражаемый Сергей Глинка!... Я много буду говорить о нем и надеюсь показать во всем блеске добра этого истинного христианина...

Но в описываемое мною время Глинка был просто *книгоделатель*¹, а не литератор². Он издавал какую-то тень «Русского вестника», не в срочное время какие-то тоненькие книжки, на которых было напечатано: «Русский вестник, № 1, 2, 3, 4», иногда и по шести номеров в одной брошюре. Он напечатал многословную компиляцию под заглавием «Русской истории», в нескольких томах, написанных им наскоро, напыщенно, как все, что писал он в это время. Вообще сочинения, издаваемые им, не внушали уважения.

¹ Курсив – Полевого К.А.

² Речь идёт о [1823-1824 годах]

№ 6

Из дела Главного цензурного комитета «Об отобрании у содержателя Московской типографии Семена всех экземпляров изданного стихотворения С.Н. Глинки “Поэма о нынешних происшествиях, или воззвание к нападкам против турок”¹, и о компенсации издателю убытков в связи с конфискацией издания»

РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 780.

(л. 4 об., 7)

18.11-26.11.1824

[...] Гл. Ценз. Комитет по рассмотрении вышеозначенного стихотворения² долгом почитает предъявить (...), что на основании вышеупомянутого Высочайшего повеления (в 1827 г.. объявленного Бенкендорфом) едва ли может дозволен быть выпуск в свет сочинения. в котором все народы призываются к уничтожению существования Турецкой империи, вопреки

требованиям Политики, чтобы было сохранено равновесие народов.

[...] Главное Управление Цензуры (...) нашло, что при настоящих обстоятельствах неприлично было бы выпустить в свет помянутое стихотворение, но как, впрочем, оно не заключает в себе ничего собственно противного Цензурным правилам и напечатано с дозволения Цензуры, то на основании § 152 Устава следует вознаградить автора за убытки на напечатание.

¹ Речь идёт о запрете публикации сочинения «Поэма о нынешних происшествиях, или воззвание к народам о единодушном восстании против турок. Сочинение Вольтера. Подражание Сергея Глинки. С ист. примеч. сочинителя и подражателя».

² На листе 4 данного дела приводится текст стихотворения Вольтера «по случаю войны с Турцией 1773».

№ 7

Письмо Н.М. Карамзина С.Н. Глинке (о ходатайстве историкографа перед министром народного просвещения А.С. Шишковым о награждении С.Н. Глинки за его «Русскую историю»)

Глинка С.Н. Записки

(С. 396-397)

«Сердечно благодарю вас за ласковое, обязательное письмо, но, ради Бога, не говорите о моих мнимых одолжениях! Я ещё не мог ничем услужить вам. Господин министр не решился доложить об вас вторично и сделает то со временем, как сказал мне вчера; думаю, что вернейшего успеха лучше подождать. Ему единственно обязаны вы первым благосклонным докладом, обо мне же можете только сказать по справедливости, что я не уступлю никому в искреннейшем вам доброжелательстве и в готовности доказать вам делом истину

чувств моих. Любите меня просто за любовь мою к вам; а будет, что Богу угодно. Не забуду напоминать господину министру, пока нам решительно не откажут.

Будьте выше зависти и клеветы, о которых вы упоминаете в письме вашем и которые в здешнем свете не оставляют в покое добрых людей. К счастью, есть Бог! Злым не всегда удаётся сделать зло.

Н. Карамзин
8-го марта 1825 года.

С.-Петербург».

№ 8

Дело по представлению г. Попечителя Московского учебного округа¹ «О вознаграждении цензора Глинки за убытки, причиненные ему жалобой на него проф. Каченовского»

РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 124.

(л. 2, 2 об.)

Прошение на имя предс[едателя]. Моск. Цenz. Комит. А.А. Писарева²

[...] Не только как явствует из формулярного моего списка, у меня нет никакой недвижимости, но у меня даже нет никаких запасных денег. Состояние мое все такое же, в каком виде имел счастье представить оное в прошении поданном на Высоч. имя в 1826 г. 15 сент. Там сказал я, и здесь повторяю: что если в то мгновение, когда пишу сие строки прекратилась бы моя жизнь, то детям моим осталась бы одна гробовая нищета.

Причины бедности моей суть следующие:

1) Отдача по словесному завещанию сестре моей всего родового имущества, не из того и движимости;

2) Своёкоштная служба 1806 и 1807 гг. по Смоленской милиции;

3) Возложение всего моего движимого имущества на алтарь Отечества в 1812 году, о чем было известно Правительству и о чем остались у меня свидетельства;

4) Совершенный почти упадок моих трудов.

Усмотрев из сих обстоятельств безнадежность существования моего семейства, не соизволит ли благодетельное начальство представить мне квартиру и отопление.

8 апр. 1829 – 22 мая 1829.

¹ Должность попечителя учебного округа – государственного чиновника, стоявшего во главе всех учебных заведений, расположенных на территории округа, была введена в 1803 г. согласно «Предварительным правилам народного просвещения». Поскольку все учебные заведения были подведомственны университету, то попечитель Московского университета являлся попечителем Московского учебного округа. Он управлял вверенными ему учебными заведениями с помощью окружных инспекторов и директоров народных училищ.

² Писарев А.А. (1780-1848), писатель, генерал-лейтенант, участник Бородинского сражения, «корпусный товарищ» С.Н. Глинки.

№ 9

Из дела «Об увольнении Отдельного цензора при Московском цензурном комитете Сергея Глинки от занимаемой должности». Прошения Глинки о предоставлении ему пенсии.

РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 244.

1.

(л. 1, 1 об., 2)

Отношение Попечителя Московского учебного округа

Милостивый Государь
князь Карл Андреевич!

В минувшем месяце по выходе [30] № Московского Телеграфа, издаваемого Полевым, помещенная в оной статья под названием: Утро в кабинете знатного барина, обратила на себя внимание читающей публики. Соблазнительная статья сия, по дерзким и явным намекам на известную особу по заслугам своим Государству, возбудила негодование всех благомыслящих людей, и как означенный журнал доселе рассматриваем был цензором Глинкою, который пропустил уже не одну подобную статью, то для воспрепятствования появления таковых безнравственных пьес, я поручил Г. Цензору Двигубскому, как старшему ко мне члену объявить Г. Глинке, что рассматривание Московского Телеграфа, издаваемого Полевым, поручаю я другому Цензору Г. Аксакову, взамен чего представить можно Г. Глинке цензуру какого-либо другого журнала, известному уже по строгому и благонамеренному выбору пьес.

В первое заседание Г. Двигубский, по приказанию моему объявить сие Г. Глинке, который тотчас же отозвался, что против такого распоряжения он намерен подать свое объяснение. Пожалев из снисхождения к Г. Глинке распоряжение сие сделать без огласки, я сам решился оное объявить ему, по[ч]ему в заседании 7 июля и подтвердил ему сказанное уже Г. Цензором – Двигубским, но к крайнему изумлению моему увидел, что Г. Глинка потеряв все должное уважение к месту и товарищам своим, с запальчивостью сказал, что объявления сего он не принимает, потом начал угрожать мне, что подаст на сие жалобу Вашей Светлости и Государю Императору, и, схватив шляпу, вышел из присутствия. Такие странные действия Г. Глинки убедили меня, наконец, что ему чужды не только правила Уставом Цензуры предписанные, но и всякого приличия, и, что жалобы товарищей его на строптивый характер совершенно оправдываются. Несоблюдения же Г. Глинкою постановлений Цензурного Устава доказываются прилагаемою при сем запискою о сделанных при замечаниях. Вследствие сего покорнейше прошу Вашу

Светлость употребить ходатайство Ваше об избавлении Московский Цензурный Комитет от сего беспокойного человека, приставив его Г. Глинку к увольнению от занимаемой должности Цензора. Если же причины его увольнения нужно будет представить Государю императору, то сие честь имею представить благоусмотрению вашей Светлости.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть.

Милостивый Государь

11 июля 1830

Вашей Светлости¹

Москва

Его Светлости К. Ливену

2.

(л. 5, 5об.)

Проект докладной записки об увольнении Цензора Глинки

Попечитель Московского учебного Округа Действ. Тайный Советник Кн. Голицын² представил, что Сторонний Цензор при Московском Цензурном Комитете Премьер-майор³ Глинка, по недостатку осторожности при цензуровании поступавших на его рассмотрение сочинений и по живости характера, увлекающей его иногда за пределы приличий оказывается неспособным к продолжению должности Цензора, почему Главное Управление Цензуры⁴ представило мне испросить Высочайшее Вашего Величества соизволение на увольнение Г. Глинки от занимаемого им звания, на основании § 67 Устава о Цензуре.

Вследствие сего всеподданнейше испрашиваю
Вашего Императорского Величества на сие соизволение.

Князь Карл Ливен

31 июля 1830

3.

(л. 6)

Отношение статс-секретаря Муравьева

Милостивый Государь
князь Карл Андреевич!

Имею часть препроводить при сем к Вашей Светлости рассмотренную Государем Императором в Александрии близ Петергофа 30-го сего июля всеподданнейшую докладную Вашу записку, об увольнении Цензора Глинки от занимаемого им звания, с означенною на ней карандашом собственноручно Его Величеством Высочайшею резолюциею «Согласен» и с приложением формулярного о службе его списка.

С (...) почтением имею честь быть Вашей Светлости покорнейший слуга

[Н.Н. Муравьев]⁵

СПб.

30 июля 1830

Его Светлости кн. К.А. Ливену

4.

(л. 8, 9, 10)

Формулярный список

Стороннего Цензора при Московском цензурном комитете
Премьер-майора и Кавалера Сергея Николаевича сына
Глинки⁶.

I - Чин, имя, фамилия, должность им отправляемая и сколько от роду лет?

II - Из какого звания происходит?

III - Есть ли за ним, за родителями его или когда женат, за женою недвижимое имение?

III₁ - У родителей и у самого у него

III_{1a} - Родовое

III_{1б} - Благоприобретенное

III₂ - У жены, буде женат

III_{2в} - Родовое

III_{2г} - Благоприобретенное

IV - Когда на службу вступил, и в оной какими чинами, в каких должностях и где происходил также не было ль каких отличных по службе деяний, и не было ли особенно кроме чинов. Чем награждаем и в какое время?

V - Годы

VI - Месяцы и числа

VII - В походах против неприятеля и в самих сражениях бывал или нет, и когда именно?

VIII - Не был ли в штрафах и под судом, и если бывал, то за что именно: когда и чем дело кончено?

IX - К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет, и зачем?

X - Не был ли в отпусках и если был, то когда именно и насколько времени и явился ли на срок к должности?

XI - Не был ли в отставке с награждением чина, или без оногo, и когда

XII - Женат ли, имеет детей, кого именно, каких лет и где они находятся?

I	III				IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
	I	II	III	IV									
	а	б	в	г									
Отставной майор Сергей Николав сын Глинка Цензор Москов- ского цензурного комитета Кавалер Ордена Св. Владимира 4-й степени ⁷ ; имеет [Мили- ционную] золотую медаль за 1808 год; от роду 52 года	И з г т	н е т	н е т	н е т	Воспитывался в Сухопутном Шляхетском Кадетском Корпусе	1782	[июнь] 4	Не был	Не был	Аггесто ван способ- ным и достой- ным		Был с 1800 ок- тября 30 с наг- раж- де- нием чина Майо ра по 1806 де- кабря 4-го	Женат ⁹ , детей имено сыновей <u>Владимира 16</u> , который находится в Артиллерийско м училище, состоящем под ведением Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловнча ¹⁰ , <u>Сергея 10</u> , <u>Василия 8</u> , <u>Павла 5</u> , <u>Федора</u> <u>3 лет</u> . Дочерей: <u>Марию 17</u> , <u>Анну 13</u> – находится пенсонеркою в воспитательном обществе благородных и <u>Софью 7</u> .
					Из онаго Корпуса по окончании курса выпущен в Зе[х]енберга полк Поручиком	1795	января 1						
					Штабс Капитаном из онаго по прошению уволен Майором	1799	Сентя- бря 3						
					Поступил в Смоленское Земское войско Бригад- майором ⁸	1800	Октя- бря 30						
					Пожалован золотую медалью	1806	–						
					Пожалован Орденом Св. Владимира 4 степ. За любовь к Отечеству, доказанную сочинениями и деяниями как изъяснено в Рескрипте в базе почившего Гос. Имп. Ал. I	1808	Май 14						
					Определен Цензором Московского цензурного комитета	1812	Июля 18						
					При новом образовании Московского цензурного комитета утвержден Сторонним Цензором	1827	Ок- тябрь						
						1828	Но- ября 16						

Правитель дел Главного Управления цензуры
[Косповский]

5.

(л. 12)

Господину Попечителю Московского учебного округа

Вследствие представления Вашего Сиятельства по Всеподданнейшему докладу моему, Его Императорское Величество, в 30 день июля сего года высочайше соизволил на увольнение Старшего Цензора при Московском цензурном комитете майора Глинки от сего звания. О сей высочайшей воле имею честь уведомить Ваше Сиятельство для надлежащего исполнения.

Мин. нар. просв. К. Ливен

Верно: Правитель дел (...)

1 авг. 1830

¹ Автор письма - князь С.М. Голицын (1774-1859) – действительный тайный советник I класса (с 1852), с апреля 1830 по май 1835 - попечитель Московского учебного округа.

² Речь идёт о С.М. Голицыне.

³ Премьер-майор – с 1731-1797 верхняя ступень (нижняя – секунд-майор) военного чина 8 класса по Табели о рангах (майора), что соответствовало в гражданской службе чину коллежского асессора.

⁴ Цензурные функции осуществляло, преимущественно, Гл. управление цензуры МНП, однако фактически государственная цензура находилась в ведении 3-го отделения Собств. Е.И.В. канцелярии. Царствование Николая I, по понятным причинам, один из наиболее строгих в цензурном отношении периодов истории царской России.

⁵ Муравьев Н.Н. (1775-1845) – статс-секретарь, сенатор, тайный советник, управляющий Собственной канцелярией Николая I (1825-1832).

⁶ Документ составлен в 1829 году. Это выясняется при сравнении его с «формулярным списком» за 1828 год. См.: ф. 777, ф. 876.

⁷ Орден Святого Равноапостольного князя Владимира был учрежден императрицей Екатериной II в сентябре 1782 как награда за отличия на государственной службе. Орден имел девиз: «Полезьа, Честь и Слава».

Кавалер ордена всех (4-х) степеней имел право на получение потомственного дворянства, которое передавалось его жене, детям (см. иллюстрацию в приложении).

⁸ Бригад-майор – офицер в чине майора, состоящий при бригадире в качестве его ближайшего помощника по управлению бригадой, ведению переписки и полицейской части в лагере и в походе.

⁹ С.Н. Глинка женился 24 апреля 1808 года.

¹⁰ Михаил Павлович (1798-1849) – великий князь, четвёртый сын императора Павла I, состоял главным начальником всех сухопутных кадетских корпусов.

№ 10

Письмо П.А. Вяземского – Е.М. Хитровой (с просьбой ходатайствовать о пенсии С.Н. Глинке)

К Е.М.Хитровой*

Остафьево, 2 сентября 1830 года.

Когда нужно найти адвоката, чтобы ходатайствовать о человеке, постигнутом немилостью или несчастием, к вам, добрейшая и любезнейшая Елизавета Михайловна, естественно обращаются мысли наших друзей, т.е. всех тех, кто вас знает и умеет ценить. Поэтому вам не покажется странным, что в данном случае и я к вам обращаюсь. Дело вот в чём. В одном из № «Телеграфа» появился плоский и злой пасквиль на князя Юсупова, по поводу Пушкинского послания к нему. Глинка, цензор этого журнала, лишён должности за то, что пропустил статью. Он виноват. Однако, придерживаясь более буквы цензурного устава, чем духа нашей родины, он, хотя и цензор**, не обязан был распознать в бытовой картине

* Переведено с французского подлинника, напечатанного в Отчёте Императорской публичной библиотеки за 1895. СПб., 1898 (примеч. ред. журн. «Русский архив»).

** Непереводимая игра слов: *il n'était pas censeur, tout censeur qu'il est, de reconnaître etc* (примеч. ред. журн. «Русский архив»).

портрет вельможи, которого он конечно мог и не знать. Таким образом, он в полной невинности мог видеть в этом портрете личность с самыми общими чертами, неприменимыми к тому или другому члену общества.

Но оставим это соображение; не будем защищать право, будем лишь защитниками несчастья. Глинка лишён должности по представлению попечителя Московского университета, князя Сергея Голицына – это муж нашего друга***, что лишает его в полном смысле слова всех средств к существованию, к удовлетворению нужд многочисленной семьи. Цензор мог быть виноват, но честный человек заслуживает в некоторой степени быть изъятым от наказания, а Глинка вполне хороший человек. Более того: с той точки зрения, с которой нам подобает смотреть, он постоянно был монархическим писателем. Его сочинения всегда имели целью поддержать и укрепить чувства преданности к престолу и алтарю, особенно во время войны 1812 года. Власти всегда смотрели на него как на орган и защитника твёрдых начал, и все его сочинения пользовались особенным одобрением правительства.

И вот в настоящее время этот человек доведён до нищеты и лишён будущего, так как обязанности цензора отвлекли его от литературных занятий, а теперь во многих отношениях для него слишком поздно изыскивать средства к существованию произведениями своего пера. Пусть он наказан как цензор вследствие промаха или оплошности: было бы, однако, справедливо, чтобы правительство взглянуло на него как на честного человека, почтенного писателя, всегда ему бывшего преданным, как на несчастного, который, потеряв своё жалованье, теряет единственный кусок хлеба, какой он имел. Дело князя Ливена, министра народного просвещения, дать ему пенсию во внимание к его прежним заслугам, по примеру некоторых других наших литераторов, которые пользуются этим благодеянием. Так как мне неизвестны ваши отношения к министру, и Я не знаю, пожелает ли он пересмотреть решение, им самим возбуждённое, то я вам укажу другие пути к той же цели.

*** Т.е. княгини Евдокии Ивановны, *Princesse Nocturne*; она не жила с мужем (примеч. ред. журн. «Русский архив»).

Я просил сенатора Башилова, который имеет счастье пользоваться благорасположением великого князя Михаила Павловича, чтобы он, во время его пребывания в Москве, замолвил слово за бедного Глинку; я ему даже передал маленькую записку почти того же содержания как это письмо. Не знаю, воспользовался ли ею Башилов, но во всяком случае постарайтесь сказать о ней великому князю. Его ходатайство перед Его Величеством, чтобы Глинке дали пенсию, было бы одним из прекрасных и благих воспоминаний, которые он оставит Москве, уже преисполненной благодарности за благосклонность к ней, им проявленную. И Глинка даже имеет особенное право на сострадание великого князя, так как он крестил у Глинки одного ребёнка. Если, однако, вы находите этот путь неудобным, вы можете постучаться у сердца генерала Бенкендорфа.

Мне нет надобности облегчать для вас трудности: достаточно указать вам благородную и высокую цель, а затем можно положиться на ваше вдохновение для достижения её. Но если одного желания совершить просто доброе дело, исполнить долг нравственной пользы, недостаточно, чтобы подвинуть вас: то я могу отыскать в отдалённом уголке вашего сердца более близкую, более касающуюся до вас побудительную причину⁴.

Александр Пушкин заинтересован тем, чтобы Глинка не погиб окончательно из-за оплошности, в которой он обвинён. Конечно, Пушкин не виновен в несчастье Глинки, но, однако, благодаря своему посланию, он тут некоторым образом причинён; удары против князя Юсупова направлены были для того, чтобы поразить мимоходом Пушкина, и его имя поневоле связано с опалою цензора. Я знаю, что он этим очень огорчён и с своей стороны сделал попытки облегчить положение Глинки; действуя для того же вы предупредите желание вашего друга или поможете его усилиям. Вот каково дело; оно вам представлено со всех сторон – христианской и светской. Мне остаётся только сказать: помогите вам Бог! [...]

Вяземский.

⁴ Елизавета Михайловна была верным другом Пушкину. См. о ней его письма к князю Петру Андреевичу Вяземскому в марте и ноябре 1830 года (примеч. ред. журн. «Русский архив»).

№ 11

«Записка Сергея Глинки» (послужной список)

РГАЛИ, ф. 141, оп. 3, д. 35.

(л. 1-3 об.)

1) Служил в Архаровском полку с 1795 по 1800 год¹. В отставку аттестован майором.

2) 1806 и 1807 г. служил по Смоленским земским войскам бригад-майором на собственном иждивении быв уже беспоместным дворянином: ибо родовое моё имущество, движимое и недвижимое, я подарил сестре. За службу по милиции получил я право ношения мундира и золотую медаль с надписью: За веру и Отечество.

3) 1812 года июля 11, я первый в Москве записался в ратники и первый обрёк всё, что имел, на алтарь Отечества. На свой счёт, или, лучше сказать, продаже всех драгоценных вещей жены моей, снарядил я на службу в Московское ополчение несколько человек чиновников, о чём и имею свидетельства неопровержимые. Жребий Москвы, то есть сдачу оной, я первый предрёк в торжественном собрании дворян бывшем 15 июля в Слободском дворце. Именем Александра Благословенного тогдашний градоначальник граф Ростопчин Ф.В. развязал мне язык на всё полезное для Отечества, руки на триста тысяч экстраординарной суммы. На деньги я тогда завязал себе руки, а язык и доселе у меня развязан, но не на ропот, а на покорность к Проведению.

4) 18 июля 1812 года награждён я Орденом 4^й степени Святого Владимира и за собственноручною подписью в Боге опочившего императора рескриптом гласящим, что на меня обращают внимание «За любовь мою к Отечеству, доказанную моими деяниями и сочинениями». В то же время сделаны мне были тайные и важные поручения, от которых жизнь моя неоднократно подвергалась опасности. Я выехал из Москвы, запылавшей уже пламенем пожарным.

5) Вступая в звание цензора, я просил, чтобы за службу 1812 года. меня оставили майором. дабы не переменять по

бедности моей одежды и не платить за повышение чинов. В докладной своей записке Государю Императору, бывший министр Просвещения Шишков объяснял, что «хотя бы и не следовало оставлять мне майорского чина, но сие можно учинить за довольную двадцатисемилетнюю известность по литературным моим трудам». Утверждено... Я в России майор четверократный: 1) майор по аттестованию; 2) бригад-майор по милиции Смоленской; 3) действительный майор по рескрипту; 4) литературный майор по утверждению ныне благополучно царствующего Императора².

б) На бурном цензорском поприще служил я два года и девять месяцев. Следственно, если сии три года причислить к 27-летним моим литературным трудам, утверждённым первоначально рескриптом 1812 года и подтверждённым Высочайшим Указом 1822 года, то и выйдет службы моей гражданской и литературной 30 лет, не включая в то число службу полковую, милиционную и ополченную. Касательно поприща литературного, то рескрипт определительно гласит, что я награждён и за деяния и за сочинения. Святость подписи Благословенного соединяет и то и другое.

Имущества за мною и моей женою нет никакого. До замужества своего, она состояла под опекою 13 лет. (...) простиравшийся до 30^{ти} оставил я потому, что надлежало (...) с родными (...). Детей у меня восемь человек. Двое помещены, а шесть дома.

Если в то мгновение, когда излагаю сию записку, прекратилось бы тревоженное моё существование, то, Богом живым свидетельствуюсь, что жена моя и дети мои пойдут по миру по улицам той Москвы, где в роковой ей час, я первый стал в защиту её под хоругви ополчения.

Сергей Глинка.

18 сент. 1830 г.

Москва.

¹ Архаровский полк – московский гарнизонный полк, носивший имя своего шефа – московского воеводского губернатора И.П. Архарова (1740-1815).

² С.Н. Глинка с юмором говорит о своей гражданской службе в армейском чине майора. Ссылается на бедность и не слишком стремится менять своего мундира, объясняя это тем, что он «человек 1812 года».

№ 12

Из переписки С.Н. Глинки с Петербургским и Московским цензурными комитетами «Об исходатайствовании дозволения г. отставному майору Глинке продолжать издание «Русского вестника»

РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 1458.

1.

(л. 1-1 об.)

В С.-Петербургский Цензурный Комитет
от издателя Русского Вестника

Честь имею известить С. Петербургский Цензурный Комитет, что я желаю продолжать издание Русского Вестника, приостановленного мною единственно по семейным моим обстоятельствам.

Милосердный Государь Император поместил детей моих в учебные заведения, прекратив семейственные мои заботы и я с новым рвением стремлюсь к трудам, увенчанным 1812-го года Александром Первым и обратившим на себя внимание ныне благополучно царствующего Государя Императора, живущего Россией и для благоденствия России.

Счастливым себя почитаю и в том случае, что труды мои возобновляются при начальстве Министерства Народного Просвещения, неумышленно некущегося о том, чтобы одушевить поприще Русских Летописей и всё то, что относится к созиданию нравственности отечественной.

Вследствие сего покорно прошу Цензурное Начальство предоставить мне прежнее право извещения об издании Русского Вестника.

Подписал
 Издатель Русского Вестника
 майор и кавалер Сергей Николаев сын Глинка, живущий на
 Сергеевской улице в доме Г. Болдырева.
 31 мая 1838 г.

2.

(л. 4)

В С.-Петербургский цензурный комитет

**МИНИСТЕРСТВО
 НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ**

**ГЛАВНОЕ
 УПРАВЛЕНИЕ ЦЕНЗУРЫ
 В С. ПЕТЕРБУРГЕ**

24 июня 1838 года
 № 222

По приказанию Господина Министра Народного Просвещения Канцелярия Главного Управления Цензуры покорнейше просит истребовать от Г. Отставного Майора С. Глинки и доставить программу Русского вестника, который он согласен возобновить.

Правитель Дел

Подпись [Косновский]

3.

(л. 36-37 об.)

С начала наступающего 1841 года будет выходить здесь,
 в С. -Петербурге

Русский Вестник
 Журнал Отечественной Литературы, Истории, Наук и
 Художеств

Содержание его будет следующее:

1) Русская словесность. Оригинальные произведения русских писателей в прозе: повести, рассказы, описания путешествий, исторические воспоминания, также статьи забавные и юмористические. Очерки народных нравов и обычаев. Отечественная старина: предания, поверья, басни. Отрывки из ненапечатанных русских романов будут помещаться только с большою разборчивостью, когда содержание их и имя автора ручаются в занимательности и достоинстве отрывка, и когда он и в отдельности составляет нечто целое. Стихотворения известных русских поэтов, они будут помещаться с строгим выбором.

2) Науки и художества в отношении к России. Статьи о русском языке, об отечественной истории и статистике, жизнеописания русских полководцев, вельмож, учёных, путешественников, писателей, артистов. О важных предметах и случаях в области наук и художеств: о новых открытиях, изобретениях и улучшениях в науках и искусствах, о произведениях художников, особенно русских. Статьи о науках будут излагаемы не для собственных учёных, а преимущественно для любителей наук, простым общепонятным языком, с должным уважением к предмету и занимающемуся им.

3) Критика, т.е. разбор и оценка произведений русской литературы, по чему-либо достойным внимания – критика рачительная, подробная, основанная на правилах науки и изящного вкуса, руководимая беспристрастием, правдивостью и русским чувством. На это отделение редакция обратит преимущественно свои труды и внимание. К разбору произведений Русских присоединяться и обозрения Литератур Иностранных, не переведённые из заграничных журналов, а составляемые сотрудниками Вестника. Редакция будет защищать и отстаивать свои мнения и суждения только в таком случае, когда возражения последуют со стороны лиц достойных уважения, в духе справедливости и в тоне благородном. Всякая брань, все мелкие споры решительно исключаются из сего журнала.

4) Современная летопись Словесности, Наук и Художеств. Отдельные краткие известия о предметах Словесности, Наук и Художеств в России и в чужих краях: о новых изобретениях и

открытиях; о появлении важных и любопытных книг; некрологи учёных, художников и литераторов. Известия о прежних и современных подвигах соотечественников. Успехи драматического и сценического искусства. Музыкальные произведения и исполнение.

В этих рамках издатели предполагают [показать] всё, что, по избранным ими предметам может быть полезно и приятно читающей русской публике. Соблюдение правил чистой нравственности, строжайшей благопристойности и приличия, уважения ко всему, что уважения достойно, добросовестности в суждениях и приговорах, чистоты и правильности отечественного языка и слога – вот чем они намерены руководствоваться, и в чём непременно [успеют] при пособии достойных сотрудников и при одобрительном внимании отечественной публики.

Из Русского Вестника исключаются: переводные с иностранных языков повести и путешествия (из последних, почему-либо особенно любопытных, будут сообщаемы краткие известия в отделении Современной Летописи); переводные же диссертации и пространные статьи, собственно относящиеся к наукам; статьи технические о земледелии, скотоводстве и т.п.

Издатели имеют сотрудниками многих известных и уважаемых публикою писателей, учёных и артистов. Главное распоряжение редакциею и изданием Русского Вестника с обязательством (...) о выходе книжек в надлежащее время и в должной исправности, с наблюдением за исполнением правил, изложенных в сей программе, принял на себя Н. И. Греч, которого двадцати восьмилетняя опытность в деле журналистики охотно доверяют все сотрудники и участники в издании. Каждая статья, предполагаемая к помещению в Вестник, будет предварительно прочтена, обсуждена и одобрена главным редактором с избранными в помощь ему сотрудниками.

Издатели приглашают и посторонних любителей литературы принять участие в сем журнале присылкою своих трудов в стихах и прозе, когда они содержанием изложением соответствуют вышеисчисленным правилам.

Русский Вестник будет выходить 1 числа каждого

месяца, книжками в 15 листов большого формата. Издатели приложат старание, чтобы наружность его, печать, бумага и.т.п. соответствовали требованиям изящного вкуса.

Цена за годовое издание Русского Вестника, полагается в С.-Петербурге тридцать рублей и с организ. с пересылкою же во все города Российской Империи тридцать пять рублей ассигн. или десять руб. серебром.

Подписка принимается у всех здешних и московских книгопродавцев. Иногородние благоволят относиться в С. Петербургскую Газетную Экспедицию.

Сергей Глинка

Нестор Кукольник¹

¹ В документе рукой С.Н. Глинки, Н.В. Кукольника были сделаны лишь подписи, выделенные курсивом.

4.

(т. 42)

**МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ**

*Канцелярия
Министра*

31го марта 1843 года
№ 420

Господину Исправляющему должность Попечителя С.-Петербургского Учебного Округа

По поданному издателем Русского Вестника Майором Глинкою прошению о дозволении ему продолжать издание: Русский Вестник в

Москве, Главное Управление Цензуры изъявило на то согласие. О чём покорнейше прошу Вашу Светлость предложить С. Петербургскому Цензурному Комитету к сведению.

Министр Народного Просвещения [Уваров]

Директор Подпись

№ 13

П.А. Плетнев о произведениях С.Н. Глинки
*Плетнев П. А.: Мелкие критические разборы из
журнала «Современник»*

1.

(С. 232-233)

О книге «Записки о Москве и о заграничных
происшествиях от исхода 1812 до половины 1815
года».

[...] Книга Глинки совершенно в противоположность с предыдущими¹. Там годы терпения, а здесь как будто царство вдохновенных минут. Все является на мгновение, но исполненное силы, занимательности, одушевления, которое невольно сообщается читателю – и вдруг новое явление, столько же властительное, сколько и неожиданное. Если слог есть сам автор, то можно сказать, что нет писателя, менее озабоченного исполнением огромного труда и более чувствующего присутствие налетевшей на него идеи, как г. Глинка. Он и зритель чудных событий и действительный этой эпохи, и летописец, и – если угодно – поэт.

Но из этого странного смешения терпеливому и полному сочувствия человеку сколько можно извлечь блестящих страниц для обдуманного и прагматического сочинения!...

Они больше объедают направление и силу национального духа, нежели исключительно одно время. Из этих беглых разнородных рассказов образуется полная мысль. Чувствуешь, что сю проникнуто целое воинство; действующее неумышленно, но весело и доблестно. Если сочинитель приведет когда-нибудь в целость и некоторую систему сокровище свое, оно будет драгоценностью в литературе.

¹ Имеется в виду словарь Болховитинова и соч. И. Сахарова, рассматриваемые в этой же статье до разбора книги С.Н. Глинки.

2.

(С. 323)

О книге «Очерки жизни и избранные сочинения А.П. Сумарокова».

[...] Главная мысль г. Глинки очень полезна для нашего времени. Он желает обратить внимание современников на писателей предшествующего столетия. Это тем более нужно, что жажда новизны совершенно отвлекает нас от изучения прежних литераторов наших. Конечно, в них есть многое, что теперь утратило цену. Но история всех отраслей гражданственности представляет подобную постепенность. От недостатка сведений в сих естественных переходах рождается опрометчивость суждений. Если бы г. Глинка, написавший эту книгу в виде опыта, избрал план более обширный и остался бы верен своему предначертанию, он оказал бы великую услугу русской литературе.

3.

(С. 497-498)

О книге «Русское чтение, издаваемое Сергеем Глинкою».

[...] «На прощаньи с жизнью (говорит С.Н.Г.) предлагаю новый труд, может быть, слабый, но с той же целию, чтобы оживлять доблести отечественныя и доставлять что-нибудь полезное для всех сословий общественных. Жизнь отечественная – жизнь нераздельная от палат до хижин. Соединение мыслей, дум и сердец подкрепляет и сохраняет эту жизнь, даруемую нам Богом под тем небосклоном, где была колыбель наша, где прах наших отцов, и где мы в свой урочный час сойдем в могилу. Но любовь к Родине, любовь к отечеству, не исключает общей любви к человечеству, завещанной Христом Спасителем. Где встретим страдальца, там видим в нем ближняго и брата: и счастлива та рука, которая приподнимает на тернистом пути жизни. Небо видело:

это было лучшею мне отрадой. Кто стоит у могилы, тот не жмет. Померкает мое зрение, но не душа. А душа моя желает: *да благоденствует все человечество наряду с нашим отечеством!** С этим желанием жил – и с ним умру».

За этими строками, которых, конечно, никто не прочтет без участия, следует четыре любопытных рассказа, составляющих первую часть Русского Чтения: I. История зеркала Петра Великого и любовь его к правде; II. Петр I и историк Татищев, астраханский губернатор; III. Поход кн. Юрия Владимировича Долгорукого в Черногорию (отрывок из собственноручных его записок); IV. Чесменский бой, описанный кн. Ю.В. Долгоруким. Каждая из помещенных здесь статей, как дополнение к истории нашей, может назваться драгоценною. Мы сожалеем, что издатель не представил общего плана, которому он намерен следовать в дальнейших трудах своих. Впрочем, если *Русское Чтение* будет и просто сборником исторических отметок, оно, тем не менее, принесет пользу собирателям частных известий относительно России.

* Курсив автора.

№ 14

Бумаги по передаче дел, производившихся в упразднённой Особой Канцелярии, бывшей при Главнона начальствующем над Почтовым департаментом, о постоянных денежных пособиях, выдаваемых негласным образом

РГИА, ф. 472, оп. 33, д. 148

(л. 11-15)

О производящихся денежных выдачах по Особой Канцелярии

Особые дела, кои поручал мне Блаженной памяти Государь Император Александр Павлович вошли в

докладовано в С.-Петербург 23 ноября 1841 года [Высочайше] [указать] соизволил по моем увольнении от службы передать сии выдачи в кабинет Его Величества, а суммы как и требовалось из Государственного Казначейства [предоставил требовать] впредь Князю Волконскому на том же основании выдачу Князю Мурузи Его Величество [изволил прекратить]

состав учреждённой при нём в 1824 году Особой Канцелярии. В числе таких дел поступили и некоторые особые более или менее гласные денежные выдачи из единого Монаршего Милосердия производимые лицам, не имеющим никакого права на пособие от Правительства.

Сумма для производства сих пособий именовалась прежде Комнатною суммою и требовалась по мере надобности от Министра [Уделов].

С 1824 года по настоящее время сумма сия требуется из Кабинета Вашего Величества под названием суммы на расходы по Высочайше возлагаемым на меня Особым поручениям. И ныне, как и прежде сия сумма требуется по мере её употребления по 10.000 рублей ассигн.: каждый раз.

Для означения прихода и расхода сей суммы имею я у себя шнуровую тетрадь доставляемую Кабинетом, которая по наполнению отсылается в контроль Кабинета и заменяется таковою же новою тетрадью.

По выдачам из сей суммы как ежегодным, так и единовременным образовался Особый [разряд] дел и вошёл в состав Отделения собственно Заведованию Директора Канцелярии порученного.

Настоящее производство постоянных выдач по Канцелярии есть следующее:

1. Действительному Статскому Советнику [Адеркасу], Директору Дома Убогих при С. Петербургском Императорском Человолюбивом Обществе по его бедному состоянию и в воздаяние долговременной усердной его службы производится с 1821 года в пособие по 3000 рублей ежегодно негласным образом.
2. Вдове Коллежского Советника Торсон, матери сосланного в Сибирь по делу 14 декабря 1825 года Капитана Лейтенанта

Торсона, производится в пособие по её бедности по 500 рублей ежегодно.

В 1837 году Вашему Величеству благоугодно было в следствие просьбы вдовы Торсон, переселившейся на жительство в Сибирь к сыну [распространить означенное пособие по её смерти и на дочь её при ней находящуюся].

3. Майору Глинке, по уважению к его стеснённым обстоятельствам при многочисленном семействе, производится с 1827 года из суммы по Особым поручениям по 1000 рублей в год.

Сверх сего ему же отпускается из Государственного Казначейства по Особому Указу на известный предмет по 2000 рублей ежегодно.

В 1832 году Ваше Величество Всемилостивейше повелеть изволили производство [обеих сих] сумм распространить по смерти Глинки на жену его и трёх дочерей, до смерти последней из них [курсив – С.М. Саядова].

Копия с докладной о сей записке моей, Собственноручною Вашею Резолюциею [утверждённая], находится, как документ, в руках Глинки для предъявления оной, по упразднении Особой Канцелярии в Кабинет Вашего Величества.

4. Старшему Цензору при С. Петербургском Почтампте Действительному Статскому Советнику Цирлейну, вместо аренды, по которой он был представляем, повелено в 1830 году производить секретно, в добавок к гласному его жалованью по 1000 рублей ежегодно.
5. Княгине Клеопатре Трубецкой, рождённой Княжне [Гика] производится с 1831 года секретным образом по 3000 рублей в год сверх пенсионна гласно ею получаемого.
6. Князю Александру Мурузи с 1832 года выдаётся в пособие, по смерти брата его убитого в сражении с поляками, по 2000 руб. ежегодно.
7. Служащему в Министерстве Иностранных дел Козлову, сыну того страдальца, который до самой [кончины] пользовался милостями Августейшей Фамилии, производится с 1832 года выдача 1000 рублей в ежегодное пособие.
8. Девицам [Гутсимовым], сделавшимся известными Вашему

Величеству по процессу отца их и по крайней бедности их положения производится с 1832 года по 135 рублей ежегодного пособия.

9. Никольской вдове Индейца находившегося при Слоне, выдаётся с 1833 года по 300 рублей в пособие коим пользовался муж её по смерть свою.
10. Действительной Статской Советнице Рунич с 1838 года производится в пособие по 2000 руб. ежегодно.
11. Дочери Султана Крым-Гиреева [фрейлине (...), производившаяся с 1839 года по 3000 рублей ежегодно. Сия сумма выдаётся ей по (...)].
12. Действительному Статскому Советнику [Г...-ву] отпускается с 1839 года (...) [употребляемым им в деле собирания Актов до истории России относящихся, 1500 рублей ежегодно].
С того же года и на тот же предмет отпускается из Государственного казначейства по 3000 рублей в год.
13. Вдове [И...-вой] по уважению к службе мужа её при [Лице] Блаженной памяти Государыни Императрицы Екатерины II выдаётся ежегодно с 1839 года по 400 рублей в пособие на уплату во вдовий Дом.
14. Девице [Трозин] праправнучке бывшего Архитектором при Государе Императоре Петре I^m производится с 1840 года в ежегодное пособие 300 рублей.
15. Действительному Статскому Советнику Руничу выдаётся с сего 1841 года по 1000 рублей в год, отдельно от пособия получаемого его женою.
16. Девицам Вейсман за долговременную и усердную службу в Почтовом ведомстве покойного их отца производится с сего 1841 года, негласно, до замужества, а если не вступят в брак, то по смерть по 375 рублей в год.
17. На расходы по Канцелярии отпускается ежегодно от 600 до 700 рублей.

Все вышеозначенные выдачи производятся по курсу на ассигнации.

18. Казначеею Капитула Орденов Генерал-Лейтенанту Барону

[Дризену] отпускается ежегодно с сего 1841 года, секретным образом, из сумм Капитула по 2000 рублей серебром (на ассигн.: 7000 рублей).

19. (...) сего с 1836 года требуется ежегодно из Государственного Казначейства на известный Вашему Величеству предмет 5000 рублей ассигн.:

Всего из суммы по Особым поручениям у меня находящейся производится собственно по Канцелярии ежегодных постоянных выдач разным лицам:

20510 рублей ассигн.

Требуется из Государственного Казначейства и Капитула Орденов ежегодно:

17000 рублей ассигн.

№ 15

Письмо С.Н. Глилки К.С. Сербиновичу
РГИА, ф. 1661, оп. 1, д. 997

(л. 12, 12 об.)

Ваше Превосходительство и душевный друг моего семейства!
Константин Степанович!

Переселясь и слухом и душою в живую вашу речь о родителе Вашем, я не успел Вам сказать, что в записках моих делал заметки карандашом не цензор, но поэт наш А.С. Пушкин. Он читал мои записки незадолго до бедственной своей кончины с В.А. Жуковским, К. Вяземским и другими и намерен был кое-что переместить из них в Современник¹.

Замечу также, что на Кутузова клевета в [розгах]. Я полгода провёл при нём в корпусе и никого не тронули и пальцем. Незабвенным подарили Вы меня вечером: в голосе вашем слышал я голос

времен патриархальных. Как счастлив Ваш отец! и как Вы счастливы! Всё то, что Вы говорили мне о правоте вашего родителя, перейдёт в мои записки. Плутарх уловил бы черты таких доблестей. А у нас, что [пишут] Субъективное и объективное! Пошлая схоластика!

Если что-нибудь можно будет мне сделать: сделайте до января, то есть до получения первой трети моей [пенсии], мой семейный быт в могиле. С вами душа говорит нараспашку, вы вчера [осветлили] и её и очи мои: сам, пишу и [почти] [срываюсь]

Весь Ваш сердцем и душою.

24 ноября

Сергей Глинка.

1845

Сербинович Константин Степанович (1797-1874) – писатель. С 1833 по 1856 годы редактировал «Журнал Министерства Народного Просвещения».

¹ Речь идёт о «Записках о 1812 годе», которые были изданы автором в 1836 г. в Петербурге.

№ 16

В.Г. Белинский о книге «Русское чтение», издаваемое Сергеем Глинкою. Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетий»

(С. 238-239)

В этом странном издании, которое по нумеровке составляет одно, а по заглавию – две книжки, нет никаких исторических отечественных памятников, а если и есть, они составлены не

современниками, а С. Глинкою. Он рассказывает большею частью всем известное о Петре Великом, о князе Юрии Владимировиче Долгоруком, о Потемкине и рассказывает, разумеется по своему – с отступлениями, странным языком, темно, сбивчиво, нескладно, хотя и с амфазом, как будто в вдохновенном упоении. Под пером литератора, более даровитого и менее упоенного восторгом, эти рассказы могли бы иметь большую занимательность. Правда они и под пером г. С.Г. имеют некоторую занимательность, но уже не сами по себе, а по отношению к сочинителю. Он все тот же, каким был в то время, как начал издавать свой «Р.В.» назад тому больше четверти века, нисколько не изменился, хотя вокруг него изменились и люди, и язык, и литература, и понятия, и обычаи, и нравы. Если б подобное окаменение постигло литератора с замечательным талантом, - его сочинения не перестали бы быть интересными для новых поколений, как мемуары о старине, как живые памятники старины, но... г. С.Г. *чем богат, тем и рад*.... Человек русский, радушный и гостеприимный, он всегда готов вас угощать своим добром; вы давно уже сыты по горло от других кушаний, а он все вам кланяется да говорит: *прошу покорно; чем богат, тем и рад*. Вы смотрите: страшно было бы и на голодный желудок, а делать нечего и говорить... И – когда г. С.Г. молчит, молчит так, что вы думаете, что его восторг прошел совсем и он уже больше не будет писать; глядь: он вдруг говоря его собственным языком, *предъявит* вам такой *погром*, что вы, подобно Фоке Крылова, Скорей в охাপку // Кушак и шапку...¹ Но мы, несчастные рецензенты, мы не можем этого делать и едим всякую уху, какую ни заварит досужество старого или молодого литератора.

Белинский Виссарион Григорьевич (1811-1848) – литературный критик, публицист.

В тексте - курсив автора.

¹ Цитата из басни Крылова «Демьянова уха».

№ 17

Из документов Кабинета Е.И.В., МНП,
МФ о переписке С.Н. Глинки с А.Н.
Голицыным по вопросам оказания
материальной помощи семье и устройстве
детей С.Н. Глинки в государственные
учебные заведения

РГИА, ф. 468, оп. 39, д. 279

1.

С.Н. Глинка – А.Н. Голицыну

«Сиятельнейший Князь,
Милостивый Государь,
Александр Николаевич!

Вы были ходатаем за детей моих у Престола милосердного
Государя: а посему и приемлю смелость обратиться к Вам с
просьбою, ваше сиятельство!

По неизречённой благодати своей Государь Император назна-
чил двух дочерей моих в воспитательное Общество благородных
девиц с предоставлением на содержание им по тысяче двести
рублей.

Старшей моей дочери уже пятнадцать лет. Мать её слаба
здоровьем, а сверх того за определением (...) и средней моей дочери,
у меня ещё остаётся пятеро малолетних детей, требующих неусып-
ного надзора.

И так сколь бы облегчился наш жребий, если б премилосерд-
ный Монарх по движению Ангельской своей души предоставляемые
тысячу двести рублей на воспитание моей старшей дочери,
соблаговолил обратить нам в пожизненный пансион! Сим
пособием хотя бы отчасти подкрепилося ненадёжное наше

существование. Не отваживаюсь упоминать о тридцатилетних моих трудах, посвящённых Престолу и Отечеству. Сие пособие [испрашиваю] единственно во имя Веры Христианской и во Имя Высочайшего милосердия.

С глубочайшим почтением

честь имею быть,

Вам,

Сиятельнейший князь!

всепокорнейший слуга,

[4] февраля 1827 г.

Сергей Глинка¹.

С.-Петербург».

¹ Номера трёх листов, текста письма установить не удалось.

2.

(л. 7)

А.Н. Голицын – С.Н. Глинке

«Милостивый Государь мой Сергей Николаевич.

По письму Вашему ко мне от 4 сего февраля, коим испрашивали ходатайства моего о предоставлении вам следующей оплаты за содержание старшей дочери вашей в воспитании Общества благородных девиц и об оставлении её при вас, докладывал я Государю Императору.

Его Величество, снисходя на просьбу вашу, Всемилостивейше указать соизволил, выдавать вам ежегодно в пособие на содержание ваше по тысяче рублей.

Вследствие того будете вы, каждый год около сего времени получать от меня по тысяче рублей, а на [нынешний] год [прилагаю] при сем такую же сумму, прося покорно о получении оной меня уведомлять.

Касательно изъявленного вами желания оставить старшую дочь у себя, уведомил я о ссм Е. Статс-секретаря Лонгинова,

которому вы со своей стороны должны послать ожидаемый от вас [решительный] отзыв о намерении второй вашей дочери в воспитательное Общество благородных девиц, по которому и последует тогда окончательное о сем распоряжение.

С истинным почтением честь имею быть
вашим

Милостивый Государь мой
покорнейшим слугою»

в С. Петербург
28 февраля 1827

Подп. Князь Александр Голицын
[Верно] [Начальник] (...) Подпись

[Маркелов]

Его высокобл. С.Н.
Глинке

3.

(л. 29, 29 об.)

М.В. Глинка – А.Н. Голицыну

«Сиятельнейший Князь,
Милостивый Государь,
Александр Николаевич!

(...) мужа моего под арест на две недели, по Высочайшей воле, предъявленной Генерал-Адъютантом Бенкендорфом: ему воспрещены были и словесные и письменные объяснения.

А посему вместо мужа моего честь имею известить Вас, Сиятельнейший Князь о получении двух тысяч рублей сего 12 февраля 1830 года.

Чем злополучнее состояние моего семейства, чему едва ли когда были в Москве примеры, тем искреннее благодарность наша к Великому Государю Отцу Отечества и благодетеля моего семейства. Всё дело объяснилось. Стихи, обличаемые в Альманахе Деннице, сочинённые юною дочерью мещанина Теплова, по случаю утопления прошедшего года студента университетского. Касательно

же статьи: Рекомендация Министра, в Московском Вестнике сам сочинитель, Г. Аксаков, бывший товарищ моего мужа по прежнему уставу, сам подал в полицию отношение, что он всю ответственность по сей статье приемлет на себя.

Во Имя Искупителя: мысленно повергаюсь к Священным Стопам Государя Императора, а Вас, Ангела Хранителя нашего семейства! Умоляю со слезами спасти моего мужа, для которого теперешний его жребий лютее смерти, ибо он лишился доброго мнения Государя Императора.

С душевным почтением и преданностью

Москва.

1830 года

12 февраля.

честь имею быть,

горестная мать семейства,

Мария Глинкина».

4.

(л. [31- 32 об.])

С.Н. Глинка – А.Н. Голицыну!

«Сиятельнейший Князь,
Милостивый Государь,
Александр Николаевич!

Получа свободу после пятнадцатидневного ареста, снова приношу благодарность за новую милость Отца народа излившую посредством Вас на моё семейство.

Рвение моё к Престолу всегда было непоколебимо. В продолжении 1806 и 1807 годов, быв уже беспоместным дворянином, служил на собственном иждивении по Смоленским Земским войскам, а 1812 года я первый в Москве записался в ратники и тогда же священная воля опочившего Императора отверзла мне уста на всё полезное для Отечества и возложила на меня те особенные препоручения, от которых жизнь моя подвергалась ежечасной опасности.

Но я по справедливости должен сказать, что я не столько обязан был Императору Александру Первому, сколько Императору

Николаю Первому, благодетелю моего семейства.

А потому предпочитая жизни моей доброе мнение Великого Государя, я предлагаю здесь: почему не мог остановить двух обвинённых статей, пропущенных мною в силу Нового Устава о Цензуре и на основании §§ 6, 7, 14, 15, 47, 62 и 64. Вот причина пропуска оных: но я желал бы умереть в то же мгновение, если бы одобрил что-нибудь неблагоприятное с умыслом преднамеренным.

Я говорил и ещё повторяю, что при Министерстве Вашего Сиятельства, словесность наша на всех поприщах находила благородную пищу. Перебранки журнальные изредка появлялись. Но они стремительным потоком разлились с 1825 года. Вступя в многотрудную службу цензора, я застал [уже] в бурном кипении страсти писателей.

Безмерно было моё страдание в продолжении двух недель. Легче было бы мне сойти в гроб. Но я благодаря Бога, если арест мой относился к общей предосторожности.

Если дойдут в Петербург слухи, что у меня много было посетителей, то не я тому виною: ибо я и пера в руки не брал. Много также по освобождении моём услышал я [сам] несправедливых толков: это неизбежно в общежитии человеческом.

Бедную мою жену опять постигла болезнь. Старшая моя дочь в отчаянии. Умоляю Вас Во Имя Искупителя, оправдайте меня перед лицом Милосердного Государя. Одно благоволительное Его слово возвратит жизнь и мне и моему семейству.

С душевным почтением, честь имею быть
Вам,

Сиятельнейший Князь!

26 февраля 1830 г.

Москва

преданнейший слуга,

Сергей Глинка».

¹ На первом листе письма, вверху, была следующая приписка:

«№ 11914 докладовано 23 марта 1830 года [высочайше указать соизволил уведомить его,

3 марта 1830. чтоб он был покоен и что Государь на него не гневается]»

5.

[л. 57-58]

А.Н. Голицын – Императору Николаю I

Ваше Императорское Величество, во внимание к совершенно бедному состоянию отставного Майора Сергея Глинки, изъявили Высочайшую волю в 1831 г. на помещение сына его Сергея, охранявшего от кори, в Московский Кадетский Корпус, – что тогда и было исполнено.

В последствии времени помянутый сын его, по причине неизлечимости ноги, должен был выбыть из Московского Кадетского Корпуса, в сообразность Высочайше утверждённого правила о возвращении родителям кадет, не способных к фронтовой службе.

Ныне Глинка озабочиваясь о дальнейшем воспитании сего сына и не имея к сему никаких способов, по совершенно расстроенному своему состоянию, обратился ко мне с просьбою об исходатайствовании Всемилостивейшего соизволения на помещении его в Московский Дворянский Институт пансионером Вашего Величества.

Глинка имеет двух дочерей и трёх сыновей. Они все предназначены были Вашим Величеством к помещению в разные учебные заведения для воспитания на Вашем иждивении, но сею Монаршею милостию пользуются теперь токмо два его сына, находящиеся в Московском Кадетском Корпусе, из коих один, по слабости здоровья, проживает у него уже около года и, по продолжающемуся изнеможению, должен будет оставить место воспитания. Две же дочери его также находятся при нём, страдая болезненными припадками.

Справка: За пенсионера Вашего Величества на (...) в Московский Дворянский Институт ежегодно по 830 рублей, да единовременно при помещении вносится 50 рублей.

¹ В верхней части первого [57] листа документа есть следующая приписка: «[докладовано] в Петербург 14го [июня] 1834 года [высочайше соизволил на представлении].»

6.

(л. 83-84)

С.Н. Глинка – А.Н. Голицыну

«Сиятельный Князь,
Милостивый Государь,
Александр Николаевич!

К великому дню Рождества Христа Спасителя, посредством Вас, наш Ангел Хранитель! с последнею просьбою о последнем сыне, прибегаю к христианским щедротам Всемилосердного Государя.

Глазная болезнь, которой Вы были очевидцем, препятствует мне лично изъяснить мое прошение.

Но на что там моя личность, где благодатная Ваша душа внимала страдальческому голосу моему и с берегов Москвы-реки и с берегов Днепра.

Медлил я прошением в надежде, что воспоследует из (...) уплата за наше разорение (...) и что тогда найду способ поместить сына на собственное иждивение. Тщетное ожидание и шестой год!

Просился я, как Вам известно, в Киевский университет, дабы не утруждая Царя-Отца воспитывать моих детей. Горестный отказ!

Но если я без ропота иду от пропасти к пропасти под крестами испытания: в том спасёт меня десница Царя-Христианина и Ваша вера, поставившая Вас вторым нашим Провидением.

Все свидетельства о последнем моем сыне получил в Москве. И счастлив он будет, если ходатайство ваше откроет ему путь в первую гимназию, куда [предстательством] Вашим водворен брат его Василий.

Жизнь моего семейства в милости Монаршей и в Вашей Ангельской попечительности. Я только зритель сих благ и крепясь Верою, перейду за предел мира земного с молитвою к Богу любви и милосердия: «да хранит он до скончания Царств земных Отечество наше в благосклонном наследии Николая первого

и да хранит Христианскую вашу жизнь долго и долго для
отрады страдальцев!

С душевным почтением, честь имею быть,
Вам,

Сиятельнейший князь!

Приверженнейший слуга,

[5] декабря 1837 г. Сергей Глинка.

С.-Петербург»

7.

(л. 126)

Свидетельство

Дано сие из метрической книги церкви Св. Праведных
Захария и Елизаветы, что в Кавалергардском Её Величества полку
в том, что Отставной Майор Сергей Николаевич Глинка волею
Божьею помер от апоплексического удара прошлого тысяча
восемьсот сорок седьмого года апреля пятого и погребён на
Волковском кладбище того же апреля седьмого числа на 73^м году
от рождения своего.

В удостоверение чего и свидетельствую с приложением
церковной печати.

С^т Петербург февраль 5 дня 1848го года.

(м.п.)

/подлин. подпись/

Кавалергардского Её Величества полка Священник Иоанн
Скрибатов¹

¹ Под документом приписка: «Подлинное Свидетельство обратно
получила вдова Майора Мария Глинка».

8.

(л. 165-165 об.)

Канцелярия Министерства Императорского Двора, 15
сентября сего года, уведомили, что дочь умершего Майора
Сергея Глинки, Софья, в прошении к Господину Министру

Императорского Двора объясняет, что родительница её с Высочайшего соизволения пользовалась из сумм Министерства ежегодным пособием по 285 р. 71 к., и как пособие это матери её, умершей ныне, пожаловано было нераздельно с просительницею, и двумя её сестрами, Марией и Анной, также скончавшихся, то она ходатайствует о продолжении производства ей упомянутого пособия сполна, о чём Канцелярия, согласно приказанию Г. Управляющего Министерством и сообщает Кабинету для зависящего распоряжения.

Вместе с сим представлены в Кабинет для свидетельства о смерти дочерей Майора Глинки, Анны и Марии, последовавшей: первой 11 мая, а второй 26 декабря 1861 г.

Справка. На основании Именного Высочайшего Раскрипта, последовавшего на имя Г. Министра Императорского Двора 12 января 1842 года и приложенного при оном списка, повелено: выдавать из Кабинета негласным образом, между прочим, Майору Сергею Глинки, и по смерти его, жене его и трём дочерям, до смерти последней из них, по 285 р. 71^{1/4} к. сер. в год, отпуская сумму сию в феврале месяце.

Следовавшие за 1877 г. деньги отпущены 24 февраля сего года.

Управляющий Отделением Подпись [Островский]

2. С.Н. Глинка и история Армении

№ 18

Записка Х.Е. Лазарева Николаю I
РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 530.

(л. 1-4 об.)

К существенной пользе Империи и ко благу новопокорённых областей представляются предметы, заслуживающие внимания.

1. Настоящее положение Грузии и областей ея по заключении вожделенного мира с Персиею доставляет несомненно большие выгоды, оные колико могут быть ныне и на предбудущие времена значительны, толико же прочны в основаниях своих.

2. Для неприкосновенности границ необходимо образовать управление и начертать правила более удобныя и более сообразныя с местными обстоятельствами.

3. Чтобы поставить отдалённую и обширную страну на твёрдую ногу благоденствия, потребны поистенне попечительные меры, предпочтительно ныне при исполнении трактата и при начале водворения будущего благоустройства.

4. Важные сии причины, основанные на доводах ощутительной пользы Государства и на благо разноплеменных народов требует, чтобы народонаселение из христиан на границах было умножено и чтобы все предстоящие выгоды и удобства были извлечены.

5. Ханство Ериванское и ханство Нахичеванское, образуя в их древнюю Армению, мудрым велением Монарха получили наименование области Армянской. Лестное и восхитительное сие название воспламеняет всех Армян душою и сердцем преданных. – Благовест о возрождении их отчизны под мощною егидою Всероссийского Императора, распространяет повсеместно, особливо в Персии и Турции. Мольбы возносятся

ся, общий глас народа взывает: слава Царю, войску и Полководцам, знаменито компанию кончившим! – Превосходная сия мысль одна дарует так сказать некогда самостоятельной древней Армении твёрдое бытие, сыны ея стекаются и при неусыпном попечении Правительства и Духовенства число оных возрастает.

6. Дабы наилучше воспользоваться духом Армянского народа, дабы сугубо привлечь его из всех сопредельных ближайших и отдалённых областей и наконец дабы воспламенить оный во всех отношениях и видах, то нужно и полезно чрез Главного Начальника Грузии и чрез посредство духовной власти, именно чрез Верховного Патриарха всея Армении и чрез Епархиальных Архиепископов по-прежнему возобновить и продолжать Патриархальния воззвания.

7. При образовании новой Армянской области справедливо и даже необходимо для пользы Правительства соблюсти: 1) чтобы жителям сего края в уважении того, что от преследования и гонения Персиян большая часть из них потерпели разорение, а тем паче что способствовали и усердствовали Российскому воинству – было бы оказано снисхождение в достаточной льготе повинностей и в освобождении от постоя, 2) чтобы принадлежность и собственность каждого и всех были ограждены и обеспечены, чтобы нужная защита и пособия переселенцам во всех случаях справедливости были деласмы, яко средства неизбежныя от насильства Персиян, 3) чтобы общий состав дел и вещей сколько по древним обыкновениям, столько же и по новизне владения – оставался ныне в том же положении при сохранении их прав и обычаев, но при совместном и полезном благоустройстве, 4) Первопрестольный монастырь Эчмиадзинский по всеобщему благоговению в Армянском народе, как Святительный по Христианской Вере и единственный Патриархальный или Папский Престол всея Армении, должен быть с имениями и деревнями своими в основаниях и правах управления и владения своего как ныне и на предбудущие времена неприкосновенным. - Доказательства заключаются в следующем кратком изложении: В 300 году по Р.Х. чрез Великомученика Армении Св. Григория, Армянский Государь Тридат, царствовавший 46 лет, восприял святое крещение и

привёл всю Армению в Христианскую Веру. Таким образом, разогнав мрак идолопоклонения в Армении. Св. Григорий соорудил иждивением Царя Тридата и Царицы Ашхены на подобие Горнего Иерусалима храм в городе Вагаршападе, называемый ныне Эчмиадзин, т.е. сошествие Единородного сына Божиева. Сей Первопрестольный монастырь от сооружения своего более 1500 лет почитается в Армении, яко мать всех храмов. Некогда самостоятельное древнее Государство большой и малой Армении от основания до самого разрушения своего, заклчается ныне в главном месте Эчмиадзин, оно почитается народом и средоточием отчизны всех Армян – Верховный Патриарх и Католикос всея Армении есть Глава всей нации; – в Первопрестольном монастыре Патриархом посвящаются Архиепископы и непосредственно все распоряжения по Епархиям в России, Турции и Персии от него же Патриарха и от подведомственного ему Синода делаются; Из Эчмиадзина чрез Наместников отправляется во все страны Вселенной Святый мир. – Верховный Патриарх по древнему законоположению из кандидатов избирается Духовенством и народом, утверждение Верховного Патриарха по принадлежности Армении и нации зависит от трёх Держав: России, Турции и Персии. А по сим уважительным доводам, для сугубаго привлечения Армянского народа в Россию из обитаемых ими областей в Турции и Персии необходимо, чтобы как сей Первопрестольный Эчмиадзинской Монастырь, так и другие с селениями своими были совершенно ограждены во всех своих правах и принадлежностях. – Политическое такое бытие, даруемое и утверждаемое в пользу Святых Обитателей и храмов, Духовенства (...) нации, в правах личной и вещественной собственности, в законной свободе, – (...) в прочном направлении благо народа и доставит ощутительные выгоды Империи к благоустройству новопокорённых областей.

5) Если местное Главное Управление для взаимных польз России и новых подданных ея, при образовании покорённого края -- соблюдает все правила и во всех нужных предметах войдёт в сношения с известными первыми Духовными лицами, имеющими влияние на народ и знающими все обстоятельства и нужды

его; тогда при общем совокупном соображении подобного рода положения и образования, народонаселение может быть умножено от 100 до 200 тысяч душ Армян, кои убедясь в (...) преимуществах положительного своего существования, тем с большим стремлением будут водворяться с семействами, с пожитками и имуществами. Дознано, что чем значительнее населится число подданных Христиан на границах России, тем сильнее будет сей оплот и тем больше преград предстанет к нарушению общего спокойствия.

Когда в пределах Империи население увеличится, – когда общий порядок восстановится и когда каждый и все будут пользоваться правами мирного, независимого владения, обеспеченного законами: тогда чрез влияние и содействие Верховного Патриарха, Епархиальных Архиепископов и чрез первых именитых лиц, пользующихся доверием в нации, удобнее можно приступить и составить добровольную пограничную стражу или войско, полезное для охранения пределов и для общего спокойствия жителей так равно и два эскадрона Императорской Гвардии. Предприятие сие удобнее произвести на том основании, как пред сим было изложено в особенном предположении, и как полезнее, сообразно выгодам Правительства и новых подданных с присвоением установленных прав за усердную службу и за подвиги приверженности оказываемые.

Составлено Ст[атским] Сов[етником] Хр. Лазаревым и
Представлено Государю Императору
чрез Генерал-Адъютанта¹ Бенкендорфа I².
Отправлено при отношении к Генералу
Графу Паскевичу Ериванскому в Апреле
1828 г.

¹ Генерал-адъютант – одно из высших воинских званий лиц, состоящих при императоре. Это почётное звание жаловалось императором военным чинам II и III классов.

² Речь идёт о Бенкендорфе А.Х. Бенкендорф II – К.Х. Бенкендорф (1785-1828) – участник войны 1812 г. и русско-иранской войны 1826-1828 гг., брат А.Х. Бенкендорфа (Бенкендорфа I).

№ 19

**Письма разных лиц Х.Е. и И.Е. Лазаревым
и ответы на них***РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 342.*

1.

(л. 23)

Милостливый Государь Христофор Екимович!

<...> По препоручении Вашему рассматривал я рукопись: О распространении Царства Армянского¹, с величайшим удовольствием и поучением; потому, что она подробна по предмету и изящна по слогу. В некоторых местах сделал я поправки; но большей части изложение хорошо и может быть представлено к напечатанию.

2 июня 1830. Иван Давыдов

2.

(л. 24)

Милостливый государь Христофор Екимович!

<...> Поправку в Рукописи представляю на Ваше благоусмотрение; кажется теперь не будет в выражении личности и прямого указания, а только заключение о России вообще...

14 июня 1830 Иван Давыдов

3.

(л. 36)

Милостивый Государь,
Христофор Якимович!

Улучив свободный час, успел я прочесть рукопись, мне Вами вверенную, и написал письмо, по поручению брата: то и другое при сем к Вам препровождаю. Рукопись столь хорошо

¹ Следующее слово не поддаётся прочтению, предположительно: «по-русски».

написана* (...), что я мог исправить только некоторые буквы; а письмо предоставляю Вашему суду, поправкам, переменам, как к лучшему изволите придумать. Писать письмо – значит говорить: следовательно в† (...) надобно занимать место‡ (...), входить в его чувства и мысли, и знать лицо, к которому письмо написал. Дело чрезвычайно трудное! И потому необходимо, чтобы сам§ (...) выразил себя, если находит выражения письма недостаточными.

С душевным уважением и сердечною преданностью имею честь быть

Вашим, Милостивый Государь,
1830 июня 26. покорнейший слуга
Иван Давыдов.

P.S. Надеюсь, что Вас увижу на** (...) Актон, в университете, сегодня после обеда, в 6 часов.

† Имеется в виду «Обозрение истории».

№ 20

Из переписки Христофора и Ивана
Лазаревых с разными лицами

РГАДА, ф. 1252, оп. 1, ч. 2, д. 4390

1.

(л. 201-202)

Милостливый государь Христофор Екимович!

На сих днях, куда следовало, представил я нашу Армянскую Историю при следующем отношении:

* Следующие два слова не поддаются прочтению, предположительно: «сих сочинениях».

† Следующие два слова не поддаются прочтению.

‡ Следующие два слова не поддаются прочтению.

** Следующее слово не поддаётся прочтению.

«Сообразно великодушному вниманию, обращаемому его высокопревосходительством Г. Ген.-Адъют. Бенкендорфом на всеусерднейшее мое прошение и сообразно благословенному извещению под № 2116: честь имею представить для благоусмотрительного прочтения первую часть: Обозрения Истории Армянского народа.

Сочинитель, вышеупомянутый историк С: Г:
22 июня 1832

с: п:

При извещении о приходе моём в канцелярию благосклонный Александр Николаевич сам выбежал и принял нашу историю.

В полном уверении на правоту дела моего не буду^{††} (...) перепрочтения. Из набежавших туч, луч солнца блестит яснее. Эта эмблема нашей истории.

М:Г: Ивану Якимовичу и всем вашим искренний поклон. С истинным почтением, честь имею быть

Вам,
усердный слуга,
Сергей Глинка.

30 июня 1832 г.
С. Петербург.

2.

(л. 237-238)

Милостивый государь,
Иван Якимович!

Непредвиденная судьба, избрав меня жертвою, чтобы содержать, лечить и похоронить студента Любимова, воспитанника богача Ильинского: довела семейство моё до пагубной пропасти. Сверх того жена моя должна ехать в Петербург за больною дочерью. В сих неимоверно бедственных обстоятельствах сопряжённых с необычайною тяжбою по делу Любимова, Историк Армянского народа умоляет Вас и в лице Вашем и

^{††} Следующие два слова не поддаются прочтению.

брата Вашего: благодетельными устами прикажите ссудить меня за-имообразно пятьюстами рублями. 250 отдам в июле, а остальное в январе 1834 г. <...>

К семейству почтенных Лазаревых сохраню непоколебимо сию благодарность. А притом я готов безмездно на какой-нибудь новый труд относительно к возрождающейся области Армянской.

Сискренним и глубочайшим почтением,
честь имею быть,
Вам,
покорнейший слуга,

1 мая 1833. Сергей Глинка
г. Москва. Живу в приходе Воздвиженья
на Овражках на Девичьем полс
в доме Астракова

3.

(л. 247)

Милостивый государь Иван Иванович!

Честь имею отвечать Вам:

- а) Билет на 1-ую книгу отделов немедленно получите¹;
- б) 2-ой части Истории Армянского Народа отпечатано 15 листов. Г. Глинка еще хочет кое-что написать; теперь оригинала у нас в типографии нет, и когда кончится эта история - Бог весть!
<...>

Ваш
Милостивый Государь

11 Июня 1833 преданнейший и покорнейший слуга

[Москва]

Иван Краузе.

¹ Речь идёт о книге «Собрание актов».

* По-видимому, ошибка в тексте документа: не Иван Иванович, а Иван Екимович.

№ 21

Письмо С.Н. Глинки Х.Е. Лазареву
Арешян С.Г. Армянская печать и царская цензура¹.

(С.397)

Помня радушные приемы Ваши и почтенного вашего брата Ивана Иоакимовича, по влечению благородного сердца поздравляю Вас с наступающими торжественными праздниками. Искренне желаю, чтобы на берегах Невы обитали с Вами все удовольствия жизни.

В Москве не отыскал Грузинской истории. Не попадетсЯ ли она Вам под руку в Петербурге? Есть в ней события, прикосновенные к армянской истории, а поэтому мне она и нужна. Записок моих оканчиваю шестую часть, да куда их деть?²

Я отжил на поприще чернильном. Но армянская моя история будет жить под небосклоном европейским. Перо Ивана Федоровича передаст се Европе, а я почитаю ее вещим произведением пера моего.

Прошу Вас поздравить от меня графа Александра Христофоровича [Бенкендорфа] и его превосходительство Александра Николаевича Мордвинова³.

Храню напоминание о благосклонности их. Равномерно поздравляю все ваше семейство.

«Но радостью цвета на берегах Невы,
Не забывают там Москвы.
Москва давно сроднилась с вами -
Я это говорю и прозой и стихами».

С истинным почтением честь имею быть
Ваш усердный слуга Сергей Глинка.

Москва. 23.12.1832

¹ К сожалению, в архивном деле Абамелек-Лазаревых этот документ

² Речь идет о И.Ф. Краузе.

обнаружить не удалось, т.к. в книге С. Арешян ссылка даётся на фонд Лазаревых без указания описи и номера дела.

² Речь идёт об автобиографических записках С.Н. Глинки.

³ Мордвинов А.Н. (1792-1869) – граф, в 1830-х годах управлял делами III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, позже статс-секретарь, сенатор.

№ 22

Материалы об издании истории Армянского народа (рукописные заметки, записки, справки)¹

РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 532

(в Московскую контору)

Записки, о печатании Историй Армянской, Отделов
№ 10. Разные бумаги и сношения, кои любопытны и следует
разместить и напечатать поприличнее*.

1.

(л. 2-3 об.)

Записка на книги и на рукописи об Армении²

Для составления новой Истории или нового общего обозрения
Большой и Малой Армении и Царства оной со всеми нужными
сведениями и обстоятельствами, основанными на доказа-
тельствах, при сем прилагаются материалы, состоящие из книг
и из рукописей. Оные суть:

1. Любопытные извлечения из древней Истории о Азии,
изданные в Париже в 1806 году и переведенные на Российский
в 1816 г. в С.Петербурге³.

2. Та же книга о древней Истории Азии в подлиннике на

* Из вставки рукой Х.Е. Лазарева можно судить, что часть такого
рода папок с вопросами и ответами Лазаревых доставлены священнику
Архангельскому.

французском языке: *Recherches curieuses sur l'histoire Ancienne de l'Asie*.

3. Краткое Историческое и Географическое описание Царства Армянского, изданное Яковом Шамировым на Армянском, переведенное на Российский Варлаамом Вагановым. СПб., 1786⁴.

4. *Essai sur la langue Armenienne* par M. Belland. a Paris 1812⁵.

5. Исповедание Христианской веры Армянския церкви, Архиепископа Иосифа Князя Аргутинского-Долгорукова⁶. Издана в 1799 г.⁷.

6. Христианские изыскания в Азии - доктора Буканана, перевод с Английского. Заключает сведения об Армянах в Индии. Издана в 1815 году⁸.

7. Опыт начертания Истории Царства Армянского. Издана в 1827 году⁹.

8. Французская книга *Discours sur l'histoire Ancienne*¹⁰. В коей кратко об Армении повествуется.

9. Начало выписки из книги: любопытные извлечения о древней Азии, в коей посторонние предметы устранены. //рукопись//

10. С Армянского перевод: краткое описание Армении, вновь извлеченное из Армянских и французских писателей и с кратким летоисчислением. //рукопись//

11. Перевод с Армянского: краткое Обзорение Символа веры и догматов Армянския Церкви с показанием на доказательствах сходствия с Греко-российскою Церковью и с пояснением в чем и какие несходствия в частных обрядах. //рукопись доставить//

12. Книга: Молитва Святого Патриарха Нерсеса¹¹, заклучает в предисловии о начале Христианства, о Церкви и о вере Армянского Исповедения, чем весьма можно руководствоваться и воспользоваться, ибо на доводах.

13. Общие сведения о Главном Духовном Управлении Армянской церкви, от начала оной, с основания царства и до введения Христианства и до настоящего положения как в Армении, так и в других странах, равно и в России существующих Армянских Епархий //рукопись доставить впреред//

14. Краткая выписка из книги: Памятник событий в

Церкви и Отечестве. Соч. Орлова¹². В сей выписке показано, что правильное и что несправедливое повествуется об Армении и Армянах. //рукопись после доставить//

15. Выписка на Французском языке из Лексикона знаменитых лиц, в числе коих достопамятные из Армянской нации.

16. Lettres sur le Caucase et la Georgie suivies d'une relation d'un voyage en Perse en 1812. Hambourg¹³. //выписка в рукописи//

17. В связке разные бумаги до Армян и до вероисповедания их, из коих любопытное и нужное почерпнуть смотря принадлежности. //В подлинниках, а другие в копиях впредь доставить//

18. Акты, относящиеся до заключения мира с Персией, рескрипт на имя Архиепископа Нерсеса¹⁴ и указ о наименовании новопокоренных Ханств Армянскою областью и о включении оной в Императорский титул.

19. Грамота Архиепископу Нерсесу.

20. Voyage dans l'Asie mineure, l'Armenie et le Courdistan, dans années 1813 et 1814; par John Macdonald Kinnair. Paris. 1818. - Deux volumes¹⁵. Содержится об Армении.

2.

(т. 13-13 об.)

Реестр бумагам, доставляемым при сем
Сергею Николаевичу Глинке

1. Бумаги о религии и Церкви Армянской
2. Грамоты Армянскому народу.
3. Бумаги о Епархиях и Церквях Армянских, равно и о Церковных зданиях.
4. Прошения на Высочайшие имена Российских Государей (Сшитые вместе бумаги).
5. О Григоропольских Армянах
6. О Кизлярских Армянах
7. О Нахичеванских Армянах
8. О Дербентских Армянах
9. Об Астраханских Армянах

10. Об Армянском народе и о вероисповедании онога разные выписки из книг Исторических и других. В том числе из Карамзина, Иннокентия, Орлова, Полевого и пр.

11. Разные сведения относительно Армении, земли, городов и мест также и народа, почерпнутые из разных фактов.

12. Отделы I и II заключающие собрание узаконений, Рескриптов и пр.

13. Отдел III. Собрание Высочайших Грамот и разных актов.

14. Отделы IV и V. Описи Армянским делам, хранящимся в Архиве Коллегии Иностранных дел.

15. Отдел VI. Политические и Исторические записки об Армении; водворение Армян; Епархиях и Духовенстве.

16. Отдел VII. Политические сношения с дополнением точных актов. 26 июля 1831.

Получены обратно:

Августа 17го – № 1, 2, 4 и 13 чрез И.Ф. Краузе Января 2 1832 - снова доставлены первые 16 №№

3.

(л. 15)

Заглавие может быть книги Г. Глинки

1 и 2-й частей

«Обозрение Истории древнего Армянского Царства, от начала существования народа Армянского до возрождения области Армянской в России»

3-й и 4-й части

«Собрание Актов, относящихся к Обозрению Истории Армянского народа»

Другая особенная впрямь церковная книга; заглавие может быть:

«Историческое, Догматическое и таинственное изложение исповедания Христианския веры Православныя Католическия Восточныя Армянския Церкви»

Примечание: В сих заглавиях когда нужно, при окончании книги снести по Истории с Г. Глинкой и с Г. Краузе, а по церковной книге со Священником Архангельским, и тогда распорядить и кончить.

Соблюсти

(л. 16-17 об.)

26 июля 1831 г. доставлены С.Н. Глинке следующие бумаги*:

¹ Это архивное дело включает в себя, по-видимому, лишь часть обширной переписки между Петербургской и Московской конторами Лазаревых по вопросу издания истории Арменнии. А так как рассматриваемые нами здесь документы данного архивного дела представляют собой собранную по тематической принадлежности переписку, поступившую в Московскую контору с 1831 по 1834 г., они, следовательно, не охватывают всего периода работы. Весьма вероятным является предположение о существовании такого же рода документов - ответной корреспонденции и переписки и в Петербургской конторе, поскольку рассматриваемая здесь подшивка документов архивного дела имеет номер (№ 10), т.о. должны были быть и другие папки с подобными документами. К сожалению, в архивных документах Петербургской конторы Лазаревых этих недостающих дел обнаружить не удалось.

² Список книг и документов «Записки» охватывает часть известных в то время работ, касающихся армянского народа и его истории. Эти работы составляли основной круг источников «Обозрения истории» С.Н. Глинки, а позже были включены в «Собрание актов». Из пояснения к «Записке» видно, что литература и документы пересылались из Петербурга в Москву, по всей видимости, для предоставления Глинке и Священнику Архангельскому. Это подтверждается в документах № 22.1, 22.3. Адресаты этой записки не владели армянским языком, поэтому ряд сочинений и выписок из книг армянских писателей представлен в переводах (в то время, как сочинения западноевропейских авторов – в

* Далее следует текст документа, содержащегося на л. 13-13 об. данного дела

оригиналах). «Записка» представляет интерес не только потому, что знакомит с главными источниками армянской истории, но также и тем, что содержит краткие пояснительные комментарии Лазаревых.

³ Заглавие книги даётся в примеч. 3 к док. № 27. В списке книг и материалов об Армении, состоящем из 20 пунктов, эта книга упоминается трижды.

⁴ См. примеч. 2 к док. № 27.

⁵ Краткие очерки об армянском языке. М., Вилланд. Париж, 1812 г. (перевод наш. - С.С.).

⁶ Иосиф Аргутинский (1743-1801) – архиепископ, с 1773 по 1800 гг. епархиальный начальник обитающих в России армян, видный деятель армянского национально-освободительного движения, убеждённый сторонник русской ориентации. В 1800 г. избран католикосом всех армян.

⁷ Исповедание Христианской веры Армянския церкви, переведенное на армянский язык и изданное тщанием преосвященного Иосифа, Архиепископа всего армянского народа, обитающего в России и Кавказе, князя Аргутинского-Долгорукова. СПб., 1799.

⁸ Христианские изыскания в Азии, с известиями о переводе священного писания на восточные языки. Сочинение доктора Клавдия Букинина, Вице-Президента Форт-Виллиамской Академии в Бенгалии и члена Азиатского общества. Перевод с английского. СПб., 1815.

⁹ Арзановы Я. и Д. Опыт начертания истории Царства Армянского. Древняя история, украшенная 26-ю гравированными картинами. М., 1827.

¹⁰ Очерки древней истории (?).

¹¹ Имеется в виду книга: [Шнорали] Молитва св. патриарха Нерсеса. Издана на 11-ти языках: армянском, русском, греческом, грузинском, сербском, французском, немецком, английском, латинском, итальянском, венгерском, турецком. М., 1830. Русский перевод «Молитвы» с параллельным армянским текстом имелся также в армяно-русском словаре Халдаряна: Книга, которая называется «Стезя языкознания». СПб., 1788.

¹² Орлов Я.В. Памятник событий в церкви и отечестве, содержащий в себе: историю церковных праздников, жития святых, историческое изображение греко-российской церкви и духовенства, деяния всех российских государей, славные подвиги полководцев, жизнь знаменитых министров и ученых мужей. отличия дела людей всякого состояния и вообще отечественныя достопамятности каждого дни в году, случившиися от времен Рурика до вступления в Париж с победоносным воинством государя императора Александра Перваго. Сочиненный всеобщей и церковной истории профессором, коллежским ассессором и кавалером Яковом Орловым. Ч. 1-5. СПб., 1816.

¹³ Письма о Кавказе, Грузии и о путешествии в Персию, совершенном в 1812 году. Гамбург, 1816 (франц.).

¹⁴ Нерсес Аштаракци (1770-1857) — выдающийся деятель армянского освободительного движения, католикос всех армян (1843-1857).

¹⁵ Путешествие в Малую Азию, Армению и Курдистан в 1813-1814 г. Джона Макдональда Киннейра. Париж, 1818 (франц.).

№ 23

Об истории Армянского народа, сочиненной Сергеем Глиной ГАРФ, ф. 109, 1-я экспедиция, оп. 1832, д. 188'

1.

(л. 4, 4 об.)

Милост. Гос. Христофор Якимович!

Распускают громкую молву, будто бы моя Арм. история заражена каким-то буйственным либерализмом. Не входя ни в какие объяснения, прошу Вас и убеждаю препроводить историю мою к Его Высокопрев. А.Х. Бенкенд., дабы по великодушию Его препоручено было перечитать снова какому-нибудь из чиновников, имеющих счастье служить под благодетельным его начальством.

Я уверен, что Вы удовлетворите просьбе моей: ибо и Вы и Я, мы свыше жизни нашей дорожим добрым именем и благосклонным мнением великого Госуд[аря].

Письмо моё можете [отправить] в подлиннике к ревностному защитнику невинности пред лицом Царя Правды.

С истинным почтением честь имею

быть Ваш покорнейший слуга

С. Глинка

13 апр. 1832

Москва

2.

Там же*.

Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь Александр Христофорович!

13 апреля доставил я Христофору Я. Лазареву письмо, в котором просил его, чтобы исходатайствовал у Вас милость и представлении перепрочтения напечатанной части моей Истории Армянского народа, какому-нибудь из чиновников, имеющих счастье служить под благодетельным Вашим начальством.

Причиною этому послужила распущенная молва: будто бы моя история Армянского народа наполнена каким-то буйственным либерализмом.

А потому, дорожа добрым мнением великого Государя свыше жизни моей, прошу Вас, как ревностного защитника невинности перед лицом Царя Правды: исходатайствовать мне высочайшую милость: дабы и Армянская моя история, и находящиеся у меня рукописи, представлены были чтению кому-нибудь из чиновников Вашего начальства, к которому во всех отношениях питаю уважение и полную доверенность.

С глубочайшим почтением честь имею быть Ваш Вашего высокопревосходительства покорный слуга

С. Г[линка]

14 апреля [1832] Москва

3.

Там же*.

Его Высокопревосходительству Г. Ген.-Адъют. Александру Христофоровичу Бенкендорфу.

Статского Советника Лазарева:

Вынужден, будучи убеждениями Г. Глинки издателя книги Обзорные Армянской истории, осмеливаюсь при сем приставить Вашему Высокопревосходительству в подлиннике письмо его

ко мне. - Сочинение заключает бытописание древней Армении до возрождения Армянской области в России. Опасения его произошли от неблагонамеренной молвы. Хотя цензура, оканчиваемую первую часть пропустила согласно установленным правилам, но он, Глинка, просит благоволить еще через начальство Ваше подвергнуть просмотру, чтобы от недоразумений не повстречалось впредь каких-либо неприятностей. Намерения сочинителя Г. чисты, и кажется далеки от мнений противных общественному порядку. Ваше Высокопревосходительство, не признаете ли нужным приказать в СПб. или же кому из здешних Ваших чиновников - прочесть сию книгу. Г. Глинка дорожит мнением начальства, а тем более благотворными мыслями Августейшего монарха коего щедротами при появлении трудов он многократно пользовался.

Статский Советник Лазарев.

[16 апреля 1832]

4.

(г. 5, 5 об.)

Ваше Превосх. Милост. Гос. Алекс. Христ!

Принося душевную благодарность за внимание Ваше к моему прошению, долгом почитаю известить Вас, что около 20 мая доставлю Ист. Арм. нар. лично в Петерб., куда отправляюсь по семейственным моим обстоятельствам. При сем прилагаю на основании Высочайшего Манифеста, воспоследовавшего 1826 года июня 13; скромные мои замечания о цензуре.

Счастливым себя почту, если усердие моё будет иметь какой-нибудь успех, в то время, когда Вел. Гос. примером своим воодушевляет всех и каждого рвением к общей пользе. Ваше благодетельное начальство содействует к сему подвигу, возбуждает единодушное к себе уважение, всегда заключающееся в моём сердце.

С глубочайшим почтением честь имею быть Вам

Ваше Высоко[превосходительство]
покорный слуга

22 апр. 1832

С. Глинка

Москва

* В представленном архивном деле отсутствует сквозная нумерация листов.

* В данном архивном деле представлены две группы документов:

- переписка о вторичной цензуре книги Сергея Глинки «Обозрение истории» - апрель 1832 года.;

- переписка по поводу рассмотрения материалов из «Собрания актов» Цензурным Комитетом (июнь-июль 1837 года).

Таким образом, эти два автономных дела были объединены общим названием, которое неверно отражает содержание приведенных в нем документов.

№ 24

Дело по представлению Московского
цензурного комитета о книге «Обозрение
Армянской истории»

РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 597

1.

(л. 1, 1 об.)

Представление Московского Цензурного
Комитета в Главное Управление Цензуры

Г. Цензор Цветаев¹, при представлении в комитет из Типографии Г.Г. Лазаревых книги, подзаглавием: Обозрение Армянской истории и проч. и при ней Собрание актов, относящихся к той истории, для получения билета на выпуск оных в свет, прежде подписания того билета, донес комитету, что по отпечатании упомянутого собрания актов прибавлено к оному было (...) предуведомление, из которого он, Цензор, усмотрел, что некоторые отделы, на которые то собрание разделяется, содержит

в себе извлечения из нового собрания законов Сенатских и Академических ведомостей, из Алфавитного и Хронологического указателей законов, из дел Московского Архива Государственной коллегии иностранных дел и подлинные документы касательно Армянского народа; что вследствие сего отношения он Цензор к Г. Статскому Советнику И.Я. Лазареву с запросом: имел ли он позволение от Высшего Начальства на издание в свет всего вышеописанного? и что Г. Лазарев на таковое отношение по его Г. Цензора отвечал, что рассматриваемая Г. Цензором Цветаевым книга собрание актов, относящихся к Обозрению..., была уже представлена в СПб-ге Статским Советником Христофором Лазаревым в Министерство Народного Просвещения и во [II] отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии Г. Действительному Тайному Советнику М.М. Сперанскому и к Статс Секретарю Белуглянскому в том, предположении, чтобы со стороны означенных мест и лиц не встречалось каких-либо затруднений при выпуске в свет той книги, заключающей в себе извлечения из собрания законов и из описи Армянских дел, и что он Статский Советник Христофор Лазарев везде получил одинаковые отзывы, что книга сия содержанием своим не противоречит правилам Устава о Цензуре, может быть выпущена Цензором; спрашивающим оную без особенного испрашивания на выпуск ея, разрешения от Вашего начальства. Несмотря, однако же, на таковое удостоверение Г. Лазарева, Г. Цензор Цветаев, не подписав билета на выпуск в свет вышеозначенной книги, представил дело сие на благоусмотрение Комитета, который ныне, вследствие предписания Г. Управляющего Мин. Нар. Просв. от 22.03.1833, имеет честь представить обстоятельство сие на рассмотрение Гл. Упр. Цензуры.

Правящий Должность Председателя Помощник
Попечителя Московского Учебного Округа – Голохвостов.
Секретарь Адъюнкт Ник. Топоров
[7 октября 1833] [Москва]

2.

(л. 3)

Отношение в Департамент народного просвещения

Московский Цензурный Комитет представил в Главное Управление Цензуры о сомнении своем выпустить в свет книги: Обзорение Арм. Истории, с приложением к тому Собрания Актов. С [В] сим представлении Комитет [упоминается], что Издатель [Вам] объявил, будто она была уже представлена Статс. Сов. Хр. Лазаревым, в Мин. нар. просвещения. Так как в Главном Управлении Цензуры никакого [билета] (...) о сей (...) [не приходило: до Канцелярия Управления] по (...) Его Пре-в Управляющего (...), имеет честь и [разрешение] просить Департамент нар. (...) об уведомлении, не поступали ли [почерпнутые] книги в оный и, [в сим] случае, какое последовало по оной решение.

[Списал] (...).

13 октября 1833

3.

(л. 4)

Ответ на оное

В Канцелярию Главного Управления Цензуры:

На отношении оной от 13-го сего октября о доставлении сведения касательно книги обзорение Армянской Истории, департамент народн. Просвещения честь имеет уведомить, что по точнейшей выправке в делах оногo, никакого производства о сей книге не оказалось.

Управляющий Департаментом

Кн. Ширинский [М]

20 окт. 1833

4.

(л. 9, 9 об.)

Отношение к Его высокопревосходительству
М.М. Сперанскому

Милостивый Государь Михаил Михайлович [Сперанский]!

Московский Цензурный Комитет представил о сомнении оного дать дозволение на выпуск в свет книги Собрание актов..., в которой (...) содержат в себе извлечения из Нового Собрания Законов, изданные II-ым Отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии, также из Сенатских и Академических ведомостей и различных других (Грамот) и документов, относящихся до Армянского народа. Хотя я со своей стороны не вижу препятствий к выпуску из Типографии сей книги; почитаю, однако же, нужным препроводить оную предварительно на благоусмотрение Вашего Прев^{ва}, покорнейше прося об уведомлении меня, не можете ли встретить со стороны II Отделения какого-либо затруднения к выпуску в свет помянутого Собрания актов.

С совершенным почтением имею честь быть Вашим высокопрев^{ва} покорнейшим слугою

С. Уваров²

9 Декабря 1833

5.

(л. 10) /

Ответ на оное

Милостивый Государь Сергей Семенович!

Возвращая при сем Собрание актов.... часть I, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я поручал рассмотреть сию книгу одному из чиновников II отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, отзыв его о ней при сем прилагается.

С совершенным почтением честь имею быть Вашего

Превос^{ва} покорнейший слуга М. Сперанский
9-го Марта 1834
Его Превосх. С.С. Уварову

¹ Цветаев Л.А. (1777-1835) – юрист, писатель, профессор Московского университета, с 1828 г. – цензор Московского цензурного комитета.

² Уваров С.С. (1786-1855) – государственный деятель, граф (1846), президент РАН (1818-1855). Автор работ по древнегреческой литературе. В 1832 г. назначен заместителем, а с 1833 по 1849 гг. – министром народного просвещения и председателем Главного управления цензуры.

№ 25

Рецензия М.А. Максимовича на кн.: «Две
повести в стихах, почерпнутые из древних
Арм. Летописей»

Телескоп. 1831. Ч. III. № 9

(С.110-111)

Известный писатель наш С.Н.Г., славившийся в свое время патриотическим энтузиазмом, возвышающимся до поэтического одушевления, посвящает ныне досуги свои спокойному испытанию Армянских летописей... Но поэзия, обратившаяся в его стихию, взяла верх и здесь; так что первые впечатления, почерпнутые из Арм. Истории, изменились обратно из души его в двух лирикоэпических повестях. Герой первой из них есть Гайк, современник и сокрушитель Немврода; герой второй – Ардоад или Адоад спаситель Армении и отечества от Ал. Македонского¹. Распространяться о достоинстве сих песнопений нечего: имя поэта есть уже достаточное ручательство. Прибавим только, для их читателей, что мы слышали отрывки из самого обозрения Армянской Истории, внушившего поэту сии песнопения; и сознаемся торжественно, что в отрывках сих нашли более философии и высших взглядов, чем сколько можем ожидать

от иной целой Истории гораздо большего и знаменитейшаго народа².

Максимович Михаил Александрович (1804-1873) – писатель, исследователь древнерусских и украинских летописей, этнограф, издатель альманаха «Денница» (1830, 1831, 1834).

¹ Ардоат (317-284 до н.э.) – легендарный правитель древней Армении.

² Автор рецензии, говоря об отрывках «из самого обозрения Армянской истории», по-видимому, имеет в виду книгу Мовсеса Хоренаци «История Армении».

№ 26

**Рецензия на книгу: «Две повести в стихах,
почерпнутые из древних Арм. Летописей»
Московский Телеграф. 1831. № 6**

(С. 243-244)

К числу строгих выхонок нашего недоверчивого века принадлежит сомнение о достоверности многих старинных летописей. «Какие летописи!» – восклицают нынешние скептики – «все подделано!»¹. Верить ли после сего древним Армянским летописям, из коих С.Н.Г. почерпнул свои повести? Почему же нет?

Из Предсудеждения, с удовольствием узнаем, что С.Н.Г. занимается ныне Армянскою Историею; он с восторгом говорит об ней. Желаем почтенному автору успеха; на слово верим, что две повести нашего поэта-космополита по его литературным занятиям, точно взяты из Армянских летописей, и скажем читателям, что в первой описана брань Армянского Царя Гайка с Немвродом; в другой освобождение Армении от ига наследников Александра Мак.. Ардоатом. Если точно так поступали, говорили и пели Армяне в такие старые годы, как изображает С.Н.Г., - то честь им! Они перешеголяют многие

народы древностию образования и гражданственности.

¹ Под «нынешними скептиками» подразумеваются последователи «скептической школы» в историографии, основанной М.Т. Каченовским (1775-1842). «Скептики» утверждали, что историческая наука, не только нравоучительное повествование, она должна строиться на серьёзном анализе и критике исторических источников.

№ 27

Рецензия О.И. Сенковского об «Истории армянского народа» С.Н. Глинки¹

Библиотека для чтения. 1834. Т. VII. № 11-12

(С. 32-34)

[...] С Кавказа не далеко уж завернуть и в Армению¹. Вот почему. При сей верной оказии, мы скажем несколько слов об «Истории Арм. народа» С.Н.Глинки. Мы не долго будем оставаться в Армении, где впрочем, и делать нечего.

Нужно быть сердитым и кровожадным, как тигр, чтобы запустить острые критические зубы в такое невинное творение, как «Ист. Арм. народа», которая преспокойно лежит перед нами. На Г.Глинку гневаться невозможно. Он так страстно любит человека и человечество, так пламенно желает людям добра и ненавидит войну. Ссоры, кровопролития, так добродушно верит всему, чему верят Армяне,- даже тому, что Турки и персияне питают к ним уважение, - что обезоруживает вас своим чистосердечием при первых страницах. И даже заставляет смеяться от чистого сердца. Этот почтенный Славянин Белус, или Бел, называемый в Библии Немвродом, очень забавен, несмотря на то, что он душит бедных его Армян. Мы повстречались в этой Истории с Кур-де-Жебленом, журналом des Debats и другими столь же знаменитыми историками, которых беседа весьма приятна и назидательна. Жаль только,

что тут не было Г. Сен-Мартена, который так умно рассуждает об Армянской истории. Вместо его, автор позвал двух Армян, Шанана Цирбита и Якова Шамирова², препустых компиляторов, хвастунов, прямых Азиатцев, и заставил их рассказывать дела своего народа, а сам сел слушать их и верить. Как жестоко надували они доброго и человеколюбивого хозяина, вы можете судить по следующим немногим обстоятельствам: они уверили его, что Авгарь был Царь Армянский; что Армяне приняли Хр. Веру в самом начале нашей эры, что Тамерлан был Армянин и тому подобное. После этого стоило только выбросить Цирбита и Шамирова в окошко! Но автор так снисходителен, что выслушал их до конца с удивительным терпением, и еще списал верно все их бредни, приправил их мыслями Нибура, Гердера, Герена, Гизо и напечатал.

История Армян, которых государство находилось внутри Азии, и имело постоянные сношения с разными древними и новейшими народами той части света; которые были свидетелями всех ее переворотов и нередко их жертвами, которые подобно Евреям, от глубокой древности и до наших времен всегда и везде сохраняли свой народный, самобытный характер, несмотря на рассеяние их племени по всем танам вселенной; которые никогда не забывали своего отечества, и писали об их бедствиях, о своих страданиях, о поступках с ними их разноплеменных притеснений, - такая История, озаренная факелом критики, - чрезвычайно важна для наук Европейских, и достойна всего нашего любопытства. Мы искренно сожалеем, что автор, вместо грубых сказок Цирбита и Шамирова, не перевел нам превосходного сочинения Г.Сен Мартена³.

Судя по заглавию, - «Об...».- мы полагали сначала, что это будет панегирик раненному народу, во славу его представителей. Но предисловие тотчас вывело нас из заблуждения: автор спешит объявить, что он не имеет в предмете писать панегирик, а сочиняет чистую Историю. Впрочем даже и эта предосторожность была не нужна, подобная книга ни кем не может быть принята в похвалу себе. Но нет худа без добра: даже и в этом сочинении есть хорошие

места, заслуживающие внимания любителей Истории. Сведения, собранные автором в отношении русского Правительства к Армянам со времен Петра Великого, и о действиях фамилий ГГ Лазаревых на пользу своего народа, очень любопытны.

Сенковский Осип-Юлиан Иванович (1800-1858) – русский писатель, журналист, путешественник, один из основателей русского востоковедения. В 1834-1847 – редактор и издатель журнала «Библиотека для чтения».

¹ В начале рецензии речь шла о кн. Броневского «История Донского Войска, описание Донской Земли и Кавказских минеральных вод» далее переходит к теме истории Армении.

² Имеется в виду книга «Краткое историческое и географическое описание царства Армейского из древних писателей сего народа, яко верных источников, собранное и на Арменском языке, в Индии изданное Яковом Шамировым, а ныне с арменского на русский язык переведенное Подпоручиком Варлаамом Вагановым. СПб., 1786».

³ Рецензент обвиняет автора в добродушии и чрезмерной доверчивости. Выражая сомнения в достоверности используемых им источников, сетует на то, что вместо упора на труды историка Сен-Мартена, Глинка «позвал двух армян, Шанана Цирбита и Якова Шамирова, препустых компиляторов, хвастунов, прямых Азиатцев» и т. п. О.И. Сенковский, на наш взгляд, демонстрирует в данном вопросе недостаточную компетентность: книга «Любопытные извлечения из древней истории об Азии», широко использованная Глинкой при составлении «Обозрения истории», является трудом, написанным Шаганом Чирбетом (Ш. Джерпетяном) совместно с Сен-Мартеном. См.: Чирбет Шаган и Сен-Мартен «Любопытные извлечения из древней истории Азии, почерпнутые из восточных рукописей, хранящихся в парижской библиотеке, и из иных источников. Изданные в Париже, на французском языке, в 1806 году, а ныне переведенные Александром Худобашевым. СПб., 1816». Несмотря на резкий, недружелюбный тон рецензии, в отзыве О.И. Сенковского, на наш взгляд, можно увидеть понимание необходимости популяризации истории армянского народа в России.

№ 28

Касса (кассовая книга) Санкт-Петербургской Главной конторы

РГАДА, ф. 1252, оп. I, д. 4120

Лист Архивного дела	Дата записи	Содержание записи
1.	Январь 1833	- г-ну Краузе на покупку бумаги для Армянской истории – 400 руб. и за переплёт Священной истории – <u>100 руб.</u> 500 руб.
6.	Май 1833	Со счета Московской конторы получено из Церковной кассы, вместо выданных в Москве в минувшем апреле г-ну Краузе на покупку бумаги, для напечатания 2-й части отделов - 504 руб., и по счету за напечатание Армянской Церковной истории и отделов и за прочее - 1769 руб. 78 кол.
9.	Июль 1833	Со счёта Моск. конторы получено из Церковной кассы вместо выданных в Москве за провод 44 руб. и употреблённых чрез Г. Краузе для ускорения выпуска из Цензуры 1 тома отделов – 168 руб.
26	Сентябрь 1834	- Со счета Московской конторы получено из Церковной кассы, вместо выданных в Москве за переплет 84 книг Истории Глинки – 86 руб.

Надпись - резолюция сделана на оборотной стороне записки

№ 29

Счётная (книга) Санкт-Петербургской
Главной конторы:

РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 4121

Лист архивного дела	Дата записи	Содержание записи
9	-	- Всего долгу за А.М. Худобашевым состоит – 22.500 руб., из коих исключено положенных ему на квартиру за сей год 1000 руб. и за Собрание Законов, относящихся до Армянской нации – 1500 руб.
77	20.12. 1833	<u>Счёт общих расходов в Москве</u> - за два билета на книгу записки СНГ от 1775 по 1834 – 68 руб. 40 коп.
		<u>Счёт переводных сумм</u>
	14.01. 1834	Г-ну Краузе на бумагу для Арм. ист. – 400 руб.
	03.03. 1834	Выдано в Москве за переплёт 959 экз. Арм. истории, на счёт здешней Церковной кассы – 479 руб. 50 коп.
	19.04. 1834	Выдано в Москве для получения из СПб-ой Церковной кассы г-ну Краузе: - на бумагу для напечатания II части отделов – 504 руб.
29.04. 1834	- За отпечатание Армянской Церковной истории и Армянских прописей – 749 руб. 70 коп. - напечатание отделов – 4р. ¹ 1.020 руб.	
78	16.09. 1833	<u>Счёт переводных сумм</u> Выдано в Москве на счет СПбургской Церковной кассы - Г. Глинке за прибавочных 3 листа Армянской истории.
	04.11. 1833	- На счет СПбургской церковной кассы: Г-ну С.Н. Глинке за сочинение Армянской истории - 1.095 руб.
	14.11. 1833	- В типографию института за набор и напечатание 17-ти лл. 2-й части Арм. истории - 340 руб. - за веленевую бумагу - 33 руб. 55 к. - за набор 40 листов 2-й части отделов - 800 руб.

¹ Так в тексте.

¹ Выдержки из документов № 28 и № 29 представлены нами в виде таблицы. Документы свидетельствуют, что издание вышеотмеченных книг по истории Армении полностью субсидировалось Лазаревыми.

№ 30

Письма разных лиц Христофору
Екимовичу Лазареву

РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 736а

1.

(л. 81-81 об.)

Ваше Превосходительство,
милостивый Государь,
Христофор Якимович!

Приветствуя Вас с новым годом, желаю, чтобы благодатная судьба более и более озаряла пути Вашей жизни. Того же желаю и всему Вашему семейству.

Думаю, что Вы прочитали в Библиотеке для Чтения не разбор, а пустословие о нашей Армянской Истории. Г. Критик¹ требует, чтобы (...) Армянского народа самобытность подавал я наряду с самобытностью иудеев.... Со временем возражу. А теперь только скажу, что я сочинял Армянскую Историю на следующем основании:* (...).

Ссею же почтою пишу к Михаилу Михайловичу Сперанскому. Чин его – бессмертие. А Вы приветствуйте его от меня лично. Живу в Смоленске, но мыслию часто бываю с Вами: с глубочайшим почтением, честь имею быть

Вам

Ваше Превосходительство
Усррднейший слуга
Сергей Глинка.

22 декабря 1834 г.
Смоленск.

2.

(л. 215, 215 об.)

Привыкнув Вас

и любить и уважать и отпрапляясь, если даст Бог, завтра в Москву, я заезжал к Вам, дабы, что-нибудь передать от Вас почтеннейшему Вашему брату. А вот просьба. Мне нужно Ангелу Наследнику Престола доставить Армянскую Историю². Итак, дайте записочку, чтобы выдали мне экземпляра три* (...).

S. Glinka.

Живущий на Сергеевской улице в доме L. Болдар(...)
[Б.Д.]

Из института выдать Сергею Николаевичу Глинке три экземпляра Армянской Истории им. г-ом Глинкой написанные.
8 февраля 1838 г.

* Далее следует фраза, не поддающаяся прочтению (на франц. яз.).

¹ Речь идёт о Сенковском О.И.

² Записка адресована Ивану Екимовичу Лазареву, и, по-видимому, неправильно отнесена к переписке С.Н.Глинки с Х.Е. Лазаревым. В ней Сергей Глинка сообщает, что не располагает экземпляром книги «Обозрение истории» в хорошем переплете для «высочайшего поднесения». Согласно существовавшей в то время традиции, автор или издатель книги «подносил» свое произведение высокопоставленному чиновнику или покровителю. Так, книга «Две повести» С.Н. Глинки была «поднесена» графу А.Х. Бенкендорфу, а «Описание переселения» – императору Николаю I. «Обозрение истории» С.Н. Глинка собирался доставить сыну Николая I – Александру (1818-1881), с 1855 – императору Александру II.

№ 31

Дело по представлению Московского
цензурного комитета о книге «Собрание
актов»

РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 975

(л. 3 об., 4, 4 об.)

// Министерство Внутренних дел
Департамент Духовных дел иностранных исповеданий //
Министру Народного Просвещения - Уварову С.¹

<...> Я нахожу токмо не приличным допустить из числа их к напечатанию бумаги, относящиеся к разрешению нескольким Магометанам, Российским подданным, принять христианскую веру Армянского исповедания, т.к. Государственными законами воспрещено обращать нехристиан, за исключением токмо Евреев и заграничных Магометан, в другое, кое-либо христианские исповедание, кроме Православного и данные по сему предмету разрешения только изъятия из общего правила, допущенные по особенным уважениям, с созволения верховной власти. Что касается проч. бумаг, то они заключают в себе только обыкновенные распоряжения по представлениям местных Армянских Епархиальных Начальств и не содержат ничего, что надлежало бы оставаться в секрете, то и полагаю, что все сие бумаги могут быть беспрепятственно помещены в «Собрании...». В одном токмо представлении ко мне Архиепископа Нерсеса от 5 июня 1831 года за № 140, с дополнительными сведениями о земле принадлежащей Старокрымскому Армянскому Монастырю Св. Георгия, Архиепископ позволил себе резкие и неприличные

выражения насчет местного гражданского начальства о пользах Армянских церквей и Монастырей, – какова можно, по мнению моему, надлежало бы выпустить...²

[подпись неразборчива]

10 июня 1837

¹ Московский цензурный комитет не дал разрешения на выпуск из печати «Собрания актов» по причине помещенных в нем документов по «делам, очень близким к настоящему времени», и направил книгу на рассмотрение в Главное Управление цензуры. Управление цензуры, относящееся в свою очередь к ведомству Министерства народного просвещения, передало книгу на «благоусмотрение» Министерства внутренних дел. Ниже приводимый документ является заключением на книгу «Собрание актов» Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

² Далее в документе отмечается, что в заглавиях некоторых бумаг в должностях и титулах официальных лиц встречаются ошибки и что это необходимо исправить.

Часть III

Приложения

1. Библиография по теме

От русской истории к истории армянского народа (С.Н. Глинка: биографический очерк)

1. А.А. Бестужев-Марлинский – Н.А. и К.А. Полевым. 14 декабря 1832 // Русский вестник, 1861, март.
2. Акопян Э.А. Арменоведение в России. Ер., 1988.
3. Акопян Э.А. Арменоведческие взгляды Радищева и С. Глинки // Литературные связи. Т. 3. Ер., 1981.
4. Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания. 1812-й год // Русская беседа. 1856. № 4. Отд. I.
5. Амирханян М.Д. Александр Кушлю, Ю. Верховский, С. Глинка, Д. Давыдкин против геноцида армян // <http://www.arax.ru/lit/glinka.html>;
6. Амирханян М.Д. Две повести в стихах Сергея Глинки // Амирханян М.Д. Россия и Армения: Очерки русско-армянских литературных отношений. Ч. 1. Ер., 2003.
7. Амирханян М.Д. Русская художественная литература об Армении. Ер., 1983.
8. Амирханян М.Д. Русская художественная публицистика об Армении. Ер., 1984.
9. Арешян С.Г. Армения в русской литературе // Советская литература и искусство. 1944. № 4-5 (на арм. яз.).
10. Арешян С.Г. Армянская печать и царская цензура. Ер., 1957.
11. Арешян С.Г. Из предыстории арменоведения в России // Известия АН АССР. Общественные науки. 1955. № 1 (на арм. яз.).
12. Арешян С.Г. Русские писатели об Армении. Ер., 1946.
13. Арешян С.Г. Сергей Глинка и армянская культура // Советская литература и искусство. 1944. № 6-7 (на арм. яз.).
14. Армянские писатели о русской литературе. Ер., 1978.

15. Архив III отделения собственной Е.И.В. канцелярии. «Об истории Армянского народа, сочинённой Сергеем Глинкой». Государственный архив РФ ф.109, 1-я экспедиция, оп. 1832, д. 188.
16. Баженова А.И. «Глинка из Глинок» // Қайсаров А.С., Глинка Г.А., Рыбаков Б.А. Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов, 1993.
17. Базиянц А.П. Лазаревский институт восточных языков. М., 1952.
18. Базиянц А.П. Создание института восточных языков в Москве (1-я пол. XIX века) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. М., 1963.
19. Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.
20. Базиянц А.П. Правда интереснее легенд. М., 1975.
21. Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых (Очерки). М., 1982.
22. Барсегов Ю. После прочитанного. Ложь на службе экспансионизма и геноцида // Армянский вестник. 1998. № 3-4.
23. Бархударян В.Б. Армянские колонии в России и их роль в армяно-русских отношениях // Из истории вековой дружбы. Ер., 1983.
24. Бархударян В.Б., Худавердян К.С. История Армянской ССР в советской исторической науке // История СССР, 1983, № 2.
25. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779-1917). Ер., 1996.
26. Батюшков К.Н. Сочинения. Т. 1-3. / Изд. П.Н. Батюшковым. СПб., 1887.
27. Батюшков К.Н. «Видение на берегах Леты» (1809) // Стихотворения. М., 1977.
28. Белинский В.Г. «Русское чтение». Отечественные исторические памятники XVIII-XIX столетия, издаваемое Сергеем Глинкой. Ч. I. СПб., в тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи. 74 стр. Русское чтение, издаваемое Сергеем Глинкой. Вып. второй:

- Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия. СПб., 1845. В тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи. 75-143 стр. // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 1955.
29. Белинский В.Г. «Русское чтение», издаваемое Сергеем Глинкою. Ч. II. Дух века Екатерины Второй. Санкт-Петербург. В тип. Штаба Отдельного корпуса Внутренней стражи. 1845 // Там же. Т. 9.
30. Белинский В.Г. Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и отечеству. Соч. С. Глинки. СПб., 1842 // Белинский В.Г. Там же. Т. 6.
31. Белинский В.Г. Русская литература в 1840 году. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. М., 1978.
32. Белинский В.Г. Очерки жизни и избранные сочинения А.П. Сумарокова, изданные Сергеем Глинкою. Ч. I. СПб., 1841 // Белинский В.Г. Там же. Т. 4. М., 1979.
33. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 г. Там же. Т. 8. М., 1982.
34. Библиография русской периодической печати (1703-1900). Материалы для истории русской журналистики. Сост. Н.М. Лисовский. Пг., 1915.
35. Божерянов И.Н. Сергей Николаевич Глинка // Русский вестник. Т. 237. № 3. СПб., 1895.
36. Болховитинов Е.А. (Митрополит Евгений) Словарь русских светских писателей соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. I. М., 1845.
37. Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001.
38. Бочкарёв В.А. Драматургия М.В. Крюковского и С.Н. Глинки...// Русская историческая драматургия начала XIX века (1800-1815). Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та. Вып. 25. Куйбышев. 1959.
39. Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. // Отечественная война и русское общество 1812-1912. Т. II. М., 1912.
40. Бумаги по передаче дел, производившихся в упразднённой Особой Канцелярии бывшей при Главномначаль-

- ствующем над Почтовым Департаментом о постоянных денежных пособиях, 1842. РГИА, ф. 472, оп. 33, д. 148.
41. Василенко А.С. Рождённый народным трибуном // Русский вестник. 2003. 19.09 (электр. версия: <http://www.rv.ru/content.php3?id=1170>).
 42. Вацуро В.Э. Пушкинская пора: Сб. ст. СПб., 2000.
 43. Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986.
 44. Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. I. СПб., 1900.
 45. Веселовский Ю. «Две русские поэмы из армянской истории» // Армянский вестник. 1916. № 46.
 46. Веселовский Ю. «Несколько упоминаний об армянах в русской поэзии XVIII века» / Очерки армянской литературы и жизни. Армавир, 1906.
 47. Веселовский Ю. Две русские поэмы из армянской истории // Армянский вестник. 1916. № 46.
 48. Веселовский Ю.А. Очерки армянской литературы, истории и культуры. Ер., 1972.
 49. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000.
 50. Володина Т.А. «Русская история» С.Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX века // Вопросы истории. 2002. № 4.
 51. Вяземский П.А. Записные книжки (1813-1848). М. 1963.
 52. Вяземский П.А. Полн. собр. соч. т. 2 (1827-1851). СПб., 1879.
 53. Вяземский П.А. Сергей Николаевич Глинка. СПб., 1847.
 54. Геннади Г. Справочный словарь о русских писателях и учёных, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1715 по 1825. Берлин, 1876.
 55. Глинка С.Н. // Вольф А. Хроника петербургских театров. Ч. I. СПб., 1877.
 56. Глинка С.Н. // Пушкинская энциклопедия. 1799-1999. М., 1999.
 57. Глинка С.Н. // Энциклопедический справочник

- «Великая Россия. Имена» / Под общ. ред. И.Ф. Залевской. Изд. 3-е, испр. и доп. М. 2004.
58. Глинка Сергей Николаевич // Трофимов И.Т. Писатели Смоленщины. М., 1973.
59. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма. М., 1985.
60. Глинка // Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 1. Изд. 2. СПб., 1895.
61. Греч Н.И. Записки о моей жизни. 1886.
62. Григорьян К.Н. Армения в русской литературе и живописи XVIII – 1-й половине XIX. Ер., 1962.
63. Григорьян К.Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X– начало XX в.). Ер., 1974.
64. Григорьян К.Н. Русские печатные источники XVIII – начало XIX вв. об Армении // Известия АН Арм. ССР. Общественные науки. № 6. 1955.
65. Григорян З.Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. М., 1959.
66. Грот К.Я. Воспоминания Ф.Н. Глинка о Н.М. Карамзине. Ф.Н. Глинка и П.А. Плетнёв // Известия Отд. русск. яз. и словесности. 1903. Т. VIII, № 2.
67. Гукасян З.О. Русско-армянские литературные связи дореволюционного периода. Ер., 1961 (на арм. яз.).
68. Данилов В.В. М.Т. Каченовский и С.Н. Глинка под Иваном Великим // Русская старина. СПб., 1908. № 9.
69. Данилов В.В. С.Т. Аксаков, С.Н. Глинка и В.В. Измайлов в Московском цензурном комитете // Известия отделения русского языка и литературы. Т. 1. Кн. 2. Л., 1928.
70. Данилов С.С. Драматургия С.Н. Глинка // Очерки по истории русского драматического театра. М.-Л., 1943.
71. Дело об отобрании у содержателя Московской типографии Семена всех экземпляров изданного стихотворения С.Н. Глинка «Поэма о нынешних происшествиях или воззвание к нападкам против турок», и о компенсации издателю убытков в связи с конфискацией издания, 18.11-26.11.1824. РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 780.

72. Дело об увольнении Отдельного Цензора при Московском Цензурном Комитете Сергея Глинки от занимаемой должности, 17.07.1830-06.11.1830. РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 244.
73. Дело по представлению г. Попечителя Московского учебного Округа о вознаграждении Цензора Глинки за убытки, причинённые ему жалобой на него проф. Каченовского 8.04.1829 – 22.05.1829. РГИА. Ф. 772, оп. 1, д. 124.
74. Дело по представлению Московского Цензурного Комитета о книге «Обзрение Армянской истории», 16.10.1833 – 14.03.1834. РГИА, ф. 772 (главного управления цензуры), оп.1, д. 597.
75. Дело по представлению Московского Цензурного Комитета о книге «Собрание актов», 04-07.1837. РГИА, ф. 772, оп.1, ч.1, д. 975.
76. Дилоян В.А. Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение // Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение / Сб. ст. Ер., 1978.
77. Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869.
78. Дружинин Н.М. Освободительная война 1813 г. и русское общество // Вопросы истории. 1963. № 11.
79. Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1900. № 10.
80. Дурылин С.Н. Русские писатели о войне 1812 года. М., 1943.
81. Евдокимов И.Е. Забытый патриот 1812 года // Санкт-Петербургские ведомости, 1912, № 195.
82. Еркянян В.С. Армянская культура в 1800-1917 гг. / Пер. с арм. К.С. Худавердяна. Ер., 1985.
83. Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. XVIII-первая треть XIX века. Л. 1978.
84. Замотин И.И. «Русский вестник» Глинки // Отечественная война и русское общество 1812-1912. Т. V. М., 1912.

85. Записка Х.Е. Лазарева Николаю I, апрель 1828. РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 530.
86. Записки Сергея Алексеевича Тучкова (1766-1808). СПб., 1908.
87. Знаменитые россияне XVIII-XIX веков. Биографии и портреты. СПб., 1996.
88. И.Ф. Краузе – И.И. Лазареву. 11 июня 1833. РГАДА, ф. 1252, оп. 1, ч. 2, д. 4390.
89. Из записок А.А. Кононова // Библиографические Записки. 1859. Т. II. № 10.
90. История Армянская, сочинённая Моисеем Хоренским, с кратким географическим описанием древней Армении. Перевёл с армянского на Российский язык архидиакон Иосиф Иоаннесов. СПб., 1809.
91. История армянского народа: С древнейших времён до наших дней / Под ред. М.Г. Нерсисяна. Ер., 1980.
92. История родов русского дворянства. В 2 кн. М., 1991.
93. История русской литературы XIX века (1800-1830-е гг.). М., 1989.
94. История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. М.-Л., 1962.
95. История русской литературы. В 4-х т. Т. 2. Л., 1981.
96. Каллаш В.А. Русские поэты о Пушкине. СПб., 1899.
97. Канцелярия Елизаветы Алексеевны. 13.03.-17.04. 1824. РГИА, ф. 535, оп. 1, д. 27.
98. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
99. Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Избранные статьи и письма. М., 1982.
100. Карамзин Н.М. Отчего в России мало авторских талантов? Сочинения. В 2 т. Т.2. Л., 1984.
101. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. М., 1982.
102. Касса (кассовая книга) Санкт-Петербургской Главной конторы на 1833 и 1834 годы. РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 4120.

103. Каталог книг и рукописей библиотек Лазаревского института восточных языков. М., 1888.
104. Каховский М.И. – С.Н. Глинке. 24 авг. 1814. РГАЛИ, ф. 1598, оп. 1, д. 6.
105. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.
106. Киселёва Л.Н. С.Н. Глинка и Кадетский корпус (из истории «сентиментального воспитания» в России) // Единство и изменчивость историко-литературного процесса: Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение / Уч. зап. Тартуского государственного университета. Тарту, 1982. Вып. 604.
107. Киселёва Л.Н. Глинка С.Н. // Русские писатели, 1800-1917: Биографический словарь. М., 1989.
108. Киселёва Л.Н. Еще раз о С.Н. Глинке - читателе “Слова о полку Игореве” // *Finitis duodecim lustris*: Сб. ст. Таллин, 1982.
109. Киселёва Л.Н. Система взглядов Сергея Глинки (1807-1812) // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности: Труды по русской и славянской филологии. Уч. зап. Тарт. ун-та. 1981. Вып. 513.
110. Киселева Л.Н. К языковой позиции «старших архаистов»: (С.Н. Глинка, Е.И. Станевич) // Уч. зап. Тарт. ун-та. 1983. Вып. 620.
111. Клейменова Р.Н. Книжная Москва первой половины XIX века. М. 1991.
112. Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943.
113. Колюпанов Н. Биография А.И. Кошелева. Т. I. Кн. 2. М., 1889.
114. Корнилов А.А. Курс истории XIX века. М., 1993.
115. Корнилович А.О. Соч. и письма. М.-Л., 1957.
116. Куприянов Б. В. Великие сыны Дона // Русский вестник. 15.07.2003. Эл. версия: <http://www.rv.ru/ontent.php?id=1072>.

117. Лажечников И.И. Новобранец 1812 года (Из моих памятных записок) // Русский вестник. 1857. № 7.
118. Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. По подлинным делам III отделения собственной ЕИВ канцелярии. СПб., 1909.
119. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
120. Любецкий С.М. Русь и русские в 1812 году. М., 1994.
121. Мазаев М. Глинка С.Н. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. VIII (16). СПб., 1893.
122. Мазаев М. Глинка Сергей Николаевич // Русский биографический словарь: В 20 т. Т. 5. М., 1999.
123. Максимович М.А. Письмо Виктору Павловичу Гаевскому. 14 июня 1854 г. // ОР РНБ. Ф. 171 (Гаевского В.П.), № 171.
124. Максимович М.А. Рец. на кн.: Две повести в стихах, почерпнутые из древних Арм. Летописей Соч. С. Глинка М., 1831 // Телескоп. Журнал современного просвещения, изданный Ник. Надеждиным. М., 1831. Ч. III. № 9.
125. Масанов И. Словарь псевдонимов. В 4 т. Т. 4. М., 1956.
126. Материалы об издании истории армянского народа (рукописные заметки, записки, справки), 1831-1834. РГАДА, ф. 1252 (Абамелек-Лазаревых), оп. 1, д. 532.
127. Мезьер А.В. Словарь русских цензоров: Материалы к библиографии по истории русской цензуры. М., 2000.
128. Мельгунов С.П. Глинка С.Н. // Энциклопедический словарь Русского библиографического ин-та Гранат. Т. 15. М., [193-].
129. Миансаров М. Опыт справочного систематического каталога по печатным сочинениям о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих. Т. 1. СПб. 1874-1876.
130. Митрополит Евгений. Словарь русских светских писа-

- телей, отечественных и чужестранцев, писавших в России. Т. I. М., 1845.
131. Мкртчян Л. Армянская поэзия и русские поэты XIX – XX вв. Ер., 1968.
132. Модзалевский Б.Л. А.С. Пушкин. Л., 1929.
133. Мурадян М. Восточная Армения в русской историографии XIX века. Ер., 1990.
134. Мурадян М.А. Присоединение Восточной Армении к России в оценке дореволюционной русской историографии и общественной мысли // Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение / Сб. ст. Ер., 1978.
135. Н.И. Архангельский - Ж.Е. Лазареву. РГАДА, ф. 1252, оп. 1, ч. 2, д. 4390.
136. Н.М. Карамзин – С.Н. Глинке. 1825 // Современник. 1865. Т. СХ. № 9. Отд. I.
137. Н.М. Карамзин – С.Н. Глинке. 1825. 8 марта // Глинка С.Н. Записки. М., 2004.
138. Нерсисян М.Г. Из истории русско-армянских отношений. Кн. 1. Ер., 1956; Кн. 2. Ер., 1966.
139. О производящихся денежных выдачах по Особой Канцелярии. РГИА, ф. 472, оп. 33, д. 148.
140. Об армянской литературе. Статьи и исследования русских писателей и учёных. Ер., 1941.
141. Об истории Армянского народа, сочиненной Сергеем Глинкой, 1832. ГАРФ, ф. 109, 1-я экспедиция, оп. 1832, д. 188.
142. Об исходатайствовании дозволения г. отставному майору Глинке продолжать издание «Р.в.». май 1838-сент. 1843. РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 1458.
143. Оганесян А. Первое исследование истории Армении в России: «Обзор истории Армении» Сергея Глинки (научное исследование) // Эчмиадзин. 2001. Январь (на арм. яз.).
144. Оганесян А. Россия и армяне. Уроки истории и реалии. Ер., 2000 (на арм. яз.).

145. Оганнисян Р. Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью. Ер., 1952.
146. Озеров В.А. Письма А.Н. Оленину. 12 окт. 1808 и 25 марта 1809 // Русский архив. 1869. Ч. 1.
147. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955.
148. Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950.
149. П.А. Вяземский – Е.М. Хитровой. 2 сент. 1830 // Русский архив. М., 1899. № 5.
150. Парсамян В.А. А.С. Грибоедов и переселение армян // Из истории вековой дружбы. Ер., 1983.
151. Парсамян В.А. История армянского народа 1801-1900 гг. Кн. 1. Ер., 1972.
152. Парсамян В.А. Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение. Ер., 1978.
153. Парсамян В.Н. Историография Армении первой половины XIX в. // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955.
154. Переписка С.Н. Глинки и А.Н. Голицына, документы «Кабинета Его Императорского Величества» о ежегодном пособии С.Н. Глинке и др. 1827-1877. РГИА, ф. 468, оп. 39, д. 279.
155. Переписка Христофора и Ивана Лазаревых с разными лицами, 24.12.1830-05.08.1837. РГАДА, ф. 1252, оп.1, ч. 2, д. 4390.
156. Петровская И.Ф. Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начало XX в. М., 1989.
157. Пиксанов Н.К. Два века русской литературы. М., 1924.
158. Письма В. Озерова – А. Оленину. 1808-1809 гг. // Русский архив. 1869. Ч. 1.
159. Письма разных лиц Х.Е. и И.Е. Лазаревым и ответы на них. РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 342.
160. Письма разных лиц Х. Е. Лазареву, 10.03.1834-03.1845. РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 736а.
161. Письмо С.С. Глинки издателю «Древней и новой России» Владимиру Ивановичу Грацианскому. 27 июля 1877 г. /

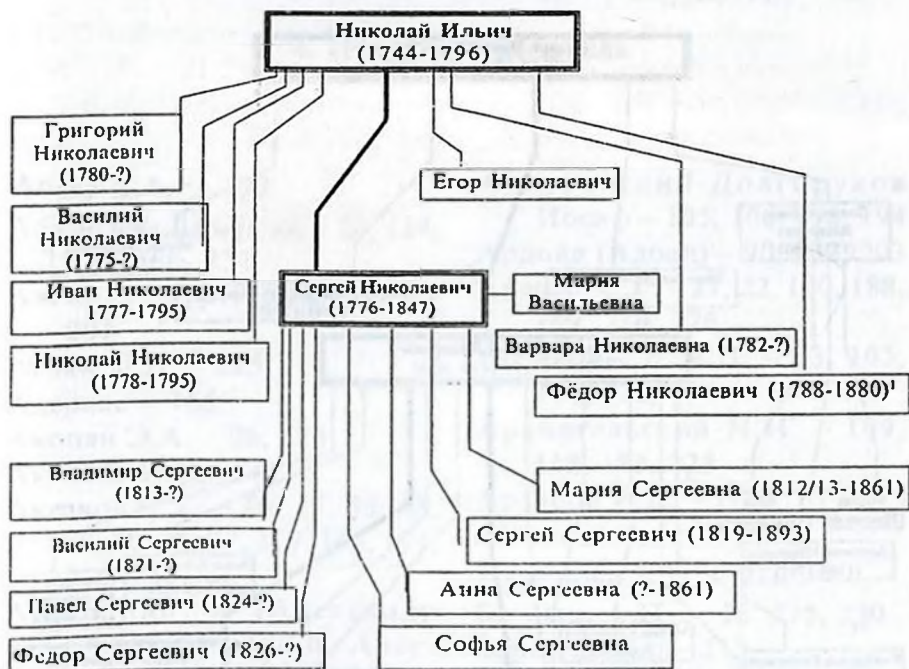
- / ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинского С.Н.), № 7.
162. Плетнев П.А. Мелкие критические разборы из журнала Современник // Сочинения и переписка П.А. Плетнева. Т. II. СПб., 1885.
163. Под высочайшим покровительством состоящий московский армянский Лазаревых институт восточных языков. М., 1830.
164. Подольская И.И., Кунина В.В. Сергей Николаевич Глинка // Русские мемуары. Избранные страницы XVIII века. М., 1988.
165. Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. М., 1975.
166. Полевой К.А. Записки о жизни и сочинениях Н.А. Полевого // Н.А. Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934.
167. Полевой К.А. Записки. СПб., 1888.
168. Полевой Н.А. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934.
169. Полевой П.Н. История русской словесности с древнейших времён до наших дней. В 3 т. Т. 2. СПб., 1900.
170. Присоединение Восточной Армении к России / Составители Ц.П. Агаян, С.А. Тер-Авакимова; Д.А. Мурадян, В.А. Дилоян. Т. I. Ер., 1972.
171. Присоединение Восточной Армении к России. Сб. док. Т. II (1814-1830). Ер., 1978.
172. Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания (1827). Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1969.
173. Пушкин А.С. Отрывок из литературных летописей (1829). Там же. Т. 5.
174. Пушкин А.С. О русской словесности. Там же. Т. 6. М., 1969.
175. Пушкин А.С. Письма последних лет. 1834-1837. Л., 1969.
176. Пятидесятилетие литературной жизни С.Н., Глинки // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1844. Т. 51. № 203.

177. Пятковский А.П. Из истории нашего литературного и общественного развития. В 2 тт. Т. 1. СПб., 1876.
178. Рец. на кн.: Две повести в стихах, почерпнутые из древних Арм. Летописей. Соч. С. Глинка М., 1831 г. в тип. Лазар. ин-та вост. яз. // Московский Телеграф. 1831. №6.
179. Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. В 4 х ч. СПб., 1828.
180. Рукописи С.Н. Глинка. Каталог. Л., 1963.
181. Русская литература и армянская жизнь // Армянский вестник. 1916. № 15.
182. Русская периодическая печать (1702-1894). Справочник / Под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова. М., 1959.
183. Русские писатели об Армении. Сб. сост. С. Арешян, Н. Туманян. Ер., 1946.
184. Русские портреты XVIII и XIX веков. В 5 т. Т. 2. М., 2000.
185. Русско-армянское сотрудничество в период присоединения Восточной Армении к России 1826-1828 гг. // Вестник архивов Армении, 1978, № 2 (51).
186. Саруханян Н.Б. Присоединение Восточной Армении к России в дореволюционной армянской историографии. Ер., 1971, (на арм. яз.).
187. Саядов С.М. Сергей Глинка и история армянского народа // Глинка С.Н. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времён Армении. Ростов н/Д, 2003. Эл. версия: <http://www.sayadovsm.aaanet.ru/>
188. Саядов С.М. «Тифлиссские ведомости» об Армении и армянах // Историко-филологический журнал. Ер., 1983, № 2-3. Эл. версия: <http://www.sayadovsm.aaanet.ru/>
189. Саядов С.М. Лазаревы и история армянского народа // Вторые Лазаревские чтения. М. (в печати).
190. Саядов С.М. Работы С.Н. Глинка по истории Армении в азербайджанской историографии (обзор интернет-изданий) // Вестник общественных наук НАН РА. 2006. № 1. Эл. версия: <http://www.sayadovsm.aaanet.ru/>

191. Сенковский О.И. Об «Истории армянского народа» С.Н. Глинки // «Библиотека для чтения». 1834. Т. VII. Отд. V. № 11-12.
192. Сергей Глинка – графу Аракчееву, 30 марта 1808, 31 апреля 1808 // Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807-1829 гг.). СПб., 1883.
193. Сергей Николаевич Глинка (1775-1847). Два письма о нём князя П.А. Вяземского. К Е.М. Хитровой. 2 сент. 1830. К Д.Г. Бибикову // Русский архив. М., 1899, № 5.
194. Сивков К.В. Война и цензура // Отечественная война и русское общество 1812-1912. Т. V. М., 1912.
195. Сивков К.В. Глинка Сергей Николаевич // Русский биографический словарь. М., 1916.
196. Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892.
197. Собрание актов, относящихся к обозрению истории Армянского народа. Ч. I-III. М., 1833-1838.
198. Современная русская библиография. Замечания на армянские книги, изданные в Москве в 1827 году // Московский телеграф, 1828, ч.19, № 1.
199. Сочинения и переписка П.А. Плетнёва. Т. 2. СПб., 1885.
200. Справочный энциклопедический словарь / Под ред. А. Старчевского. Т. 3. СПб., 1854.
201. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Глава: Полемические статьи Пушкина. Т. 2. СПб., 1889.
202. Счетная (книга) С.-Петербургской Главной конторы, 1833–1834. РГАДА, ф. 1252, оп.1, д. 4121.
203. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.
204. Ф.Н. Глинка – С.Н. и М.В. Глинкам. 17 апреля 1831 // Щукинский сборник. Вып. 1. М., 1902.
205. Федоров Б.М. Пророческое вдохновение поэта. СПб., 1865.
206. Федоров Б.М. Пятидесятилетие литературной жизни

- С.Н. Глинки. СПб., 1844.
207. Хачатрян Р.Г. Вопросы истории русско-армянских отношений в русской дворянской историографии XVIII века // Историкофилологический журнал. Ер., 1977. № 2.
208. Хачатрян Р.Г. История Армении и русско-армянских отношений в русской историографии (XVII – начало XIX вв.): Дисс... докт. истор. наук. Ер., 1982.
209. Хачатрян Р.Г. Материалы по истории армянского народа в трудах Н.М. Карамзина // Вестник общественных наук АН Арм.ССР. 1975. № 7.
210. Хачатрян Р.Г. Отражение русской ориентации армянского освободительного движения в русской исторической литературе XVIII века // Вестник общественных наук АН Арм.ССР. 1978. № 10.
211. Хачатрян Р.Г. Русская историческая мысль и Армения (XVII - начало XIX вв.). Ер., 1987.
212. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1975.
213. Черейский Л.А. Современники Пушкина. Л., 1981.
214. Чирбет Шаган и Сен-Мартен. Любопытные извлечения из древней истории Азии, почерпнутые из восточных рукописей, хранящихся в парижской библиотеке, и из иных источников. Изданные в Париже, на французском языке, в 1806 году, а ныне переведенные Александром Худобашевым. СПб., 1816.
215. Шамиров Яков. Краткое историческое и географическое описание царства Армейского из древних писателей сего народа, яко верных источников, собранное и на Арменском языке, в Индии изданное Яковом Шамировым, а ныне с арменского на русский язык переведенное Подпоручиком Варлаамом Вагановым. СПб., 1786.
216. Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.

2. Генеалогия Глинок (фрагмент)

¹ Глинка Федор Николаевич – поэт, публицист, историк, общественный деятель, участник военных действий 1805-1806, 1812, 1813-1814 гг. Автор патриотической книги “Письма русского офицера” (1815-1816), имевшей блистательный успех. Он был одним из основателей и руководителей “Вольного общества любителей российской словесности”, активным членом Союза спасения, Союза благоденствия. «Из всех наших поэтов, - писал А. С. Пушкин, - Ф.Н. Глинка, может быть, самый оригинальный».

При составлении фрагмента генеалогии использованы следующие документы и литература:

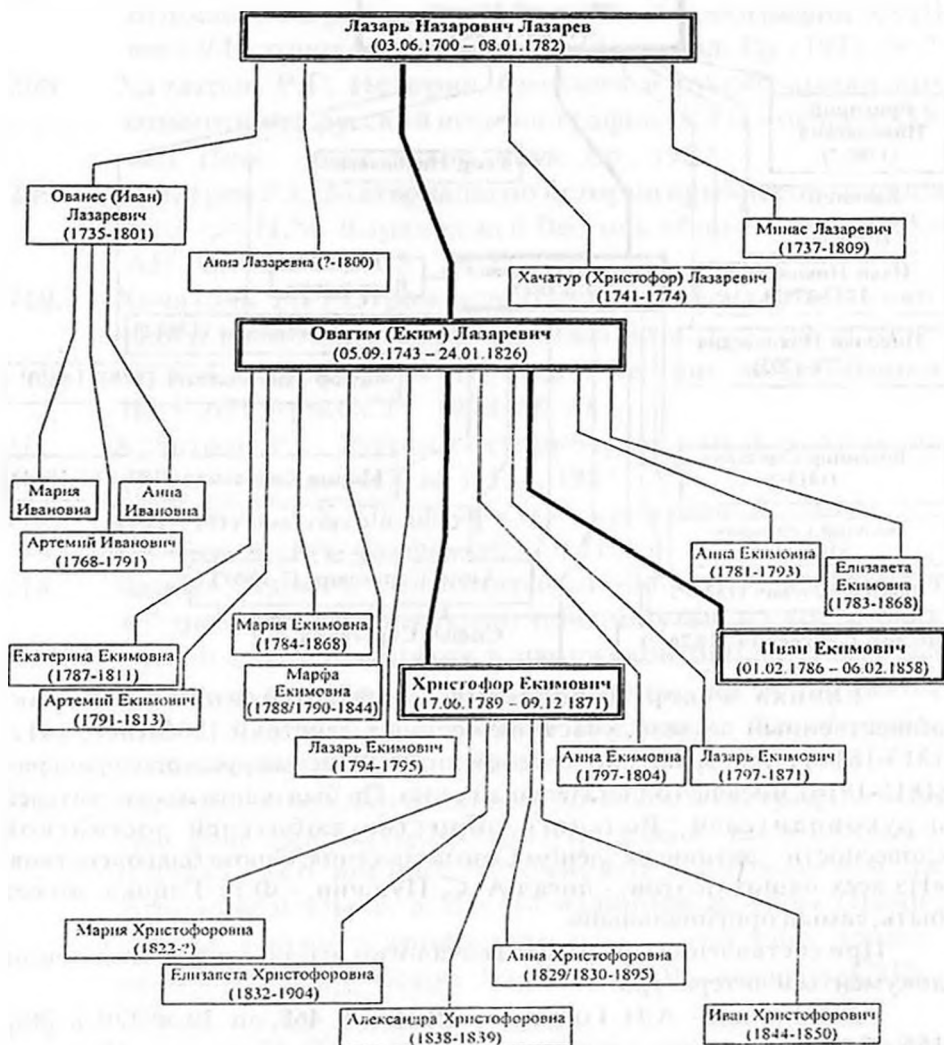
¹ С.Н. Глинка – А.Н. Голицыну. РГИА, ф. 468, оп. 39, д. 279, л. [86]: 165 об.

² Глинка // Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 1. Изд. 2. СПб., 1895. С. 128-135.

³ Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество: Энциклопедия дворянских родов. Красноярск. М. 2003. С. 100-102.

⁴ <http://vgd.ru/G/glinka.htm>

3. Генеалогия Лазаревых (фрагмент)

Составлено с использованием: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Т. 1. М., 1962; Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых. М., 1982; Базиянц А., Мартиросян Р. Обелиск. Ер., 1993.; http://history.ntagil.ru/l_07.htm

4. Именной указатель

- Абаза В.А. – 122
Абамелек- Лазаревы – 28, 114,
129, 188, 222
Авгарь, царь Армянский –
205
Агаян Ц.П. – 225
Адеркас – 165
Акопян Э.А. – 26, 214
Аксаков И.С. – 41
Аксаков С.Т. – 16, 17, 35, 58,
59, 70, 71, 77, 119, 146, 174,
214, 218
Александр I (Александр
Благословенный, Алек-
сандр Павлович) – 39, 42,
49, 55-57, 61, 80, 113, 123,
135, 141, 155, 157, 164, 174,
194, 227
Александр II (Александр
Николаевич, наследник
престола) – 59, 123, 210
Амирханян М.Д. – 25, 32, 33,
138, 214
Ангалът Ф.Е. – 32, 33, 138
Ара Прекрасный – 97
Аракчеев А.А. – 7, 47, 135,
136, 227
Аратский – 22
Аргутинский-Долгоруков
Иосиф – 105, 106, 190, 194
Ардоад (Адоад) – 90, 202, 203
Арешян С.Г. – 21, 22, 120, 188,
189, 214, 226
Арзановы Я. и Д. – 23, 105,
106, 122, 194
Архангельский Н.И. – 109,
116, 193, 223
Архаров И.П. – 156
Баженова А.И. – 215
Базиянц А.П. – 28, 215, 230
Барсегов Ю. – 215
Бархударян В.Б. – 215
Батюшков К.Н. – 56, 215
Башилов – 154
Баян (Боян) – 39
Белинский В.Г. – 8, 124, 125,
169, 170, 215, 216
Белуглянский – 199
Белус (Бел, Бэлус) – 90, 97,
204
Бенкендорф А.Х. – 79, 82, 119,
142, 154, 173, 183, 186, 188,
195, 196, 210
Бенкендорф К.Х. – 183
Бердяев Н.А. – 98

- Бестужев-Марлинский А.А. – 22, 91, 214
Бецкий И.И. – 32
Бибиков Д.Г. – 82, 227
Богданович М.И. – 55
Божерянов И.Н. – 13, 46, 55, 216
Болдарев (Болдырев) – 158
Болховитинов Е.А. (Митрополит Евгений) – 162, 216, 222
Боссюэ (Боссюет) Ж.Б. – 63
Бочкарёв В.А. – 216
Бочкарев В.Н. – 41, 216
Брокгауз Ф.А. – 18, 21, 222
Броневский – 206
Букинан К. – 194
- Ваганов В.** – 112, 190, 206, 228
Ваксель П.Л. – 130
Василенко А.С. – 44, 217
Вацуро В.Э. – 17, 77, 81, 217
Вейсман – 167
Венгеров С.А. – 20, 217
Верховский Ю. – 214
Веселовский Ю.А. – 90, 217
Вигель Ф.Ф. – 16, 42, 54, 68, 217
Вико Дж. – 63
Воейков А.Ф. – 55, 64
Волконский, князь – 165
Володина Т.А. – 19, 20, 34, 63, 217
Вольтер – 34, 35, 50, 87, 143, 219
- Вольф А. – 217
Вяземский П.А. – 8, 16, 36, 45, 46, 49, 51, 54, 58, 60, 81, 82, 126, 152, 154, 168, 217, 224, 227
- Гаевский В.П. – 222
Гайк – 90, 97, 114, 202, 203
Геннади Г.Н. – 12, 17, 20, 102, 217
Гердер И.Г. – 63, 205
Герен – 205
Гизо – 101, 205
Гика – 166
Гиллельсон М.И. – 17, 77, 81, 217
Глинка Анна С. – 150, 179
Глинка Г. А. – 215
Глинка Варвара Н. – 38
Глинка Василий Н. – 177, 229
Глинка Василий С. – 83, 177
Глинка Владимир С. – 150
Глинка М. В. – 68, 80, 173, 174, 178, 227
Глинка М.С. – 83, 150, 179
Глинка Н.И. – 32, 229
Глинка П.С. – 150
Глинка С.С. – 84, 150, 178
Глинка Ф.Н. – 46, 60, 65, 67, 218, 227, 229
Глинка Ф.С. – 150
Голицын А.Н. – 80, 83-85, 130, 147, 171-174, 176, 177, 224, 229
Голицын С.М. – 80-82, 151, 153

- Головины – 135
Голохвостов – 199
Гомер – 88
Гораций – 133
Грацианский В.И. – 224
Греч Н.И. – 16, 130, 160, 218
Гречинский С.С. – 105
Грибоедов А.С. – 22, 224
Григорьян К.Н. – 23, 89, 102, 218
Григорян З.Т. – 218
Грот К.Я. – 65, 124, 218
Грот Я. – 130
Гукасян З.О. – 24, 218
Гутсимовы – 166
- Д'Аламбер – 50
Давыдкин Д. – 214
Давыдов Д. – 22
Давыдов И.И. – 114, 184, 185
Данилов В.В. – 17, 218
Данилов С.С. – 218
Дашкова Е.Р. – 17
Двигубский – 146
Дементьев А.Г. – 226
Державин Г.Р. – 7, 35, 42, 47, 130, 131, 134, 135
Дидерот – 35
Дидро – 34, 48, 50
Дилоян В.А. – 28, 219, 225
Димитрий Иоаннович Московский (Дмитрий Донской), великий князь – 53, 134, 135
Джерпет Ш. – 106, 112
Дмитриев И.И. – 47
Дмитриев М.А. – 35, 54, 60, 64, 219
Долгорукие – 135
Долгоруков (Долгорукий) Ю.В. – 38, 164, 170
Дризен – 168
Дружинин Н.М. – 17, 51, 52, 219
Дубровин Н.Ф. – 135, 219, 227
Дурылин С.Н. – 219
- Евдокимов И.Е. – 219
Екатерина II (Екатерина Великая) – 32-36, 39, 75, 125, 138, 151, 167, 216
Екатерина Павловна, великая княгиня – 55
Елизавета Алексеевна, императрица – 7, 55, 139-141, 220
Ерканян В.С. – 23, 219
Ефрон. И.А. см. Брокгауз Ф.А.
- Жуковский В.А. – 47, 59, 60, 76, 123, 168
- Заборов П.Р. – 39, 219
Замотин И.И. – 17, 219
Западов А.В. – 226
Захарий – 178
Зотов Н.М. – 54
Зубов П. – 121

- И**ван Сусанин – 53
Измайлов В.В. – 17, 77, 218
Иисус Христос (Христос Спаситель) – 163, 177
Иловайский А.В. – 67, 68
Ильин И.А. – 86
Иоаннесов И. – 220
Ир – 70
- К**айсаров А.С. – 215
Каллаш В.А. – 220
Каподистрия И.А. – 88
Карамзин Н.М. – 7, 19, 22, 26, 39, 42, 45, 47, 62, 64, 65, 71, 76, 106, 113, 120, 122, 143, 144, 192, 218, 220, 223, 228
Карсавин Л.П. – 102
Катон – 33
Каховский М.И. – 130, 201
Каченовский М.Т. – 7, 78, 118, 125, 129, 144, 204, 218, 219
Кашин Д.Н. – 37, 39
Киреева Р.А. – 221
Киреевский И.В. – 60
Киселёва Л.Н. – 21, 37, 40, 221
Клейменова Р.Н. – 221
Княжнин Я.Б. – 35
Козлов [Угринин] – 166
Коленкур А. – 49, 221
Колопанов Н. – 49, 221
Копонов А.А. – 220
Корнилов А.А. – 221
Корнилович А.О. – 221
Корф Ф. – 121
- Косновский (Косповский) – 151, 154, 158
Кошелев А.И. – 49, 221
Краузе И.Ф. – 109, 111, 187, 188, 192, 193, 207, 208, 220
Крылов И.А. – 170
Крюковский М.В. – 216
Кукольник Н.В. – 161
Кунина В.В. – 37, 42, 225
Куприянов Б. В. – 221
Кур-де-Жеблен – 204
Кутузов (Кутузов-Смоленский) М.И. – 36, 82, 138, 168
Кушлю А. – 214
- Л**ажечников И.И. – 70, 222
Лазарев И.Е. – 120, 184, 186, 187, 199, 210, 220
Лазарев Х.Е. – 8, 9, 104, 106, 108, 109, 111, 114-116, 119, 120, 128, 129, 180, 183, 196, 197, 199, 200, 209, 210, 220, 224
Лазаревы – 9, 15, 16, 28, 104, 105, 107-109, 111, 115, 117, 128, 189, 193, 194, 206, 209, 230
Лазаревы Х.Е. и И.Е. – 4, 6, 8, 9, 15, 16, 28, 93, 104-109, 111, 115, 117, 118, 128, 129, 183-185, 188, 189, 193, 194, 224
Лафонтен – 67
Левек – 35

- Леклерк – 35
 Лемке М. – 222
 Ливен К.А. – 74, 78, 80-82, 92, 147, 148, 151, 153
 Лисовский Н.М. – 216
 Лобанов-Ростовский А.Б. – 218, 229
 Лобанов-Ростовский Д.И. – 79
 Локк – 56
 Ломоносов – 35
 Лонгинов Н.М. – 141, 172
 Лотман Ю.М. – 70, 141, 222
 Луковская Д.И. – 105
 Лызлов А.И. – 106
 Любецкий С.М. – 44, 222
- М**азасев М. – 18, 21, 222
 Македонский А. – 202, 203
 Максимович М.А. – 9, 118, 202, 203, 222
 Мамай – 50
 Мария Федоровна, императрица – 55
 Маркелов – 173
 Масанов И. – 222
 Матвеев А.С. – 54
 Матвеевы – 135
 Мезьер А.В. – 222
 Мельгунов С.П. – 17, 222
 Мерзляков А.Ф. – 49, 67, 72
 Миансаров М. – 222
 Минин К. – 39, 40, 52, 53, 64, 66, 133, 134
 Михаил Павлович, великий князь – 150, 152, 154
- Михаил, князь Черниговский – 39, 133, 134
 Михайловский-Данилевский А.И. – 7
 Мкртчян Л. – 24, 223
 Модзалевский Б.Л. – 81, 223
 Монтескьё – 35, 48
 Мордвинов А.И. – 188, 189
 Морозов В.И. – 105
 Муравьев Н.Н. – 147, 148, 151
 Мурадян Д.А. – 225
 Мурадян М.А. – 24, 25, 223
 Мурузи А. – 165, 166
- Н**адеждин Н. – 222
 Наполеон (Бонапарт) – 40, 42, 48, 49, 51, 61, 69, 123, 138, 221
 Наталья Кирилловна (Нарышкина), царица – 40, 54
 Наталья, боярская дочь – 39
 Немврод – 202-204
 Нерсес Аштаракец – 191, 194, 195, 211
 Нерсисян М.Г. – 220, 223
 Нефедьев Н. – 122
 Нибур – 205
 Никитенко А.В. – 59, 125
 Николаев П.А. – 21
 Николай I (Николай Павлович), император – 8, 22, 60, 61, 80, 84, 85, 106, 151, 175-177, 179, 180, 210, 220

- Ничипоров Б.В. – 86
- Оганесян А. – 27, 223
- Оганнисян Р. – 23, 224
- Озеров В.А. – 135, 224
- Оленин А.Н. – 224
- Ольга Прекрасная – 39
- Орлов Я.В. – 113, 191, 192, 194
- Островский – 179
- Павел I** – 152
- Парсамян В.А. – 24, 224
- Парсамян В.Н. – 23, 224
- Паскевич, генерал – 183
- Перун – 49
- Петр I (Петр Великий) – 54,
91, 118, 164, 167, 170, 206
- Петровская И.Ф. – 224
- Пиксанов Н.К. – 224
- Пиндар – 88, 131
- Писарев А.А. – 71, 144, 145
- Платов М.И. – 70
- Плетнёв П.А. – 8, 65, 124, 162,
225, 227
- Плутарх – 66, 169
- Подольская И.И. – 37, 42, 225
- Пожарский Дм. – 40, 52, 64,
66, 133, 134
- Познанский В.В. – 19, 225
- Полевой К.А. – 7, 16, 64, 76,
79, 91, 141, 142, 214, 225
- Полевой Н.А. – 13, 60, 64, 77,
78, 91, 113, 118, 141, 142,
146, 192, 214, 225
- Полевой П.Н. – 51, 54, 225
- Потемкин – 170
- Пушкин А.С. – 11, 13, 52, 60,
78, 80, 81, 86, 154, 168, 220,
223, 225, 227-229
- Пятковский А.П. – 226
- Радищев А.Н.** – 34
- Разумовский А.К. – 41
- Расин – 56
- Рафаэль – 134
- Романовы – 135
- Рославлев – 52
- Ростопчин Ф.В. – 41, 45, 47,
52, 56, 57, 155
- Румянцев – 43
- Рунич Д.П. – 167
- Руссо Ж.Ж. – 34, 35, 48, 73
- Рыбаков Б.А. – 215
- Рылеев К.Ф. – 79
- Саруханян Н.Б.** – 226
- Сахаров И. – 162
- Саядов С.М. – 4, 30, 90, 104,
166, 226
- Св. Григорий – 181
- Св. Елизавета – 178
- Семен А.И. – 7, 60, 87, 129,
142, 218
- Сенковский О.И. – 9, 118, 204,
206, 210, 227
- Сен-Мартен – 26, 113, 205,
206, 228
- Сербинович К.С. – 8, 168, 169
- Сивков К.В. – 21, 227

- Скабичевский А.М. – 78, 227
Скрибатов И. – 178
Смирдин А.Ф. – 13, 226
Сперанский М.М. – 105, 107,
130, 199, 201, 209
Сталь Анна Луиза Жермена
де – 49
Станевич Е.И. – 221
Старчевский А. – 21, 227
Ступишин В.П. – 29, 30
Суворов А.В. – 35, 43, 136
Сумароков А.П. – 123, 163,
216
Сумбека – 39, 43, 45
Сухомлинов М.И. – 227
- Тамерлан – 205
Татищев В.Н. – 106, 122
Тацит – 100 “
Теплова С. – 79
Тер-Авакимова С.А. – 225
Толь К. – 61, 67
Топоров – 199
Торсон – 165, 166
Трозин – 167
Трофимов И.Т. – 21, 218
Туманян Н. – 226
Тучков А.А. – 220
Тютчев Ф.И. – 41
Уваров С.С. – 60, 161, 201,
202, 211
Уделов – 165
- Федоров Б.М. – 16, 20, 58, 67,
82, 88, 125, 126, 227, 228
Федорченко В.И. – 229
Франклин Бенджамин
(Вениамин) – 88
- Халдарян – 194
Хачатрян Р.Г. – 25, 26, 106,
228
Хитрово Е.М. – 8, 81, 82, 152,
224, 227
Хоренаци Мовсес – 26, 100,
112, 113, 203
Христина, королева – 87
Хубов Е. – 106
Худавердян К.С. – 215, 219
Худобашев А.М. – 105, 109,
113, 206, 208, 228
- Цветаев Л.А. – 198, 199, 202
Цинциннат – 33
Цирбит Ш. – 205, 206
Цирлейн – 166
- Чаадаев П.Я. – 11
Черейский Л.А. – 81, 228
Черепанов М.С. – 226
- Шаамирян Ш. (Шамиров Я.)
– 26, 112, 190, 205, 206, 228
Шаган Чирбет (Ш.
Джерлетян) И.М. – 113,
206, 228
Шаликов П.И. – 125
Шамирам – 97

- Шатобриан Ф.Р. – 82
Шатров Н.М. – 47
Шикман А.П. – 228
Ширинский-Шихматов П.А. – 71, 200
Шишков А.С. – 7, 42, 65, 71, 123, 124, 143, 156
- Шнорали – 194
Шопен И. – 122
Щербатов М.М. – 106
Юнг Э. – 38, 39, 56
Юсупов Н.Б. – 152, 154

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ САЯДОВ

ГЛИНКА С.Н.

**ОТ РУССКОЙ ИСТОРИИ
К ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО НАРОДА**

Изд. редактор **С.Даннелян**
Верстка **В.Папян**

Заказ № 182.

Подписано к печати 12.01.2006 г.
Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
15 печ. листов. Тираж 400 экз.
Цена договорная.

Типография НАН РА,
Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24.

150088.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

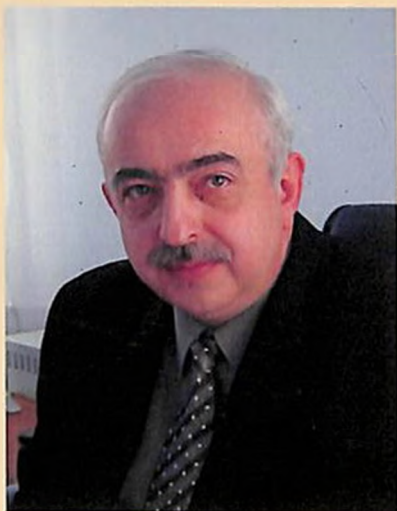
UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

ԳԱԱ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

120651649

Сергей Михайлович Саядов родился в 1955 году. Историческое образование получил в Ростовском-на-Дону государственном университете. Занимается исследованиями по теме: Армения в русской историографии первой трети XIX века, и в частности работами русского писателя и публициста Сергея Глинки. Накопленные в ходе архивных разысканий документы позволяют С.М.Саядову раскрыть творческое сотрудничество Сергея Глинки с Христофором Екимовичем Лазаревым и пролить свет на обстоятельства редактирования и подготовки к публикации «Обозрения истории армянского народа» и «Собрания актов, относящихся к обозрению истории армянского народа».

Саядов имеет несколько публикаций по этой теме. В 2002 году им была переиздана, с комментариями и приложениями, работа Глинки «Описание переселения армян».

Р П
651649